

2008

Вып. 1

апрель

...я предпочитаю Тюмень; я знаю, что если здесь кто-нибудь был раз ошельмован, этот эпизод уж не вычеркнется из тюменской летописи, и свидетели, и сам ошельмованный останутся тут же. Здесь от всякого действия и слова образуются традиции, этого в Омске нет. Тюменские нравы дикие, грубые, жить здесь не очень-то привлекательно, но, сознавая это, в то же время чувствуешь, что это самая арена твоей деятельности и есть, тут ты должен работать, хотя и беспрестанно ссорясь с окружающими и проклиная их...

Милый «Лук & Чок»!

Ты, долгожданный, ворвался в круг тюменских журналов, по-свойски расталкивая соседей, доброжелательно улыбаясь и бесцеремонно перебивая старших.

О, милое дитя, да возрадуется публика твоей неиспорченности, твоему душевному здоровью. Пусть твоими устами глаголет истина и всяк случайно проходящий мимо инженер человеческих душ невольно воскликнет «Привет “Лукичку”!»

Будущий исправный читатель

Валерий Белобородов

Журнал издается с апреля 2008 г.

Периодичность — по мере накопления материала

Учредитель

Ю. Мандрика

Издатель

ООО «Издательство
Юрия Мандрики»

№ 1

Главный редактор

Ю. Мандрика

Адрес редакции

(для переписки):

625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (8) 922-48-369-48

e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Сдано в набор 10.01.2008.

Подписано в печать 19.05.2008.

Формат 84x108/32.

Гарнитура «AbbatMix».

Трафаретная печать.

Бумага офсетная 80 г/м².

Усл.-печ. 9,24.

Уч.-изд. 6,67.

Тираж 250. Заказ №20.

Корректор М. Кремлева

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина,

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Издательство

Юрия Мандрики».

Слово редактора

Краевед, журналист и писатель Анатолий Омельчук немало сделал для автора этих строк, иногда прямо за волосы в очередной раз вытаскивая попавшего в трясины отношений с каким-либо начальником или видным деятелем. При этом он не забывал и о популяризации своего подопечного. Бескорыстно, но нередко он выставлял в эфир и заставлял отвечать на программные вопросы: что будете делать в ближайшие, скажем, сто лет? Отвечать на такие банальности я не смел и как мог выкручивался, изображая конструктивность своего планирования как результата мышления. И обещал, обещал. Омельчуку, себе, человечеству...

Пытаясь в очередной раз войти в ту же воду — по третьему кругу начать преподавать студентам ТюмГУ, я понимал, что не успел еще высохнуть от предыдущего раза. Но на этот раз ничто не предвещало неожиданного поворота событий, поэтому в который раз отрапортовал в эфире Омельчуку, что как только, так сразу начну издавать журнал. А поскольку «ЛуКИЧ» скончался, то его детеныша, с которым должны были согласнo телеэфирной игре возиться мои подопечные студенты, предполагалось назвать «Лукичок». Такой мелкий, не только по формату, но растущий вместе со студентами.

Лучшая в городе вузовская выхлопная труба выпернула¹ меня, не спросив о жизненных планах. Но в них вмещался краевед Стас Белов, регулярно задавая по Интернету: «Ну и как там “Лукичок”», посылая все новые и новые материалы в не-

¹ Не уверен, что данное слово так и пишется, как произносится...

существующее издание. При этом он делал на компьютерной рукописи нахальную приписку: «В “Лук & Чок”».

Будучи человеком комформным, я поддался его влиянию и решил, что если народ желает такое название, пусть получит его. Цели и задачи остаются ведь те же. А проблема номинации — это вопрос узнавания. Учитывая, что и предыдущий журнал имел скорее клубный характер и не был рассчитан на массовость, такое название несомненно лучше всяческих «Сибирских врат» или «Солнечных сибирских богатств». Во всяком случае, не только предполагает единение на биологической почве, но вызывает при назывании ироническую улыбку.

А ведь все серьезные вещи надо делать всегда шутя. Это мое глубокое убеждение. И именно с ним начинаю новое издание.

Мой любимый тюменский художник Александр Кухтерин, не мудрствуя лукаво, нарисовал для обложки бутылку, как он обозвал, флакон, в которой живут, по его мнению, два в одном. Очевидно, джинна...

Подозреваю, что со временем, в очередной раз уразумев, что Наталья Рогачева оказалась права, и в Тюмени литературы в принципе быть не может, откажусь от литературных амбиций. И один из трех предполагаемых отделов, т.е. джиннов, улетучится, превратив «Лук & Чок» в обыкновеннейший «Чок», журнал для увлеченных краеведов. На этот раз молодых, которые все-таки должны прийти на смену подрастающему до определенного возраста поколению.

А в отношении слов на обложке — это не программа журнала. Это красивые фразы, сказанные Г.Н. Потаниным более ста тридцати лет назад. Прав ли был он? Судя по «Лукичу» — да!

Станут ли они попутным ветром новому судну — покажет время...

С Богом! И ты, читатель, тоже...

Ю. Мандрика,
редактор журнала «Лук & Чок»

ПОЭЗЫ

Лиза Ганопольская. Любовь № 18/19 5

ЧИСТОПИСАНИЕ

Ольга Добрынина. Современное богомолье 13

ЛАКУНЫ КЛАССИКИ

Наталья Горбачева. Диалоги о Риме и России 23

КРИТИЧЕСКИМ ОКОМ

Федор Корандей. Та специфическая таинственность 31

*Лиза Ганопольская***Любовь N 18/19**

*

Любимые книги отдать,
не заботясь, вернешь ли.
Купить...
ну, неважно что —
и забыть на прилавке.
Потому что неважно!
Ждать.
Терпеть.
Сомневаться.
Сто раз дали в глаз.
И другой подставляешь.
Потому что неважно!
Сменить,
если нужно тебе,
веру,
имя,
страну.
Но тебе не нужно.
Веры нет.
Имя мнимо.
Страна одна.
Ну куда ты,
дура?
Зачем опять.
Почему.

ГАНОПОЛЬСКАЯ Елизавета Михайловна. Родилась 16 января 1969 года в Кировограде (Украина). В 1994 г. окончила Литературный институт им. М. Горького (поэзия). Работала журналистом в «Тюменском комсомольце», «Тюменском курьере», «Семейном бюджете», преподавала будущим коллегам в ТюмГУ. Лауреат фестиваля «Тюменская пресса» (2004, 2007). Автор книг: «Дивный сад на берегу моря поодаль от моря» (1990, самиздат), «Любовь № 18» (2006). Стихотворения печатались в коллективных сборниках «Времена, в которые верю» (1988), «Антология русского верлибра» (М., 1990), журнале «Урал», периодике.

**

Ожидая — зависая
на краю крутых обвалов.
Шарю, ни черта не шаря,
и не нахожу порталов.
К слепоте почти привыкла,
наугад, впотьмах, на ощупь.
Пожалейте инвалидку,
дайте алгоритм попроще!
Твердь потверже,
вяз потолще!
(аллес! — вязовую рощу!)
дайте дайте зацепиться
удержаться не свалиться
что-нибудь! не различая
от отчаянья дичая
В ожиданье-зависанье
быть больней,
чем быть разбитой,
быть пропавшей,
чем пропащей,
дармовой,
чем даровитой.
К слепоте почти привыкла,
но когда еще и глухо...

.....
Вот и завтра наступило.
Выжила.
Сама.
Старуха.

Подруги — умнейшие люди.
В момент доберутся до сути.
Меня оправдают,
осудят
его.

А кроме того
у них уютные груди,
куда
мне всегда
предложат уткнуться,
заткнуться,
покорно сопя,
пока они будут
подробно,
со вкусом,
долго-предолго
с пространными лирическими отступлениями
рассказывать
и рассказывать,
и рассказывать,
и рассказывать,
и рассказывать
про себя.

слов слишком много,
они слиплись в одно,
огромное
месиво,
которого ты боишься,
ждешь,
зажмуриясь,
надеясь,
что не придавит,
вдохнув поглубже,
и вот уже, вот,
сейчас...
Ты готов к обороне:
стальные мышцы,
грудь колесом,
страх в кулаке,
не ускользнет сквозь пальцы,

не просочится
в щель частокола зубного,
в бойницы глаз.
Выхода нет.
Ну что же,
зато и вход
замурован.
Когда ты так боишься,
что я могу сказать?
Удержу
липкую массу обид,
подозрений, сомнений,
хотений.
Вот тебе воля
которой не чаешь,
пустота,
которую сам заполняй.
Баю-бай, мой хороший,
точнее, чужой хороший.
Слишком много
скопилось слов,
не нужны,
потому их так много,
они не нужны никому.

В сон бегу от навязчивой дрели,
заунывной надежды «а если?..»,
Если б «если», то все бы воскресли!
Боли ближних они б не стерпели.
Амба, мертвых не ждут.
Отвяжись.
Отгони ее, трезвая мысль!
Сторож сна, отпирай поскорей
сколько там у тебя дверей!
Да хотя бы окошко в сторожку!

Полежу, будто сплю, понарошку.
Может, ей надоест,
али страх ее съест,
аль утопит тоска,
ну а я тут пока...
Верно, мертвых не ждут.
Но живых — не хоронят.
А вдруг?
Не отпустит ошейник –
надежды спасательный круг.
Что ж ты кружишь, настырная вошь,
что ж ты девушкам спать не даешь.
Время лечит. Сперва покалечит,
а потом будет шлепать припарки
не сбежать мне от этой знахарки,
слышу постушь ее издали.
Покорюсь ее путаной речи.

Все хорошие,
когда спят.
Идеал с головы до пят.
Идеалы под одеялами.
На подстилках в прихожей.
В клетках.
Под кустом,
под листом,
на ветках.
Стали милыми, стали малыми.
Сын не требует
бутерброд,
муж разгневанный
не орет,
кот
не гадит,
сосед не пьет.

И никто никого не бьет.
Может, там, в сновиденье,
война.
Здесь она не видна.
Все хорошие.
Спите, спите.
Солнце спряталось,
вы в зените.
Лишь себя не увижу спящей.
Не узнаю себя настоящей.

2006 г.

*

Есть женщины...
Только не в русских селеньях.
Хотя и там...
Скажу по-другому, есть дамы такие...
Немало дам,
завидно цельных.
Они не делят себя
пополам.
И даже знать не желают
правил деленья.

То ли дело я.
Полполовины — тебе, дорогая родня,
трать бережливо, не требуй прибавки,
в долг не проси,
и уж конечно, случайным прохожим
за скобки не выноси.
Полполовины — друзьям и примкнувшим к ним,
тоже, как выясняется, дорогим.
Третью четверть — тем, кто небезразличен,
но поневоле в правах на меня ограничен.
Последняя четверть — моя
территория
частная.

Точнее, мое постоянно делимое частное.
Вибрирую нервной дробью,
боюсь обделить,
неверно расчислить,
лишнего прихватить.
Считаю до посиненья —
и все в уме.
Как ублажить родню, уложившись в сумме.
Как не обидеть дальних, но недодать.
Вот бы отнять у друзей, перекинуть в мать.
Нет ли возможности чуть сократить расход
на мой несчастный, преданный мне народ.

2007 г.

ИРБИТ

Была река. Теперь болото.
Мне совершенно неохота
нырнуть в такую грязь с моста.
А здесь красивые места...
И грязь, по-своему, красива.
В воде растет кривая ива,
по берегам растет крапива,
косяк баллонов из-под пива
плывет под мост, но так лениво,
что до заката не доплыть.
И до зимы.
Остаться жить,
зимы дожидаться?
Узнавая
чужую правду,
изнывая
от скуки,
зависти,
стыда?
Ирбит, стоячая вода.

**

Жарко первый день, еще не пахнет пылью,
гнилью, плавленной смолой.
Камни старые тепла не накопили,
из подвалов — холод нежилой.
Внутренних дворов студеный вечер
арками сквозит.
Душным донником пропитан ветер,
с пустырей крапивою разит.
Позже срока выросла крапива,
ей с погодой не повезло.
Было, точно в сентябре, дождливо,
а до этого, как в феврале, мело.
Даже сорнякам сегодня счастье светит.
Их не тронут, пусть растут.
Мало денег в городском бюджете,
потому и запустенье тут.
Будет больше — город перепашут,
изведут не только сорняки.
Встанут в ряд, один другого краше,
тонкостенные особняки.
Что жара им? С кондиционерами.
Что им счастье? Рядом казино.
Слобода с великосветскими манерами,
скороспелое вино...
Кошки выбрались на улицу погреться,
псы слиняли во дворы.
Лопухами убаюканное сердце
не будите, не тревожьте до поры.

2007 г.

Ольга Добрынина
Современное богомолье

(Из путевых заметок)

Запутавшись вконец в собственных противоречиях, надумала я с отчаяния поехать в Чимеево, к чудотворной иконе Божьей Матери. Мама говорила о ней звенящим голосом и синие глаза ее при этом становились совершенно уж голубыми.

Поездки в Чимеево организовывало городское общество «Сибирь православная». Про это общество я была отчасти слышана из газет: дескать, тетки там фанатичные, но особенного значения этому как-то не придавала. Позвонив, чтобы заранее записаться, я спросила, что надо брать с собой. Ответ был лаконичен: «Двести рублей. Крестик на шею, платочек на голову. И ваше желание».

Когда мы зашли за ограду храма, сразу увидели предполагаемых паломников — они выделялись среди прихожан своими здоровенными баулами. «Ничего себе, сколько у них желаний, сумки по земле волочатся», — сказал Егорыч. И мы стали глазеть по сторонам («искать планы») и ждать развития сюжета.

Везти на богомолье нас обещали на «Газели», по «ко-

ДОБРЫНИНА Ольга Владимировна. Родилась в Тюмени в 1968 г. Дважды студент филологического факультета ТюмГУ. Участник «Школы литературного мастерства» проф. В.П. Крапивина. Работает в научной библиотеке Тюменской государственной академии культуры и искусств. Стихотворения и миниатюры публиковались в газетах «Литературная Тюмень» и «Тюменский курьер», в альманахе «Врата Сибири».

роткой дороге», что, в общем-то, явилось для меня дополнительным привлекающим нюансом. Полетим с ветерком по асфальту, виды заоконные посмотрим, пленку с «храмотографией» дощелкаем. Так что резонов у меня было два: попытаться взглянуть на все мои личные перипетии как бы снаружи, вылезти из ситуации и увидеть ее свежим глазом (хотелось чуда! чуда!), и представлялись в воображении какие-то лирические пейзажи: с мягкими очертаниями холмов, облаками, реками, соборами.

Мы сидели, вяло отмахиваясь от комарья, и гадая, у кого спросить об отъезде и к кому присоседиться. Почти ровно в назначенный час быстрым шагом подошла сухопарая женщина и стала скликать: «Братья и сестры, кто едет в Чимеево, все сюда!».

Татьяна («Сестра Татьяна») оказалась огонь-теткой, с энергичным носом и командирскими ухватками. Жестко приобняв за плечо, она напутствовала колеблющихся и отсылала на посадку. На взлетной полосе стояла вовсе никакая не «Газель», а санитарная «уазка», и набилось туда восемнадцать душ, включая водителя и кучу детишек. Сборы получились долгие и суматошные.

Колорита предпосадочным разборкам придавали без числа рассыпаемые «Спаси, Господи!» и «Дай, Бог». Чаще всего слышны были слова «искушение» и «смирение». Мы почувствовали себя в совершенно незнакомой тарелке и делали вялые попытки выбраться из машины на волю. Но перед нами уже столько насело народу — и друг другу на ноги и просто на пол, что мы «смирились» и остались. Твердо поняв при этом одно — поездка будет совсем иною, чем предполагалось, и Надежде Павловне нашей в этих экстремальных условиях делать нечего. А то совсем уж смирится!

Ехать у товарищей богомольцев принято с молитвами и песнопениями. Типа как мы в школе ездили на картошку, тоже пели всю дорогу. Только не на идеологическую тематику. Всю дорогу в машине висела кисея высоких женских голосов, почти видимая, чуть колышущаяся.

Почти сразу после границы Курганской области асфальт стал заметно хуже. А вскоре машина пошла по размытой дож-

дем грунтовке, перешедшей в полное бездорожье на несколько километров. Интенсивность монотонно повторяемых молитв подсказывала вместе с машиной на каждом серьезном ухабе и резком заносе.

Полное хладнокровие сохраняли только водитель, Татьяна и мы. Водитель был сосредоточен и весел, он имел великий дорожный опыт и всецело полагался на Бога. Татьяна властными сосредоточенными движениями крестила расстилающиеся перед колесами зыби и хляби, ответственно и непрестанно пела молитвы и покрикивала на остальных, чтобы тоже молились пуще. Татьяна была там главная. Нам с Егором просто было интересно — это смахивало на приключение, на чистой воды экшн. Тем более что в благополучном исходе предприятия сомнений и не возникло. Не в кино, чай, собрались, а к иконе.

Короткая дорога в силу своего экстремального характера оказалась куда какой долгой. До деревни добрались уже вечером, в шестом часу. Храм чимеевский выстроен на самой окраине села, сразу за ним — старое кладбище. Столетние тополя, сосны, березняк. Кроны усыпаны крупными кладбищенскими грачами и, кажется, сотрясаются не от порывов ветра, а от непрестанного грая и гвалта. Говорят, что ему больше ста двадцати лет.

Храм не каменный, деревянный. Крашен в голубое: потому что Богородичный. Скаты крыши зеленые. А в храмовой ограде на густой зеленой траве россыпь голубых незабудок и синих колокольцов — там, где «незримо ступала святая покровительница». Рядом с северным приделом небольшая церковка над освященным колодезем. Завершает комплекс строений маленький домик священника, выполненный в этой же цветовой гамме.

Я еще ни разу не ходила в церковь на Святую Троицу. И потому внове было мне традиционное праздничное убранство интерьера. Крашенные полы устланы свежесрезанной травой, возле каждой колонны — молодые березки. Запах простора, луга, перелеска. Так мне это сердце тронуло, так все дивно и необычно...

«Вот бы что сейчас сфотографировать-то», — Егора подговариваю. Егор в распорядках церковных больше грамотен. «Надо эт-та, благословения бы спросить». — «Так пойдди, спроси».

Издали наблюдаю чрезвычайно поучительную сценку благословения. В калитку протискивается совершенно картинный батюшка, габаритов необъятных... В моей бедной образованной голове взвихряется множество литературно-художественных ассоциаций: «Чаепитие в Мытищах» там, или «помнишь, как бывало, брюхом шел вперед»...

Батюшка колышется и раздает благословения сгрудившимся прихожанам. Егор подходит к нему с вопросом, тот что-то буркает в ответ и протягивает руку. Тинейджер-оператор-etc., ничтоже сумняшеся, пытается руку пожать. Настоятель буквально уворачивается от рукопожатия и сует руку Егору прямо в морду на предмет целования. Как потом оказалось, фотографировать интерьер нам все-таки не разрешили.

Чудотворная икона Богородицы Чимеевской когда-то приплыла по речке и долгое время находилась в другом храме, что на берегу. Во время пожара храм полностью сгорел, а на пепелище была найдена нетленной только эта икона. Лик Богородицы стал темен, лишь большие белые глазницы сильно выделяются на нем и угадываются черты лица с выражением тревоги и грозной защиты. В новом храме икону украсили серебряным окладом и поставили над ней сосновый навес с точеными балясинами. Рядом на стене есть еще одна замечательная по письму богородичная икона — Богородица Семистрельная, Умягчение Злых Сердец.

Прихрамовое хозяйство: у церкви разбиты клумбы, пока еще не в цвету, за оградку из жердей — несколько грядок. Там же две обособленных трапезных — для послушников и для паломников, «гостиница» казарменного типа, двор с поленницей и парадный сортир. На дверях сортирных буквочки: «Ж», «М», и «Б». Кто посещает запертую на ключ и оборудованную

выключателем дверцу с буквой «Б» — батюшка здешний или Сам Бог — мы не видели... В сортире в качестве известной бумаги лежали странички порнографического романа... Я, гм, не вчитывалась, но бровь моя выгнулась удивленно.

Супротив кухни спит в конуре собачий кутенок в обнимку с огромным мослом. Изредка приоткрывает глаз — сторожит. Егор кормил его печеньем от ужина, пытался научить ловить подачку на лету. Пес был ленивый и тормозной, никто никогда его, видно, дрессировать не пытался. Печенье пропало втуне. Егор потом о нем пожалел весьма, потому что сам ходил голодный и любой крошке был бы рад.

Паломники и послушники живут в церковной «гостинице». Это бревенчатая казарма с низким потолком и мутными окнами. Внутри сумрачно, прохладно и душно. От стены до стены — двоярусные кровати. Одеяд и матрасов на всех не хватает. «Смиряться надо.» Мы нашли себе козырную шконку в углу возле круглой нетопленной печки. Прямо у лица висит икона Спаса Вседержителя. Куда уж лучше?

Там и ночевали, тесно прижавшись, на одном матрасе — зато под двумя одеялами. Умыть руки я крадче ходила к бочонкам с дождевой водой, приставленным к водостокам церкви. Умывальник с пригоршней воды висел на стене трапезной, один на всех, мы им старались не злоупотреблять.

Как только стали подъезжать к деревне, Татьяна голосом, не допускающим непослушания, провещала всем, чтобы никто, ни за что, ни под каким предлогом не выходил за церковную ограду: «Здесь святые места, искушения возрастают, а в деревне все — колдуны. Фронтальная полоса!!!».

Вот мы с этих слов впечатлились! Егор говорит: «Ничего себе! Это за двести рублей на фронтальную полосу ехать?! То еще удовольствие...». Надо ли говорить, что калитку с церковного двора я отворяла решительно, и внутренне готова была пресечь любые поползновения ограничить нашу свободу. Ну нечего нам уже было делать: на службе, сколько сумели, постоя-

ли (народ поет, крестится), в гостинице душно и скучно, и переругиваются матом меж собой дикие паломничьи дети. Надо впечатлений искать. По дороге мимо кладбища двинулись за деревню. Фотоаппарат на плече. Комарье за плечами.

Навстречу нам, блудным, возвращалось домой деревенское стадо. Мы посторонились, пропуская большую коровицу, а потом по обочине пошли следом. Корова хотела домой, шла мерно и быстро. Из переполненного вымени брызгали наземь, на дорожную пыль, струйки молока. Изобильного, настоящего... Как молока тут захотелось нам, голодным! Как глядели мы жалобно друг на друга и на все кругом. Мирозданию стало нас жалко. Смотрите ниже.

Зашли и в деревню (ожидая спиною окрика «Стой, куда?!»). Ну, дорожный мосток в полторы машины, узкая тинистая река (мы с ней даже и не знакомились), свежих бревен часовенка у реки. Лютики да комары. Это все в первую нашу вылазку.

А после девяти уже, когда время близилось к матчу с югославами, пошли вновь подышать и пошукати знакомства. Встречным курсом разболтанною походочкой шагал мужичок-абориген. Увидев нас, он заполошился и стал махать свертком в руке и громко навеливать рыбу. «Купите рыбу, рыба недорого».

Я жестами изобразила в ответ целую пантомиму: дескать, и рады бы, и все бы взяли, да денег нет... да и куда она нам? Футбол был нам нужен, не рыба. Однако надежду орыбить нас дядька оставил не сразу. «Ты смотри только: рыба-то, рыба какая красивая! Как ты!». Мужик оказался эстетом. После, когда мы уломали его на футбол, он повел нас домой, шумно предупреждая: «Вы не бойтесь, у меня жена дома. Она у меня стройная, красивая! Как ты!». Чимеевский критерий красоты пришлось принять безоговорочно.

Наш знакомец, мужичок совершенно неопределенного возраста, имел лицо человека доброго и много пьющего. Все оно стянуто было глубокими морщинами, дубленое, красное от загара и алкоголя. Из всех рытвинок лезут пучки торчащей белесой щетины. Сам шумный и неопасный. Поил нас жутким чаем — заваркой голимою, — потчевал хлебом домаш-

ней выпечки, с лучком да солью. Грозился рыбу свою зажарить, да футбол был нужен нам, не рыба.

Чахлый его телевизор же либо сыпал снегом, либо выдавал на-гора перекошенные и искаженные, как разбитое отражение, физиономии «знатоков». Пришлось дяденьке, уж назвавшись груздем, вести нас к свояку и казать там футбол на телевизоре цветном и японском.

Только сперва нас заставил для этого легенду выучивать — чьей троюродной сестре я довожусь двоюродной племянницей. Мы потом чуть сами не поверили, что родственники.

Дяденька (через час знакомства мы тоже спросили его имя, оказался Анатолий) был пьян, но вежлив. Разговаривая со мной, он от матов удерживался, крепился. А как стал общаться со свояками... такие тут полетели гуси-лебеди! Что детей полная горница, разве кто смотрит. Мы уставились в экран и сидели с каменными лицами.

Нравы в деревне все-таки другие совершенно. Поздним вечером мы ввалились в чужой дом — и все воспринимали это нормально, в порядке вещей. Мы напоены были парным молочком и усажены на диваны глядеть в телевизор. А хозяйева ушли в баню.

Хозяйева нам, в общем, понравились. Сваяк Анатолия Саша — печник. Я с ним коммуникабельно разговаривала за печки: дескать, пожары от них, если неумеючи сложены. Сваяк ходил в драной тельняшке, щетину имел рыжую, а глаза ушные. У него очень интересная жена, моя тетка, Ольга. Она рисует, и рисует очень хорошо. Натюрморт с пионами на стене — вполне в духе Матисса. Пока она уходила, сын вытащил показать ее добротные оформительские работы, деланные для школы и для своих знакомых. Сама Ольга спокойная, сумрачная немного, чувствуется, что человек глубокий.

Насмотрелись мы за эти два дня на множество разных людей, так что при надлежащем умении и способностях можно было бы написать целый ворох физиологических очерков. Среди всех наибольшее впечатление произвел на меня водитель Знаменского собора Петр Константинович. Поведением своим человек добрый и благостный, с мягкими даже на вид

рыжеватыми волосами, убранными в косицу, с волнистой бородкой и лучистыми глазами.

Ни холмов, ни соборов, ни рек, что я навоображала себе в городе, здесь нам не показали. Но пейзажи — просторные, облачные и живые, — мы все-таки фотографировали «Зенитом» в качестве деревенских этюдов. Сама «текстура пространства» там совсем иная, не урбанизированная. Одно перетекает в другое, глаз неспешно и вольно летит, глядя на поляны, тропинки, речные откосы и сине-зеленую громаду Чимеевского бора.

Особенно разнообразны и многи были в больших небесах облака. Весь день они проплывали, висели, рвались и перемешивались друг с другом, затеняли половину кругозора, сияли солнечными кромками — бело-синие, клочковатые, большие, свободные.

В бору по пути к источнику я показывала Егору мотыльков. Каждый не больше ногтя на пальце. Он по невежеству называл их «бабочками». Настоящие бабочки, белые нимфы с виртуозными росчерками на крылышках, пьют сок из лиловых цветов на церковной клумбе.

В бору так хорошо... Славный бор, высокие сосны. Просвеченный там и тут дорожками солнечного света, укрытый толстыми облаками. Мне целить свою душу надо все-таки не у икон, а у деревьев. И за благодатью ходить в леса и луга.

Я разулась, иду босиком и трогаю травы ногами. Вокруг нас так и шныряют пауты. А у Егора на спине прокатился немного, чтобы не лететь лишнего, пребольшущий косматый шершень. Черно-белый такой, внушительный. Земляника цветет целыми полянами. А мы голодные оба. Сейчас ягоды бы пришлись очень кстати.

Целебный источник от деревни недалеко. Идти надо бором, по наезженной за многие годы лесной дороге с указателями-стрелочками. Дорога приводит к лугу, где природный родник углублен и над ним поставлен сруб с воротом. По маминым рассказам ожидали мы увидеть купель, но была там только купальня — а это совсем другое дело. Мы недолго постояли возле, отмахиваясь от комаров.

Вот отворилась дверца и вышла женщина — раскрасневшаяся, возбужденная, с намоченными волосами. «Радость-то, радость какая!» — с придыханием говорила она. Мы, прагматики, переглянулись вопросительно, но не сочли за особую радость обливаться оденками: ведь колодезь-то народ уже вычерпал до самого ила.

Много, многолько народу понаехало со всех окрестностей в честь праздника. Колодец уж пуст, а машины все подъезжают. Так что мы пошли восвояси. Воды праздничной для мамки решили набрать из колодца церковного — ничем не хуже.

Еще для комплекта мы решили привезти ей лампадного масла. Дождавшись конца службы (очень долгой, очень неясной для нас), пристроились в очередь. Святым маслом из лампадки оделял всех молодой служка, паренек лет девятнадцати, белобрысый (как еще полдеревни) и по старинке стриженный «в горшок». Желаящие надвигались неуклонно, так что масло ему пришлось подливать из магазинной бутылки с «Олейной», что у Егора вызвало определенный скепсис. После нам объяснили, что бесплатная раздача была только по случаю воскресного дня и праздника. А вообще-то порция стоит рублей шестьдесят. Повезло мамке, иначе осталась бы с одной водой: денег-то у нас практически не было.

По окончанию службы я проговорила Егору свое пришедшее в голову сравнение. Вот мы с утра в храм зашли — народ стоит, крестится, пение слышится. Пришли через час-другой — все будто бы то же самое. Раз не знаем структуры богослужения, не понимаем смысла услышанного. Так и кто-нибудь другой, в футболе темный: поглядит — мужики бегают, мячик пинают. Через час включит снова — та же картина...

Жаль, что обычно мы с сыном мало бываем вдвоем. Общаться с ним не на бегу, не в повседневной текучке, интересно и хорошо. Вне давящих стен нашего жилища он заботливый, ласковый, остроумный и понимающий человек. В этой поездке у нас появилась возможность поговорить, ведь кругом все были чужие и нам пришлось жаться друг к другу — и в

моральном смысле тоже. Егор узнал, что не знал про меня, а я — про Егора.

...Сесть, подперши рукой голову, на широких крашенных ступенях храма. Понять тщетность надежды за деньги уехать от внутренней смуты своей. Денег трачено много, и денег жаль. Но на вечеринку подчас тратится столько же... Жаль и двух выходных. Но глубоко, почти незаметно я ощущаю в себе маленькую такую надежду, что, может быть, это и было не зря, может, все же, все как-то уладится.

Наталья Горбачева

Диалоги о Риме и России:

Возвращение книги П.А. Словцова «Два дня из римской истории, или Двое Сципионов Африканских»

Петр Андреевич Словцов не одно десятилетие является для любознательного сибиряка, пожалуй, заглавной фигурой истории, литературы, науки родного края. Шагнув из «безумного и мудрого» XVIII столетия в XIX век, он остался одним из последних универсальных деятелей русской культуры. Историк «полнощной страны», автор единственного в своем роде «Исторического обозрения Сибири»; первый краевед, который сознательно сформулировал и выполнил программу изучения малой родины в разных сферах ее современного ему состояния («Письма из Сибири 1826 года», «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году»); в то же время поэт-одописец, лирик и эссеист; человек учительного склада, в юности выбравший стезю проповедника, наставника, просветителя и ни разу с нее не состу-

ГОРБАЧЕВА Наталья Николаевна. Родилась в Тюмени 25 октября 1954 года. Окончила ТюмГУ. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ТюмГУ. Занимается проблемами местной регионалистики. Автор статей в Большой Тюменской энциклопедии, энциклопедиях «Ямал» и «Югория». Один из составителей хрестоматий по региональной литературе «Лукоморье» (1997), «Страна без границ» (1998 — обе части). С 2000 года принимает участие в подготовке и возглавляет жюри школьных интеллектуальных игр и олимпиад по литературе. Лауреат премии им. Н.М. Чукмалдина.

пивший, хотя обстоятельства его жизни не много и не часто этому способствовали...

Между тем ситуацию приобщения современного читателя к жизни и на диво разнообразному наследию П.А. Словцова иначе как парадоксальной не назовешь. Нет, имя его не забыто. Он помянут в общем обзоре «Истории русской литературы Сибири» (1982). Скоро 40 лет, как вышла в свет первая монография о Словцове — «Сибирский просветитель» (1970), написанная тюменским литературоведом Л.Г. Беспаловой. Автор повторил ее основные тезисы в своем позднейшем исследовании «Тюменский край и писатели 17–19 веков» (1998). И в то же время никто особенно не спешит заполнить все еще многочисленные лакуны неузнанного или основательно забытого. Первое за более чем полтора века переиздание словцовских «Писем из Сибири» и «Прогулок вокруг Тобольска» состоялось в Тюмени усилиями «Издательства Ю. Мандрики» в 1999 году. И хотя оно было вполне основательным, с той поры прошло почти 10 лет. Такого академического покоя ни труды, ни дни Петра Словцова¹ не заслуживают: он был человек поиска, никогда не боялся идти вспять «реке времен», готов был платить за это — и платил печалью мудрого знания и одиноче-

¹ В который раз просматривая неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» за 1858 г., снова наткнулся на воспоминания советника Казенной палаты надворного советника Николая Ильича Виноградского «П.А. Словцов». Заранее зная, что в них может быть написано, никогда не вчитывался в данный текст. Но на этот раз я искал какие-то детали, характеризующие время становления провинциальной печати. И вдруг наткнулся на факт, не встречавшийся пока в современной литературе. Обучавшийся в Иркутской губернской гимназии во время директорства Петра Андреевича Словцова Н.И. Виноградский писал: «Петр Андреевич Словцов имел настоящую фамилию по отцу Голодишкова» (ТомГВ, неоф. ч. 1858. № 47. С. 377). Но и такое сообщение содержало загадку: в фамилии при наборе с рукописного текста допущена ошибка? А, может, на самом деле его досеминарская фамилия была Голодников? Факт известный, что Капитон Михайлович Голодников был племянником П.А. Словцова... Ответа на этот вопрос пока нет. —

Прим. Ю. Мандрики, ред. журн. «Лук & Чок».

ством, принадлежа к тем людям, «которые бескорыстно посвящают себя на службу и пользу отечества и коим судьба определила испытать чашу горестей» (Н.А. Абрамов).

Чтобы прочитать не прочитанное у Словцова XX веком, не придется, как обыкновенно думают, погружаться в архивные глубины, доступные все-таки не многим. Достаточно взять из открытого всем библиотечного хранилища том, не потревоженный с 1835 года. Речь о книге П.А. Словцова «Два дня из римской истории, или Двое Сципионов Африканских». В посмертной биографии П.А. Словцова, которая написана его младшим «другом и сотрудником», т.е. соратником не только по трудам, но и по жизненным трудностям, Николай Алексеевич Абрамов назвал «Двоих Сципионов» в ряду сочинений, «доставивших их автору неоспоримое право на почетное место в истории русской словесности». Более, кажется, ни у кого ни строки, ни слова.

А ведь «Два дня из римской истории» никак не могут быть названы ни случайным, ни проходным для их создателя произведением. Первое свидетельство как личной значимости текста для автора, так и читательской востребованности у современников — то, что произведение было издано дважды с небольшим промежутком — в 1830 и в 1835 годах, и оба раза в столицах — сначала в Москве, затем в Санкт-Петербурге.

Текст «Двух дней...» замечателен не в одном отношении. Тематическая отсылка к давнему прошлому (действие разворачивается в Древнем Риме эпохи двух знаменитых Карфагенских войн), введение в текст «славных» исторических персонажей, сознательно выработанный и обозначенный во вступлении к книге принцип обращения с вымыслом — все заставляет говорить о тексте как об историческом. Но историческое что перед нами? Роман? Нет. Не только не роман, но и вообще не эпическое произведение. Значит, судя по формальным признакам, драма? Ведь текст последовательно выстроен как драматургический диалог. И все-таки скажем: нет, это не драма. Во всяком случае, не та драма, которую можно поставить на сцене: нет последовательного развития события, нет внешнего открытого противостояния героев, нет внутреннего конфлик-

та как главного условия развития психологического действия. Их нет даже там, где они, казалось бы, могли быть. Фабула текста прозрачна. В первой части («Литернская усадьба») карфагенец Гиспал, переживший трагедию разгрома карфагенского войска под водительством Ганнибала и унижение плена, оказывается в поместье самого Сципиона, легендарного победителя Ганнибала, и Сципион как дважды два доказывает иноземцу-патриоту, что Рим и его обычаи суть лучшее устройство на земле. Во второй части («Последний день Сципиона Эмилиана») внук Сципиона I через 65 лет приходит к крамольному для римлянина эпохи республики выводу, что сохранить величие привыкшего к победам Рима можно лишь под одной державной рукой. В первой части Гиспалу явно не тягаться в мудрости со Сципионом: герой не раз честно признает превосходство собеседника. Во второй части перерождение главного героя остается «за сценой»: утром Сципион еще вполне республиканец, ближе к последней своей ночи подвергает соратников в трепет антиреспубликанскими идеями. Итак, показать на сцене как будто нечего.

Но вот формулируется, опровергается, доказывается в тексте очень многое. Словцов создает развернутый диалог — политический, экономический, идеологический, нравственный — вполне в интеллектуальной традиции того времени, в которое переносит читателя. Тем важнее понять, какую же мысль «любит», говоря словами Льва Толстого, в своей книге автор. Античность всегда была действительно любимым временем Словцова. Гомер, Солон, братья Гракхи, те же Сципионы ближе и дороже ему, чем «литературная аристократия» его собственно-го времени. Таким литературным аристократом в 1830-е гг. был исторический роман. Уже созданы прозаические произведения о русской истории В. Нарезного, М. Загоскина, А. Пушкина (пусть незавершенные). Необщее выражение лица словцовского детища на этом фоне уже в том, что оно повествует не о русской истории.

Почему действие диалога разворачивается в античном Риме? Напрашивающееся цензурное соображение («Переносится действие в Пизу, / И спасен многотомный роман») дол-

жно быть отведено сразу. Цензура в данном случае скорее «за» роман: иначе второго, да еще столь скорого, да еще и петербургского издания просто не было бы. Не срабатывает и принцип «переодевания» России из родной сермяги в римскую тогу: аллюзии и исторический маскарад, к чести Словцова, его не интересуют: он слишком глубокий знаток классической древности. Автор знает и понимает античность не меньше, а где-то и глубже, чем российское настоящее. Поэтому не принцип исторического маскарада, а принцип исторических аналогий торжествует в его размышлениях. Писатель открыто, хотя и лапидарно заявляет в «Предуведомлении» к первому изданию, датированном «16 января 1829 года в Тобольске»: «Доказывать не нужно, что история Рима, по духу деятельности и по своим судьбам, гораздо к нам ближе, чем история Греции». Предполагая, а возможно, и располагая сведениями о читательском недоумении или несогласии с подобным утверждением, в «Предисловии» от «ноября 1832 года в Тобольске» ко второму изданию книги автор уже детально разворачивает параллель Рим/Россия.

Но сначала спросим, что заставляет его сделать это? Конец 1820-х гг. (когда пишется книга) и первая половина 1830-х (когда она издается) — время политического и идеологического кризисов в России. Восстание декабристов подавлено — но идея республиканского правления отныне вытравлена быть не может. Продолжается покорение Кавказа, Русско-персидская война сменяется очередной Русско-турецкой. Осуществляется колониальное расширение на юг и восток, дающее империи прибавление не только пространств, но и забот. В 1830 г. «взрывается» Польша, и вопрос об «отложении» национальных окраин из области теории переходит в область исторической практики. В этих условиях исторических испытаний и соблазнов какой быть России, на что уповать? По Словцову, опыт Рима она может рассматривать и как вдохновляющий, и как предостерегающий.

Противопоставляя Рим и Карфаген, рассказывая о победных захватах республики, автор проговаривается о том, чем гордится и чего боится для своей России. Россия — страна не

торгашей и ломбардщиков, а земледельцев; чистота и крепость нравов сохраняется, лишь пока она верна этому назначению. Как военный плащ Рима когда-то покрыл гигантские территории и «проредился», расплзся, по этой причине Рим же и погубив, — так и российское разрастание во все стороны света чревато гибелью. Вопрос о способах спасения в этой ситуации имеет для Словцова отнюдь не академический характер. Предлагая свой вариант ответа, Словцов остается верен себе. В «Прогулках вокруг Тобольска в 1830 году» он признавался, что не склонен поддаваться «духу времени»: «пусть вся вселенная перельет свои <...> свободные мысли в кумиры или идеалы нового боговедения», я остаюсь с прежней верой. Символ политической веры, раскрытый автором «Двоих Сципионов», конечно, единодержавие — просвещенное и покровительствующее искусствам и разуму. Поэтому закономерен выбор главных героев текста: Сципионы, особенно Эмилиан, в действительности мечтали о слиянии в новом Риме лучшего, что было в эллинской и римской культурах. Упреков в «замшелости» своего кредо автор не боится. Но при этом понимает необходимость обретения доказательств высшего благословления единодержавия: лишь при этом любые нападки на него будут усилиями неведающего дитяти.

Потому язычник Эмилиан ищет в древних свитках и в рассказах гонцов со всего света свидетельств единобожия хотя бы у одного народа и за полтора века до Христовой эры находит «у народа ничтожного, малочисленного, называющегося Гебрами, <...> прошедшего через многие перевороты и всегда уповающего на помощь Бога всех сил», того, кто зовется Иеговой. Сципион Словцова погибает, даже не начав дерзкого дела. Но с именем обретенного героем единого бога в исторические построения автора входит категория вечности. Логика авторской мысли сопрягает в диалогах Сципионов и их собеседников понятия героического самоотреченного деяния, прижизненного и посмертного воздаяния за поступки, счастья и славы, благодарной краткой памяти и грядущего неизбежного забвения. Чужеземец Гиспал, герой «со стороны», подведет трезвый печальный итог тем спорам, в которых тезису всегда находится

антитезис: счастье признания и востребованности «есть серебряная строчка на траурной тоге, да и самое величие гражданина, с какими бы он ни был заслугами, не мгновенное ли явление радуги?» Гиспал не утверждает, он вопрошает. Одной для всех истины в мире язычников (а автор не раз подчеркнет, что Сципионы именно язычники) нет.

Но новая вера, открывшаяся Сципиону II, готовит новое понимание истории: нет прерывистости сменяющих друг друга жизни — небытия — недолгой памяти о добром имени. Есть пространство вечности, не краткая преходящая история одного или другого человека и народа, а история человечества. Для вечности все сущее, казалось бы, скоротечно и относительно, но ведь в ней и все рядом: «О как все смежно, как близко в бытии человека, как скоро началось это бытие! То плачешь, то улыбаешься, размышляешь или безумствуешь, потом невзначай пробуждаешься <...> и не видишь уже ни Италии, ни Рима, ни Тобольска<...>. Где же земли, завоеванные Сципионами, где и ты, ненаглядная пирамида Ермакова, памятник родины моей, и по мрамору, и по чуду завоевания?»

Нельзя переоценить значение «Двух дней» для творчества П.А. Словцова еще по одной причине. Сопрягая в книге столетия и тысячелетия, классическую Италию, современную и былую (Ермаковскую) Россию, автор впускает читателя в своеобразную лабораторию работы над историческим материалом. Ведь в 1829–1830 гг., когда создаются и печатаются в первый раз «Два дня», Словцов приступает к «Историческому обозрению Сибири». Принципы его создания — в диалогах героев, в постраничных авторских комментариях, в прямом слове повествователя — Словцов впервые явит своему читателю именно в книге всего о двух днях далекого прошлого. Не один раз герои диалогов вспомнят Каллиопу, не Клио, музу истории, что, казалось бы, уместнее, а именно Каллиопу — музу эпической поэзии и одновременно науки. Не означает ли это, что Словцов мыслит историческое сочинение на границе между собственно художественным творчеством и научным? Относительно «Исторического обозрения» этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Относитель-

но «Двоих Сципионов Африканских» ответ может быть только положительным.

Участники диалогов, споря о способах повествования о прошлом и настоящем, не раз сравнят историю Гомера и историю Геродота. Так откроется, что же, по Словцову, должно быть предметом Истории: битвы великих, чьи дела достойны высокой поэзии, или битые черепки с кухни и самых великих, и тех, кто о величии не помышляет? Да и самой поэзии место ли в историческом труде — и не только в виде стихотворного повествования о былом? Должен ли историк основывать свой труд на народных преданиях? Требуется ли неукоснительно соблюдать принцип хронологии? Свободен ли историк в своем труде от личных эмоций? Стоит ли избегать насмешки и колкой сатиры, особенно в адрес великих? А может быть, античные историки и достигнуть-то не могли «такой высоты истины <...> и теплоты сердечных чувств», которые открылись тем, кто только в новое время способен стал писать о жизни «с пламенной доверенностью и умилением, страдая то от утеснения, то от сознания своих погрешностей»?

Повторим, что цепь этих вопросов в русской книге «из римской истории» свидетельствует о сознательном приуготовлении автора к созданию главного, по его мнению, труда жизни, чтобы и о нем однажды сказал потомок: «О мужи добродетели и славы, вам, вам человечество обязано земным бессмертием: ваша слава научила изобретать это условное бессмертие, это письмо, никогда не стареющее и всегда полное жизни, на радость старца заслуженного и исчезающего среди колыбелей и могил».

Федор Корандей

Та специфическая таинственность

Книга Владимира Богомякова о земле Тюменской

Новая книга тюменского философа, профессора ТюмГУ Владимира Богомякова имеет парадоксальное устройство. Судя по названию, это академическая монография, предназначенная для специалистов — политологов, культурологов, географов, профессионально исследующих заглавный предмет — региональную идентичность. Метод же и материал работы, — то *как* и *на чем* раскрывается этот ученый концепт — неизбежно выводят ее за пределы академического круга, и куда выводят? — это самый интересный вопрос, автор ведь исследует наше повседневное существование, его связь с именами, определяющими местоположение жителей «уездного» (откуда все уезжают) городка и его окрестностей, что значит быть (ощущать себя) тюменцем, «тюменщиком», жителем Тюменской области или Тюменского региона, откуда эти имена происходят, с какими из них мы охотнее себя отождествляем?

Основную идею книги удобно представить в виде оппозиции: являются ли многочисленные имена родины лишь следствием прозаической деятельности людей, которым неудобно жить в анонимном ландшафте, или они — отражение некой глубинной сути, истинного смысла и предназначения «земли

КОРАНДЕЙ Федор Сергеевич.

Родился 7 февраля 1980 года в Тюмени. Окончил исторический факультет ТюмГУ. Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков ТюмГУ.

Тюменской»? На научных основаниях может рассматриваться только первый вопрос — о конструировании идентичности как осознанной работе по созданию образа места. Исследование второго, «откровения раскрытия и распознания своего истинного имени в момент... отважного рывка навстречу Бытию» (с. 9–10) — область, скорее, поэзии. Но кажется, второй, трансцендентный, вопрос интересен автору куда более первого, социологического: выкладки из экспертных опросов, продолжительные краеведческие экскурсы, цитаты из философских авторитетов, блоггеров и поэтов сливаются в крутоверть темных деревьев, за которыми брезжит настоящий свет, что важно — таинственный. Собственно, о нем и книга, о тюменской тайне, метафизике Тюмени, которая «поможет осознать региональную идентичность во всечеловеческом контексте и причастности к Истине» (с. 137). Очевидно, что писать о таком, не будучи пророком или шизофреником, можно только в первом приближении, постановка вопроса, подробное описание проблемы окажутся здесь важнее ответа, но именно оно — многообразие мнений о Тюмени, ее описаний и образов — и вызывает интерес.

Легко представить себе педантов, рационалистически мыслящих исследователей, медь звенящую или кимвал звучащий, которые, перелистав страницы книги, так и не почуввав подвоха, заявят о ее несоответствии стандартам научного исследования. Вопросы снимаются, если рассматривать книгу о тюменской идентичности как поэму, к которой каждый из нас имеет возможность дать собственный комментарий. Одной из определяющих черт поэтики профессора Богомякова является совершенно естественное жонглирование разными дискурсивными практиками, попросту, языками, стилями изложения, в том числе, поскольку профессору сам Бог велел, специфическим функциональным научным стилем. Этот научный стиль только кажется нейтральным, и якобы способным отражать реальность так, как она есть, но на деле, он нагружен не меньше, чем все остальные, и, вот, одно из самых прекрасных стихотворений профессора, пример, работающий на понижение, стихотворение «Зайцеобразные» (Зайцы, кролики и пищухи // Долго числились в отряде грызунов. // Люли-люли

грызунов. // Но накопились доказательства, // Которые заставили систематиков // Выделить упомянутых зверьков в отдельный отряд. // Люли-люли отряд.).

Рассматриваемая работа — наоборот, пример, работающий на повышение, книга, использующая поэтику научного трактата, отчасти даже реферата, блога, коммента, каких-то еще интеллигентных развлечений в целях открытия той специфической таинственности, о которой шла речь выше. Стилистическая неоднородность, копиист, перенос на бумагу диалога, живого обсуждения, подробного перечня иных мнений без развернутого авторского комментария как продолжение традиции, восходящей к незапамятному Авлу Геллию, книга в иные времена могла быть названа «Стромать», «Аналекта» или, что скорее всего, «Тюменские ночи». Византийская книга, отказ автора от персонализации как важнейший ход, увлеченность — слово с двойным смыслом, обозначающее и активность (заниматься чем-то усиленно), и пассивность (подвластен силе волн). Вы спросите, где же автор? — а он повсюду, *«индивидуализированная мифология изолированного субъекта оказывается площадкой явно недостаточной для того, чтобы с нее сделать прыжок навстречу бытию»* (с. 104), поэтому требуется представить образ Тюмени, тюменский текст, мнения по поводу, во всей его актуальной совокупности, а кто может сделать это лучше, чем онтологический пигмей из Метелева, сам являющийся частью этого мифа?

Это было о методе, теперь о материале. *«Как было показано Хабермасом, идентичность устанавливается в коммуникативном пространстве»* (с. 11), пишет В. Богомяков, намечая в восьми главах небольшой книжки основные места памяти Тюмени, рассказы, где соединяются социум и культура, любимых коньков, на которых любят забираться тюменцы, от рядовых граждан до мэра и губернатора, когда представляют себя другим и самим себе. Самый важный аспект — речь идет не столько об окаменевших глыбах советско-краеведческой и нефтегазодобывающей идеологии, сколько об их последствиях, растущих на поверхности этого растрескавшегося бетона, нынешних *общественных настроений*. Обращаем внимание на результаты оп-

росов, и опять лукавство, какой-нибудь социолог действительно пошел бы по пути генерализации, релевантность выборки, так было бы правильно, но создателя поэмы, конечно, будет интересовать всякая экзотическая шушера, панки, богема, наивные краеведы, традиционалисты, криптозоологи, предстатели, опять же, администрации. Здесь, в поэтических прозрениях и геншланах, намечаются тенденции, в которых будет развиваться тюменская тайна будущего, ее особенный образ, выигрышная картинка, *«через Полярную звезду проходит стержень космоземного микропорядка, захватывая сибирские просторы»*.

Сами за себя говорят названия глав, такие как «Тюмень как центр силы», «Тюмень — «матерь городов сибирских»?», лучшая среди них, по нашему мнению, седьмая — «Поэтическое тело «Земли Тюменской». Подбор авторов можно оспаривать, но общее движение намечено верно: один из источников тюменской тайны — психоделический ореол тюменского текста — напрямую связан с тем фактом, что по-настоящему городом (может быть, второй или третий раз за свою историю), культурным центром, способным к самосознанию и рефлексии, Тюмень становится в 1961 году, когда Гагарин в космос полетел, и нефть в Западной Сибири, наконец, открыли.

Итак, *«отъединение от утилитарных порядков окружающего с целью прозреть гармонию»* (с. 105), отсюда закономерный вывод, открытый финал, например, цитата из блога Артема Кушнира, где про обсуждение книги, состоявшееся, при участии автора, в минувшую пятницу на историческом факультете университета: *хватит бездельничать, садитесь и пишите книги*. С этим нельзя не согласиться.

паноптикум

<i>Залетный. По дороге в Сибирь</i>	35
<i>Т. Городское дело в Тюмени</i>	42
<i>Андрей Павлов. Иногородние известия</i>	47
<i>Иногородние известия</i>	51
<i>Михаил Рылов. Кожевенные заводы в Тюмени</i>	54
<i>Иногородние известия</i>	61
<i>Тюменский театрал. Иногородние известия</i>	64
<i>-всв-. Из записной книжки сибиряка</i>	66

интеллектуальный стег

<i>Федор Корандей. Тюмень, заклепки, втулки</i>	79
---	----

клеветон

<i>Юрий Мандрика. О покойниках из Юркиного кондуита и других живых людях</i>	84
--	----

*Залетный***По дороге в Сибирь**

«Семь чудес света и восьмое чудо в Тюмени». — Тюменские мосты, поддерживаемые молитвами; мост, на который, хоть тресни, а полезай. — Падение с него строителей. — Разведение мостов и западня для проезжающих. — Строители 2-го моста «Авось и Небось». — 3-й мост, замечательный кривизной и умом; пал, когда построили другой. — Тюменские улицы, битые кирпичом. — Жители, утопающие в грязи и снимающие сапоги. — Покорность судьбе Кондрата. — Остроумный способ замены городского освещения ручными фонарями. — Кто ждет гостей, тот и улицы освещает. — Тюменская одубина, заменяющая ковры и духи одновременно. — Кожевенная слава Тюмени, кожевенное блаженство, кожевенная история и кожаное благополучие.

Скажите, сколько чудес на свете? Вы, наверно, руководясь рутинной школьной премудрости, скажете — семь. Ошибаетесь — их восемь, и восьмое чудо, доступное для проверки каждого, превосходит многие чудеса древней истории.

Восьмое чудо света — тюменские мосты.

Помните вы из истории Семирамидины висячие сады? Те поражали своих современников тем, что, покоясь на столбах, казались висящими в воздухе, — что же сказать о тюменских мостах, столбы под которыми все сгнили, и которые теперь висят над пропастями, поддерживаемые единственно молитвами граждан!

Впрочем, и то правда, то были старые времена, а теперь новые, и перед чудесами, которые выкидывают теперь иные земства, управы и банки, — конечно, старые чудотворцы были просто школьники.

Мостов всех в Тюмени три: Заречный — через реку Туру, Затюменский и Городищенский — через громадные овраги. По этому поводу надо вам сказать, что сам город Тюмень лежит в степном пространстве, весь перерезанный оврагами глубиною от 9 до 10 саж., шир. 38 саж. Эти так называемые «логи» отводят весенние воды в реку Туру, текущую на 15 саж. ниже города. Образование логов идет чрезвычайно быстро: весенняя вода, благодаря рыхлости черноземного слоя, проникает свободно под дерн и, образуя там бороздки, до того разрыхляет верхний слой, что он, наконец, проваливается и образует уже открытую канавку, которая мало-помалу превращается в глубокий ров. Через два глубоких рва и лога такой формации с крутыми обрывистыми берегами и перекинуты мосты, соединяющие город с двумя форштадтами — Затюменским и Большим Городищем. В Затюменском рве весной бурлит и пенится мутная речонка Тюменка, впадающая под самым мостом в Туру. К половине мая она уже высыхает, и на влажном дне оврага гуляют овцы и козы.

Первый мост соединяет нагорный берег реки с луговым, с так называемым Заречьем, которое почти все занято кожевенными заводами. Заречный мост строил кожевенный заводчик купец Коломогоров, когда был городским головой; мост этот носит характер строителя и напоминает известный анекдот о купце-самодуре, который, расхваставшись, уверял, что у него пчелы с кулак величиною, а отверстия в ульях, пропускающие пчел, ординарные. «Так как же они туда попадают?» — спросил его кто-то. «А у меня, — отвечал купец, — на этот счет просто

В музее невосковых фигур, будут помещаться публикации прошлых веков, касающиеся Тюмени и Тобольской губернии. Среди установленных псевдонимов Н.М. Ядринцева «Залетный» не значит. Но скорее всего заметка «По дороге в Сибирь» принадлежит его перу. В пользу данного предположения говорит время публикации, когда тираж «Восточного обозрения» падал, а и без того узкий круг авторов издания, пока еще выходившего в Петербурге, стал еще меньше. Редактор-издатель при этом обилием псевдонимов пытался создать иллюзию многочисленности авторов из Сибири.

«хоть тресни, а полезай». С Заречным мостом то же самое; подъем и спуск его страшно круты, другого пути сообщения нет, а потому очень просто: если не хочешь идти пешком, то крестись, поручай Богу душу, и айда! Осенью, когда подмерзнет, то опытная лошадь, при спуске, буквально садится на задние ноги, сползает на всех четырех подковах, держась немного вбок и не давая раскатиться телеге или экипажу, молодая же не выдержит, сорвет, и пиши пропало: седок в сторону, экипаж в другую, лошадь боком с порванной сбруей летит со спуска до самого моста. Сам многоуважаемый строитель уже летал два раза и в последнюю зиму ушибся так сильно, что пролежал с неделю да с месяц прохромал. Действительно, возмутительные картины можно видеть на этом мосту, в особенности в субботу — рыночный день, когда тянутся по нему с товарами малорослые, малосильные крестьянские лошади. Мужики в поту, крича и ругаясь, чуть не на руках сносят по очереди телегу за телегой, и когда свезут все возы на мост, идут до подъема, тут снова, хватаясь за оглобли, надрываясь от усилий и крика, втаскивают воз за возом на следующий берег. А сколько сломанных телег с разорванными кулями овса или муки оставлены без лошади на середине моста; хозяин, значит, уехал за помощью. Сколько серьезных увечий людей и лошадей! Сколько раз сам я был свидетелем самых печальных случаев. В довершение всех бедствий мост этот разводится посредине для пропуска барок и плотов, и случается это не в определенные часы дня, а как стражам Бог на душу положит, и при этом не выкидывается даже флаг, чтобы дать знать жителям, что мост разведен; если попали к этому времени, стойте хоть два, три часа, пока невозможные оборванцы с руганью и криком сведут первобытными воротами мост и чуть не аршинными гвоздями прибьют без толку и порядка соединяющие доски.

Я слышал от достоверных людей, но это было задолго еще до моего туда приезда, что раз, в то время, как только что развели мост, в Заречье случился пожар, забили набат, и первая пожарная пара, не слыша никаких криков предостережения, взлетела на мост и — нырнула с размаху в разведенную часть,

лошади и люди погибли, но с тех пор стали перед разводом моста давать знать в часть, которая стоит тут же в виду моста на нагорном берегу, и одну машину с несколькими рабочими переправляют в Заречье; исполнению этой предосторожности я сам был не раз свидетель.

Система этого моста плотовая, и главный недостаток его в том, что нет связывающих частей между самим мостом и его страшно крутыми спусками. Когда горизонт воды падает, то при помощи неровных, самых непригодных к делу досок начинают соединять мост со спусками. Чинится этот мост постоянно и бывает часто, что одна долевая его сторона высока, а другая вершка на три лежит под водою. Заведует мостом «мостовщик», как его называют, страшно толстый человек, который полдня стоит среди моста, всегда на одной и той же рыжей лошадке, запряженной в широкий черный коробок, и если не распоряжается, то очень громко бранится. Есть ли у этого человека ноги, и может ли он ими пользоваться, не знаю. Я видел всегда только верхнюю половину его туши, передвигающуюся по всем направлениям в коробке. Рабочий сброд — варнаки, как называют здесь беглых, — такие люди, которым уже нигде постоянной работы не дадут. Второй мост, идущий за Тюменку, длиною около 40 саж. система его остается под секретом, так как он весь, с боков до земли, обит досками. Кто его строил? Вероятно, братья «Авось и Небось». Мост до того ветх, что весь погнулся в середине, и те инженеры, которые были под ним во рве для изыскания направления водопроводной линии (под самой серединой моста есть проход), говорили мне, что при скорой езде по мосту большие сгнившие куски балок валились на них, и что есть балки до того трухлявые, что тонкая твердая трость проходит их насквозь. Говорят, он весь держится только взаимным тяготением и сцеплением частей. Как только он обрушится, а сведущие люди говорят, что это будет скоро, то, если я буду не участником, а только свидетелем этой катастрофы, немедленно напишу вам.

Третий мост, Городищенский, строил тоже бывший тюменский городской голова Подаруев и тоже, говорят, отразил на

нем свой характер. План этого моста, вероятно, составляла лиса, которая бежала и хвостом след заметала; до того он невыразимо крив, описывает такую дугу, что въезжаешь на него боком, и конь, как под генералом на смотре, так и гарцует все время боком до самого подъема — утонченно вежливый, но крайне неудобный способ езды. Впрочем, судьба его уже решена, тоже за его ветхость с тех пор, как на нем провалились две коровы и одна баба, он изъят из употребления, заколочен с обеих сторон и висит надо рвом в назидание потомству: «Беда, коли пироги начнет печи сапожник»... и так далее.

Но какой все-таки умный мост! Он обрушился только тогда, когда инженеры выстроили уже новый красивый мост подкосной системы, соединяющий вокзал с городом. По этому мосту жители Городища, делая громадный объезд, могут попасть в город, иначе они на неопределенное время остались бы в состоянии отлучения от города, и случись у них пожар, пришлось бы пожарным только любоваться из города на то, что там у них горит. Городищенский мост самой безобразной системы, и лесу пошло на него, вероятно, не меньше, чем то потребовалось бы на постройку небольшого города. Эта безобразная роскошь строительного материала доказывает только, как легко он сюда доставляется и как дешево ценится. Лес идет в Тюмень прямо из Верхотурья плотами по Туре. Средняя стоимость бревна 5 саж. длины и толщиной у вершины в 4 вершка — 50 коп. штука, в 5 вершков — 65 к., в 6 вершков — 90 к. и в 7 вершков — 1 руб. 10 коп. И это я привожу цены, которые платила железная дорога, т.е. повышенные, при экстренном спросе на товар.

Улицы в Тюмени немощеные; весной и осенью грязь невылазная, но Дума зорко следит за благоустройством города, и как только средние гимназисты начинают приходить в школу без сапог, а маленькие тонут в грязи, на главных улицах появляется рота каких-то оборванцев и посыпает самые глубокие места битым кирпичом. На несколько дней устраиваются кирпичные оазисы, и ловкие люди перескакивают с одного на другой, но затем кирпич этот разбивается копытами лошадей и прибавляет еще лишний слой засасывающей гря-

зи. Не дай Бог самим испытать беду, но видеть других в бедственном положении бывает иногда в высшей степени комично. Так, помню, раз ехал я шагом у Маслова взвоза, тогда там инженеры что-то особенно рылись, а грязь стояла глубокая и густая, идет какая-то барышня из горничных (там уже начал появляться этот тип) и, проходя улицу, посматривает на грязь с видом опрятной кошки, не желающей замочить лапки, платье подобрано, на ногах высокие галоши, шагнула в грязь, другой — и стоп! Одна галоша глубоко засосалась, дернула она ногою и вдруг, потеряв равновесие, упала на четвереньки, и ушла руками в грязь буквально по локти. К стыду моему сознаюсь, что рабочие, наблюдавший за ними инженер и я, грешный, не могли удержаться от смеха. Зато и девица, выбравшись на сухое без галош и в модных перчатках, тоже не удержалась и выбранилась, а крепче всех досталось инженеру за праздное скалозубство. В другой раз слышал я отчаянный зов на помощь гимназистика, который завязнул обеими ногами как раз против реального училища и благоразумно сам уж не пытался высвободить ноги. В третий раз видел одного уважаемого коммерсанта посреди улицы в коробке без лошади. «Вы что это?» — спрашиваю я. «Да вот, батюшка, лошадь молодая не вывезла, так кучер отпряг и поехал домой за другой, что посильней!». Какова покорность судьбе со стороны тюменского Кондрата!

Освещения в городе тоже не полагается: фонари кое-где есть, но дела Тюменской Думы так плохи, что она положительно отказывает жителям в этой роскоши, только на Затюменском мосту в уважение к его особенно преклонному возрасту и совершенно ненадежному состоянию полагается три масляные лампочки. Тюменцы со свойственным добродушием обзавелись ручными фонарями; кто идет, несет сам, а кто едет, дает кучеру, который привешивает его на правую руку. Поэтичны эти блуждающие ночью огни! — но крайне неудобно и весьма малая гарантия не вывернуться на страшно глубоких ухабах и рытвинах улиц. Я знаю как факт, что одно семейство инженера, жившего в Заречье, когда ждало к себе гостей темными вечерами, посылало своего кучера с лестницей

и пучком нарезанных пополам свечей, и с наказом вставить эти свечи в фонари Заречного моста и на оба спуска. Это ли не простота нравов! Собственно в Заречье грязи гораздо меньше, чем в городе, и будь более порядочный мост, многие предпочли бы жить там, а не в городе; улицы тоже не мощены, но высорены одубиной*, и таким густым слоем, что скоро обсыхают, и когда нога привыкает ходить по этому мягковатому грунту, то кажется совсем удобно; я знаю, что раз, в самый разгар грязи от одного дома коммерсанта к другому высорили одубиной род высокого тротуара, и было так сухо и удобно, что пока на улице колеса уходили по ступицу в грязь, они могли без галош ходить друг к другу играть в винт. Но пахнет одубиной, бр! Жители города уверяют, что в Заречье одубиной пропахло все: вещи в домах, скот, собаки, даже деревья и цветы, и что все жители Заречья имеют свой собственный запах. А заречные жители так принюхались, что даже удивляются, если что чем другим пахнет.

Заречье — митрополия кожевенных заводов. Кожа — сила и слава тюменцев, кожа распяленная и распластанная должна войти в герб Тюмени, жизнь Тюмени есть жизнь кожи. Проявление тюменских ощущений, радостей, страданий и наслаждений — кожевенные. История Тюмени есть не что иное, как история кожевенного завода. Богатство Тюмени — сдирание кожи. Бедность — ободранная кожа. Честь здесь кожевенная, слава кожаная. Мыслит и дышит человек здесь кожей. Бойтся только за кожу. И в Тюмени, надо заметить, славная толстая кожа!

Восточное обозрение. 1886. № 18.

* При выезде из Заречья на лугу стоят десятка два ветряных мельниц, толкут дуб, толченым посыпают кожи (дубят), затем бывший в употреблении вывозят на улицы. Почти все улицы Заречья искусственно подняты таким систематическим высорением.

Г.

Городское дело в Тюмени*

Прошло три года, как в Тюмени введено новое городское положение, от которого ожидали многого. Наивно полагая, что вся суть дела заключается в букве закона, а не в разумном его применении, тюменцы до того уверовали в близкое наступление для Тюмени золотого века, что жгучие вопросы по хозяйству разрешали не иначе, как следующими, не лишены интереса, словами: «погоди, любезный друг, дождемся нового положения, тогда статья иная пойдет — дело само потечет, да и насчет денег тоже остановки не будет». Наконец введение осуществилось, но наступил ли ожидаемый золотой век? Тяжело, но должно откровенно сознаться, что мы к золотому веку не сделали и шага. При этом как-то невольно ставится вопрос: где и в чем заключаются причины такого разочарования? Причин много и лежат они, главным образом, в основе понятий тюменцев, что и постараюсь, насколько успею, доказать настоящей корреспонденцией.

В конце 1872 года городская Дума разослала всем домовладельцам извещения, приглашая в назначенный день явиться в Думу для прочтения списков избирателей. Многие, получив подобное извещение, пришли в неопределенное смятение, порешив, что в Думе затевается что-то недоброе; нашлись даже

* Настоящая статья рисует типичный образ городского самоуправления. К указанным автором причинам неурядицы следует отнести, может быть, неощущаемые в Тюмени, посторонние влияния, увеличивающие внутреннюю рознь впервые призванных к общему делу сословий. — Ред.

такие субъекты, что платили рассылным, лишь бы последние оставили их в покое. Само по себе ясно, что при таких понятиях выбор гласных состоялся как попало: очень почтенное большинство избирателей заботилось только о том, чтоб самим избежать опасности попасть в гласные, предоставляя, таким образом, дальнейшее течение дел на волю судьбы. Но выбором гласных дело далеко не оканчивалось — нужно было избрать голову и членов управы. При прежних порядках, когда каждый шаг общественной деятельности подвергался строгому контролю и не мог быть самостоятельным, и когда эта деятельность, за очень редкими исключениями, не шла дальше устраивания обедов и угощения заезжих гостей, на должность городского головы избирались люди почетные, капиталисты, которые бы могли переносить все расходы по части обедов, не прибегая к общественной кассе. Избираемые принимали такой высокий пост охотно и вели дело по полнейшему своему благоусмотрению; избиравшие выказывали в большинстве случаев безусловное повиновение, полагаясь на ум и опытность избранных, тем более что экономическое положение большинства обитателей Тюмени находится в руках этих сил — почему не соглашаться с ними не так легко, как может показаться с первого раза. Теперь же, когда новым законом дарованы обществу более широкие права, прибегать под благодетельное покровительство этих сил, по видимому, нет никакой надобности. На общественные должности нужно избирать людей не с капиталами, а с

Газету «Сибирь» начал издавать в г. Иркутске в 1873 г. военный инженер П.И. Клиндер. В 1875 г. представители сибирской интеллигенции взяли обанкротившееся к тому времени издание в аренду, а позднее и выкупили его. Возглавил редакцию «Сибири» публицист В.И. Вагин. Более шести лет газета была единственным частным изданием Сибири, объединявшим прогрессивно настроенных жителей колонии. В работе «Сибири» активно участвовали не только представители сибирского областничества Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др., но и журналисты всей колонии, в т.ч. и Тобольской губернии. Издание прекратило свое существование в 1887 г.

запасом знаний, людей, которым были бы не чужды, а близки все общественные нужды. К сожалению, не так посмотрели на дело тюменцы: в силу привычки быть под покровительством благодетелей или по чему другому они возложили все свои надежды на прежних своих руководителей. Но последние на этот раз были не настолько уверены в крепости своих сил. Когда к ним обратились с просьбою не отказаться принять в свои руки бразды правления, они начали отбиваться руками и ногами, совершенно откровенно говоря: «мы люди темные, а тут порядки новые, что да не так выйдет, недолго под суд, сохрани Бог, попасть; да мы и послужили на свой пай». А один даже объявил, что он лучше посидит где-нибудь, а этой обузы на себя не примет**.

После продолжительных исканий главы — правителя, благодаря влиянию тех же сил, выбор пал на Л. Скептики смотрели на подобный выбор очень подозрительно, рассуждая: «у человека по уши своего дела, а он принимает на себя такое серьезное обстоятельство; к тому же и собственные дела идут крайне не завидно. Нет, тут что-то неладно». Но подобное мнение разделяли немногие, а большинство, руководимое «силами», верило в самые блестящие результаты. Чтоб насколько возможно больше выдвинуться вперед в глазах общества, г. Л. начал отыскивать различные источники доходов и на этом пути зашел очень далеко. Перечислять все налоги, изобретенные им, я не намерен. Для характеристики этих налогов приведу пример. Не задумываясь долго, г. Л. совокупно со своим секретарем г. В. порешил, а собрание гласных утвердило — взыскать с домовладельцев, не имеющих на недвижимую собственность крепостных актов, за занимаемую ими землю от 5 коп. до 2 р. с квадратной сажени, смотря по тому, в какой части города находится данное место земли. Когда один из гласных подал заявление, в котором доказывал, что подобный налог крайне не основателен и падет на $\frac{2}{3}$ населения Тюмени, исключительно бедняков, не имевших возможности по

** Явление это замечается не в одной Тюмени. Теми же мотивами обставлялись отказы от должности городского головы и в Иркутске. — Ред.

своему экономическому положению получить своевременно крепостных актов, г. Л. написал ему такой громоносный ответ, что подавший заявление не на шутку задумался. Г. Л. до того уверовал в святость этого налога, что, не дожидаясь утверждения постановления начальником губернии, начал побор, но, к счастью бедняков Тюмени, в губернии на дело взглянули иначе, и постановление осталось не утвержденным.

Как бы далеко зашел г. Л. в отыскании источников дохода и чем бы все это кончилось — не знаю, но только в ноябре месяце того же года, прослуживши не более десяти месяцев, он должен был сложить с себя обязанность городского головы.

С удалением г. Л. с арены общественной деятельности был избран на его место купец Я.; но г. Я. доказал гласным, что должность головы для избранного необязательна. После такого аргумента оставалось одно — оставить этого богача в покое, а голову избрать другого. С этой целью обратились к старшему члену управы г. Г., но Г. объявил, что служить как-нибудь, спустя рукава, лишь бы отвести очередь, он не намерен; сделать же что-нибудь полезное для города — не в силах, потому что не может предаться исключительно общественной деятельности, так как личные дела требуют его неотлучного присутствия. После этого был поднят вопрос о назначении голове и членам управы жалованья и, вероятно, вырешился бы в смысле назначения, но в это время произошла борьба партий. Партия богатого купца П., служившего раньше головой, выдвинула своего кандидата г. К. Он объявил, что желает служить, но только с тем, чтобы о жалованье не было и речи. Успех, без сомнения, был бы на его стороне, если бы в дело не вмешались скептики, увидевшие, что под этим кроется не простое желание послужить общественной пользе, а нечто позамысловатее: они увидели, что К. будет только присутствовать, а ход дел находится в руках его патрона П. Пришлось опять обратиться к Г. После некоторого колебания г. Г. принял предложение — выбор состоялся. Первым делом его было постепенное вытеснение отживших свое время и мешавших правильному течению дел старых порядков и введение новых, более подходящих к современным требованиям. И действи-

тельно, во время его служения у людей с правильным взглядом на вещи являлось убеждение, что г. Г. послужит не без пользы для общих интересов. Но так как каждое нововведение идет вразрез с понятиями людей, верующих безгранично в традицию, то Г. пришлось бороться с бесчисленным множеством самых курьезных препятствий, побороть которые было нелегко, почему он предпочел оставить службу.

Затем город был некоторое время без головы, а в конце 1874 года после нескольких шумных собраний вырешился вопрос о назначении голове и членам управы жалованья. Головой избрали г. Г. Ему «на подмогу» старшим членом управы выбрали г. И. сначала дело велось чинно, но затем опять пошли раздоры, кончившиеся тем, что г. И. в конце м.г. подал отзыв. И вот опять безголовье. Пришлось гласным поклониться г. Г. Поколебался г. Г., но просьбу все-таки уважил. Что он успеет поделить — решить трудно.

После всего сказанного делается достаточно ясно, что ожидания золотого века не сбылись, и вся деятельность Думы заключалась в выборе и переменах голов.

В заключение остается пожелать, чтоб тюменцы, наученные опытом прошлых лет, не относились слишком индифферентно к делу выбора, имея в виду, что в руках 72-х гласных находятся судьбы целого города.

Андрей Павлов

Иногородние известия

Тюмень, 8 сентября. В городской управе поставлены списки избирателей на второе четырехлетие нового самоуправления. Идут гадания о новом голове, но каждый, конечно, догадывается по-своему. Впрочем, кандидатов в головы насчитывается немного, всего трое: два купца и один чиновник. Кому из них достанется «кормило», неизвестно. В истекающем четырехлетии избирали голов четыре раза. Один голова служил год, другой полгода, третий четыре месяца, а четвертый вовсе не служил, потому что не был утвержден. Дослуживать привелось одному из членов управы. Хорошо, если бы представители города, чередуясь, продолжали последовательно вести дело к той цели, которая положена в основу самоуправления; но, к сожалению, выходило не всегда так. К начатому предшественником вновь избранный относился скептически, начинал свое и, в свою очередь, не кончал. В это время город играл более чем пассивную роль, а скорее страдательную. Над ним

Павлов Андрей Арсеньевич — учитель из Ишима (1866–1867?), автор книг «Русская азбука» (1873), «3000 верст по рекам Западной Сибири» (1878). Корреспондент «Ирбитского ярмарочного листка», ряда казанских периодических изданий 1870–1880 гг. (в это время жил в Тюмени). Был знаком с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. В газете «Сибирь» опубликованы два полосных материала: «Ворота Сибири: из очерков Сибири» (1878. № 37. С. 3–4. — О Тюмени) и «Из очерков Сибири. I. Столица сибирского царства» (1878. № 51–52. С. 4–5. — О Тобольске).

производились опыты. Хотелось бы думать, что эти опыты выработали для будущего разумную практику.

Собрания гласных у нас страдали общим недостатком — равнодушием к интересам города именно тех лиц, на которых город по ошибке положился. Гласные не являлись в собрания под разными предложениями, даже такими, что-де головой человек противной партии, что будет обсуждаться вопрос, поставленный по инициативе незначительного лица и т.п. Так было и есть не в одной Тюмени.

Я помню, когда в Тюмени вводилось городское положение, прежние силы городского общества, богатые купцы толковали каждому, что не хотят принимать на себя обязанности представителей города, находя это дело слишком измельчавшим. Так олимпийски они относятся и по сей час к тем, которых сами избирали в руководители города. Они, к сожалению, не понимают, что ни разу в жизни им не приводилось быть призванными на общественное дело во имя искреннего служения ему разумом, а не обедами проезжим особам. Убедившись, что избиратели по новому законоположению становятся в силах освободиться из-под давления мешка, они стали игнорировать задачи общества... Что, мол, мелкота всякая везде суется! Пусть бы так. Время мешка в общественных делах отошло, но, к прискорбию, не совсем. С высоты кожевенного величия отживающие типы заправителей нередко снисходят в «мелкоту» в образе своих приказчиков, зятьков и т.д. А у этих зятьков и приказчиков, само собою, прежде всего не общественные интересы, а личные соображения их патронов.

Как бы то ни было, четвертый год новой жизни горького сознания минует. Что приобрел город в эти четыре года? В 1872 году в Тюмени было уездное училище и женская прогимназия. Слава Богу, они и теперь существуют. Ученики и ученицы не то чтобы прибавлялись, но и не особенно убавляются.

В 1872 году мостовых в Тюмени не было, по тротуарам только неразумные ходили. В 1876 году то же самое.

А вот и прибавки.

Один купец обещался построить гимназию. Положено: благодарить, купить квартал и разрушить его до основания. Впрочем, прибавка это или убавка, пока неизвестно.

Тот же благодетель обещался перестроить мост. Положение: отклонить, ибо и по этому можно еще ездить. Бог милует.

В 1872 году бабы, торгующие по субботам на базаре луком и горохом, не имели ярлыков, теперь имеют (ярлык стоит 3 и 5 коп.).

В 1872 году еще никто не воображал, что в Тюмени есть «городские сооружения», за проезд по которым можно было бы брать хотя по пятаку, ныне вообразили и берут по гривеннику с воза.

До 1873 года для больницы приготавливалось белье подрядом крайне нерасчетливо, ныне белье изготавливается самими членами управы хозяйственным образом, хотя и вдвое дороже. Кстати, один из членов управы недавно подвергся остракизму за ревностную хозяйственность. Дума, усомнившись в экономии заготовки белья, назначила комиссию для удостоверения в хозяйственных способах заготовителя. Комиссия, удостоверившись, оставила, однако же, белье опечатанным.

Более прибавок, кажется, нет. Кабаки разве, да им давно счет потерян.

Мне стыдно закончить такими итогами. Вот другие, лучшие, только это итоги 1880 года(?)

В Тюмени на видном месте стоит красивое каменное здание с золотой надписью: «Гимназия».

По всем улицам мостовые, около домов тротуары, не похожие на фортепьянные клавиши. По мостовой тянутся воза, с которых берут не по гривеннику, а по пятаку. По тротуарам безопасно ходят люди. С них за это ничего не берут. Фонари расставлены в надлежащих местах, а не около одних кабаков, и зажигаются даже в обыкновенное время, когда в городе нет никакой особы.

В уездном училище и женской прогимназии число учащихся с каждым днем растет, так что в последнем учебном заведении все полы в верхнем этаже привелось перебрать, а то могли бы рушиться, что преждевременно предполагалось десять лет назад.

Собрание Думы посещают все гласные.

Члены управы заготавливают белье для больницы хотя и хозяйственным способом, но значительно дешевле подрядного.

Кожевни, много лет отравлявшие воду Туры в самом городе, отнесены за город ниже по течению реки.

Овраги, пересекающие город, прежде заваленные нечистотами, очищены.

На одной окраине города достраивается вокзал железной дороги.

В местной типографии печатается газета.

Из всех итогов наиболее верный едва ли не последний, потому что г. Высоцкий, содержатель типографии, вошел уже с ходатайством куда следует о разрешении ему издавать еженедельную газету.

«Сибирь. 1876. № 40.

Иногородние известия

Тюмень, 22 октября. 11, 14 и 18 октября у нас были выборы новых гласных на будущее четырехлетие. Первое четырехлетие нового управления мы с грехом пополам оканчиваем. При безурядице и частых недоразумениях, происходивших от непонимания как основ самоуправления, так и насущных требований города, мы грешили во многом. Теперь возвратимся к выборам. Избирателей первого разряда *двадцать*, второго — 80, третьего — более 1500. Гласных должно выбрать 72 человека, по 24 на разряд. Тут видна сейчас же несообразность, если кто помнит 41-ю ст. городского положения, которая говорит, «что собрание считается действительным, когда в нем участвует число избирателей, превышающее число подлежащих избранию гласных». Ясно, что о действительности собрания первого разряда не может быть и речи, так как число избирателей менее, а не более числа избираемых; это произошло от однородности состава разрядов в цифре платимых доходов, разделенных по 24 ст. положения*.

Между тем закон в таких случаях требует учреждения не трех разрядов избирателей, а двух (ст. 25). Закон этот или не был известен управе при составлении списков, или управа его игнорировала; только первое собрание состоялось 11 октября

* Едва ли это справедливо. Напротив, именно то обстоятельство, что двадцать человек платят целую треть общей суммы налогов, уподобляющихся на 1600 чел., доказывает резкую разницу в имущественном положении избирателей, а следовательно, и разнородность их интересов.— **Ред.**

при девяти избирателях. По смыслу той же 41 ст. малочисленное собрание должно быть объявлено несостоявшимся и назначено новое не ближе семи дней. Тогда уже сколько бы ни явилось избирателей, они могут избирать гласных. Однако собравшиеся 11 октября сделали выборы. Ни председательствующий и никто из членов управы, обязанных знать городское положение, не поставил на вид избирателям неправильности выборов, выказывая тем похвальное желание послужить еще городу, если выборы будут опротестованы и затянутся на долгое время, как это было, например, в Томске.

Таким образом, является сильное сомнение, что выборы первого разряда будут учреждены. Но если их не утвердить, то останутся ли действительными выборы 2 и 3 разрядов? Предположим такой пример. Избиратели 1-го разряда выбрали гласным NN, состоявшего в списках 3-го разряда. Второй и третий разряды не баллотируют NN, потому что он уже избран. По окончании выборов результаты первого собрания уничтожают и назначают новое собрание одного, 1-го разряда избирателей, почему и легко может измениться и состав гласных. NN не выбаллотируют, тогда как 3-й разряд имел его в виду.

Вообще наши собрания пока не имеют почвы за отсутствием сознания важности дела по односторонности

В начале 1876 г. А. Павлов в одной из корреспонденций писал о Тюмени: «Из обыденных явлений нашей жизни заметно ожесточенное разыскивание газетного корреспондента, напечатавшего статейку. В этом разыскивании принимает участие один деятельный офицер известного рода службы, что как будто ему вовсе не к лицу. Говорят, напал и на след. Мне, кажется, такая система преследования газетных репортеров не сообразна со здравым смыслом и весьма неблагоприятна. Кто считает себя оскорбленным или оклеветанным в печати, тот должен обратиться в суд...» (№ 8). С этого времени имя А. Павлова практически исчезло из «Сибири». Взамен него появился Нестор. Это он писал о «зарождающейся газете на рубеже Азии», которую издавал в Тюмени К.Н. Высоцкий. Одно и то же лицо? Ответить утвердительно пока так же трудно, как и считать происхождение псевдонима *Н.* от *Нестор...*

интересов большей части избирателей и по равнодушию также немалого процента граждан. Почти накануне выборов в Думе читали доклад комиссии, расследовавшей действия по заготовке одним членом управы белья для больницы. Результаты расследования были таковы, что белье опечатано и сохраняется как вещественное доказательство для следствия. Затем на того же члена поступило вновь заявление о неправильной заготовке леса... Через два-три дня этого популярного члена управы избрали гласным и на будущее четырехлетие. Избрал его первый разряд, а второй забаллотировал двух гласных минувшего периода, известных особенной настойчивостью в объяснении прискорбного дела о белье и лесе.

Одни граждане во что бы то ни стало стараются попасть в гласные, другие отбиваются руками и ногами. Из последних некоторые воспользовались 4-м пунктом 17 ст. положения, т.е. не платят городских недоимок при всей возможности. Укажем, например, на г. Н., ведущего торговлю в Тюмени тысяч на сто. За ним недоимки всего 40 руб., почему его и нельзя было выбрать в гласные.

Есть люди толковые из желающих служить городу, но, к сожалению, фактически воспользоваться правом избирателей по 18 ст. не могут. По-нашему, они и иным путем могли бы быть полезными, не причиняя недоразумений в выборах и не давая поводов к кассированию их. Но у нас случилось не так, и прибавилась еще капля в переполненную чашу неправильностей.

Михаил Рылов

Кожевенные заводы в Тюмени

Кому не известна тюменская кожевенная промышленность, считающая за собою более столетия? Кто из жителей отдаленных сибирских окраин, в особенности из среды людей рабочих, не слыхал и не нашивал тюменского бродня — этого обуистого своеобразного сибирского сапога, состоящего из трех разнородных по выделке и даже по роду кожи частей, а именно: черного юфтевого с параллельно-перекрещенною нарезкою по низу переда, белой юфтевой подошвы и белых голенищ из конинной кожи? Эта обувь древнерусская. Занесенная в Сибирь в отдаленные времена, она здесь привилась, полюбилась и осталась в глазах рабочего люда незамеченною. В пределах России употребления этой обуви не осталось и следа. По всей Западной и Восточной Сибири бродень упорно держится; во-первых, потому что как обувь кожная, не чета лаптям или деревянным башмакам и притом же сравнительно с ценою сапога дешева, и, во-вторых, бродень по своему размеру может свободно быть надетым на ногу, на которой предварительно навернуто до четырех аршин серого крестьянского сукна; при такой подвертке рабочему можно выносить и мороз, и буран, и сырость.

Прежде, то есть назад тому 10–15 лет, из Тюмени вывози-

Рылов Михаил Анфилович (1836–1909). Технолог-кожевенник. Публиковался в Зап. Имп. Казанского экон. об-ва, неофициальной части губернских ведомостей Перми и Тобольска, «Восточном обозрении». Автор нескольких книг по выделке различного рода юфти и т.д.

лось бродня, головки и конинных голенищ ежегодно миллионы пар в Западную и Восточную Сибирь. В настоящее время это производство с каждым годом уменьшается в Тюмени, главное от того, что тюменские ремесленники, почувствовав тяжесть руки своих скупщиков, пошли *врозь*, т.е. рассыпались как пионеры броденного дела по городам Восточной и Западной Сибири; пристроились на тамошних заводах и ввели это несложное дело в Иркутске, Енисейске, Красноярске и Томске.

Кроме бродней, тюменские заводы вели значительную меновую торговлю по сбыту выделанных кож с Китаем через Кяхту и со Средней Азией через Семипалатинск, Петропавловск и Троицк. Несмотря на широкое развитие этого дела, на возможность сбыта и другие выгодные условия, над тюменскими кожевенными заводами с 1826 года (если не ранее), висит дамоклов меч, так как они нисколько не совершенствуются. Все заводы большею частью старые, деревянные, новые приспособления здесь почти неизвестны, да и невозможны при настоящем порядке вещей. Чтобы выяснить эту диковинную вещь, тормозящую такую завидную и исконную промышленность, нам приходится коснуться некоторых исторических и другого рода данных.

К крайнему нашему сожалению, в имеющихся у нас фактах нет положительных указаний на то, кто были первые пионеры и колонизаторы кожевенного дела в Тюмени. Предание старожиллов говорит, что это были выходцы из г. Холмогор Архангельской губернии, получившие здесь фамилию Колмогоровых. Представитель этой древней фирмы существует и сейчас; завод его считается первым во многих отношениях. О возникновении заводов на настоящем месте, т.е. за рекою Турою, на левом берегу, против города, мы имеем следующее: «В царствование императрицы Екатерины II, когда по ее повелению производилась первая планировка города Тюмени, левый берег р. Туры был совершенно необитаем и покрыт всю весну и большую часть лета водою. К нему только в зимнее время разные азиатские племена переносили свои кочевья для близости по торговым сношениям. Когда, с течением времени, эти торговые сношения приняли более прочный характер, бухар-

цы, находя левый берег реки Туры под городом положительно неудобным для постоянного жительства, переселились на место более возвышенное, где и наименовали свое селение, и поныне существующее, «Новошабалинскими юртами» (в простонародье по-местному называются просто: новые юрты). Кожевенные заводчики, будучи вытеснены из города комиссией, занимавшейся планировкой Тюмени, в то время пожелали занять левый затурский берег, как местность пусто лежащую, необитаемую и отдаленную от города, хотя и неширокою, но судоходною рекою. Тем более что к местности этой заводчики уже и привыкли во время бывших торгов и базаров, при сношении с бухарцами и киргизами по покупке у них серых и по продаже выделанных кож. На занятие этого места заводчики обратились за разрешением к генералу Чичерину, бывшему в то время сибирским губернатором, который, конечно, и разрешил им». Обосновалась, таким образом, кожевенная слободка, отдельная от города, носящая, как и теперь, характер населения, состоящего из кожевенных заводчиков, мастеров, рабочих и т.д. История и летопись умалчивают о том, как и когда эта кожевенная слободка перешла в состав города. Но далее мы находим, что с причислением слободки в состав города (через какой период — неизвестно) тюменская полиция, будучи, вероятно, проникнута санитарно-гигиеническими заботами о народном здравии (в тогдашнее-то время?!), повесила тот дамоклов меч и завязала тот гордиев узел, что еще не находится и до сих пор ни одного администратора, который убрал бы меч и им же рассек бы этот гордиев узел. Дело в том, что полиция возбудила такого рода вопрос: могут ли существовать в слободке кожевенные заводы или нет? И ежели не могут, то не следует ли обязать владельцев подписками о сносе их заведений на другие места? Вопрос этот был преподнесен на рассмотрение властей губернских, которые, не задумываясь долго, порешили его в 1826 году в виде распоряжения о сносе кожевенных заводов вниз по течению р. Туры с назначением, впрочем, 10-летнего на это переселение срока. Нужно ли говорить о том, в каком положении находились в тогдашнее время заводчики по поводу такого грозного рас-

поряжения. Конечно, пошли хлопоты, протесты, траты и т.п. потери и убытки, и, наконец, к приближению срока, т.е. к 1836 году, как видно из дела, заводчикам несколько посчастливилось, т.е. какими-то путями в десятилетний период времени им удалось грозную губернскую администрацию склонить на свою сторону. Здесь мы читаем уже следующее, небезынтересное по гуманности взгляда заключение: «тобольский гражданский губернатор, согласно заключению совета тобольского общего губернского управления и совета главного управления Западной Сибири, руководствуясь, с одной стороны, заботливостью насчет развития материального и промышленного страны, а с другой, собрав специальные сведения насчет той, новой местности, которая предназначена была для переноса заводов, и находя оную совершенно неудобною, 15 февраля 1836 года вошел с представлением своих соображений на благоусмотрение г. министра внутренних дел и вместе с тем испрашивал разрешение на оставление кожевенных заводов без переноса на местах старых».

В 1837 году при посещении Тюмени ныне царствующим государем императором тюменские заводчики не упустили случая ходатайствовать чрез выборных депутатов об этой своей крайней нужде. На это 20 июля 1736 года последовало высочайшее повеление: «дозволить жителям г. Тюмени принадлежащие им кожевенные заведения оставить на настоящем месте; для вновь же учреждаемых заведений отвести место по удобности, предписав губернатору сделать должное распоряжение о наблюдении со стороны местной полиции за чистотою и опрятностью в сих заведениях». Это повеление получило силу закона. Тюменцам оставалось развивать и усовершенствовать свое дело. Но, несмотря на все это, дело о заводах не прекращалось; время от времени шли нападки, шло толкование законов в ту и другую сторону; некоторым заводчикам не давали ни исправлять, ни возобновлять заводов, ни делать никаких пристроек и усовершенствований, другим же все это допускалось с большими правами.

Рассматривая карту кожевенной промышленности в России, состав. по данным интенд. управ. М. Китары (С.П. 1875 г.),

мы видим, что со дня возбужденного вопроса о сносе тюменских заводов, т.е. с 1826 года в разное время открыто 19 заводов на тех же старых местах, а не на вновь предполагаемой губернской администрацией местности, а именно: в 1830 году — 1, в 1840 — 3, 1847 — 1, 1848 — 2, 1849 — 1, 1850 — 2, 1851 — 1, 1852 — 2, 1860 — 2, 1861 — 2, 1865 — 2, итого 19. А, быть может, открыто и более, но в источнике, откуда мы это заимствовали, показано еще 50 незначительных заводов в Тюмени, история которых, т.е. время открытия заводов и их существования, не обозначена. Из этого нетрудно заключить, что местная администрация тогдашнего времени считала небезвыгодным иметь в своих руках бразды правления над кожевенными заводами. В силу этого последние не смели шагу шагнуть вперед. При малейшей непокорности или непочтении строптивные строго наказывались — дело возбуждалось вновь, и вновь шла переписка о сносе заводов, но все это в то же время не исключало возможности давать разрешения к постройке новых заводов.

В конце 50-х годов дело было возбуждено и точно так же доведено было до главного управления Западной Сибири. 17 февраля 1860 года г.г. Гасфортом¹ была по поводу этого наложена следующая резолюция: «С положением совета главного управления я согласен, тем более что берег реки Туры, на котором расположен город, возвышеннее противу положенной местности, где устроены кожевенные заводы, и глубина фарватера ближе к сему последнему берегу, почему вещества, отделяющиеся от кож во время их промывки, не могут достигать возвышенной части берега около города, а относятся на низменную часть берега за город и вследствие чего не вредят чистоте воды, потребной для употребления жителей». С мнением этим согласился и бывший министр внутренних дел д.т.с. Ланской.

Кажись бы, и это обстоятельство достаточно гарантировало заводчиков от будущих нападков со стороны администрации, и дело могло бы быть порешено единожды навсегда, так как, кроме властей, и сами граждане Тюмени, не имеющие

¹ г. г. — очевидно, генерал-губернатор. — Прим. «Лук & Чок».

кожевенных заводов, приговорами своими неоднократно постановляемыми на общественных сходах, удостоверяли, «что все существующие кожевенные заводы в Тюмени решительно не приносят и не могут приносить никакого вреда и т.д.».

В 1861 году был утвержден план г. Тюмени, по которому каким-то образом снова появилась путаница вроде того, что места, на которых находятся значительные заводы, оказались пустопорожними, и на плане указано новое место под заводы. И вот снова пошла бесконечная процедура. Местный окружной суд едва ли не в десятый раз решил в 1873 году снести заводы. Главное управление Западной Сибири в 1874 году ввиду того, что город и новое городское управление не могут не быть в этом деле заинтересованными, предоставило городскому управлению обжаловать решение окружного суда в апелляционном порядке, что городская управа в 1875 году и сделала, вполне признавая снос заводов и всякое притеснение заводчиков в постройках и перестройках незаконным и неосновательным, и просила решение г. ок. суда² отменить. Меч дамоклов висит, узел гордиев не развязан, дело окончательно не решено. Теперь есть надежда, что оно решится и решится в пользу заводчиков, но для этого необходимо: а) сделать тщательный химический анализ воды в р. Туре в нескольких местах и на различной глубине, как выше города, у заводов, у водоема и ниже; б) из точных статистических данных вывести результаты смертности, о болезнях жителей как в городе, так и за рекою (где расположены заводы), а также о состоянии здоровья и проч., кожевенных рабочих как проживающих около заводов, за рекой, так равно и проживающих в подгородных деревнях: Парфеновой, Мысовской, Яровской, Ворониной, Решетниковой и др.); при этом взглянуть построже на условия быта, обстановку помещений и т.д. как рабочих, так и жителей. Одним словом, вопрос исчерпан всесторонне и не на шутку, а на основании научных данных. После этого само по себе исчезли бы всякие напрасные пререкания и переписки с обеих сторон.

² г. ок. суд — очевидно, тюменский окружной суд. — Прим. «Лук & Чок».

В настоящее время мочатся кожи в реке только после золе-ния, прежде, лет 20 и более, в Тюмени мочились и сырые; ныне эти последние размачиваются в заводе, в чанах. Что же каса-ется кож зольных, то из них отмывается приставшая известь, зола и т.п. минеральные частицы; части разлагающиеся, жи-вотные не отпадают при этом, следовательно, эти минераль-ные частицы немедленно уносятся течением или оседают на дно реки. Между тем они настоль незначительны, что, дей-ствительно, в такой реке, как Тура, и при ее течении не могут оказать большого влияния на составные части воды. *Самое же верное техническое средство, ведущее к разрешению этого полувекового спорного вопроса, состоит в том, чтобы на всех тюменских заводах вме-сто рутинной и неэкономичной промывки зольных кож в реке ввести обязательное употребление для этой цели промывных барабанов.* (Как это уже не только за границу, но и на большинстве русских заводов повсеместно и ежедневно вводится, да и в Тюмени у г. Колмогорова введено в последнее время). Для удаления же грязи и других заводских нечистот устроить отводной канал, который, идя в известном пункте общео магистральной тру-бою и чрез побочные каналы, идущие от заводов, принимал бы в себя нечистоты и выходил ниже города. При этом сред-стве, простом и несложном, решительно, скоро и основатель-но не разрубается, а развязывается этот гордиев узел.

Не только для тюменского общества, но и для самих завод-чиков гораздо выгоднее и резоннее вырешить этот вопрос именно в указанном нами смысле. После этого, конечно, не будет никакой нужды работать в полуразвалившихся здани-ях, тратить непроизводительно время, капитал и рабочие руки и, главное, отказываться от тех необходимых улучше-ний и усовершенствований, которые, давая товар лучшего качества, развивают промышленность и обогащают страну.

Иногородние известия

Тюмень. Пословица «не клеится, а плющится» исполняется в настоящее время над нашей Тюменью. Какое ни затевается у нас хорошее дело, посмотришь, в конце концов, все расплывается и ничего не выйдет.

В конце 1875 года было предположено по желанию местного капиталиста П. построить в Тюмени гимназию. У нас дело никогда не откладывается в долгий ящик: заявили куда следует, хотя и неофициально. Составили подписку, набрали до 18 т. руб. и давай покупать места в самом лучшем квартале, что называется «из ежовых рук». Платили такие деньги, какие только хозяева хотели взять. Избрали комиссию, деньги издержали, но всех мест не скупили; а тут проходит зима, наступило лето, июнь месяц над головой, пора бы начинать и постройку, а П. молчит. Думали, думали гласные и положили спросить П., что-де это значит. Получают такого сорта ответ: «Г., прежде чем приступить к постройке, я желал бы знать, согласны ли вы отпустить на содержание гимназии ежегодно 10 или по крайней мере 5 т. руб. сер., без чего я строить здания не желаю». «Куда мы теперь деваемся с местами?» — говорят ему. «Дело ваше, — отвечает он, — купить их я вас не просил, для меня было бы только отведено место». После такого громкого ответа наши заправители повесили головы. Что делать? Справились в общественной кассе: пустота! Городской бюджет не покрывает обыкновенных расходов, а здесь, как на зло, повисли на шее 5 или 10 т. руб. И в грязь себя ударить не хочется, и денег взять негде. Однако нашлись такие прыткие

гласные, которым все ни по чем. «Усилим процент с проходящих купеческих кладей, надбавим налогу там, возьмем тут, а ничтожные тысчонки покроем!». Так ли это будет на деле — вопрос недалекого будущего. Между тем народная молва носит слух, что вместо гимназии мы едва ли не останемся с одним только разрушенным кварталом.

На настоящий год составленную городской управой смету гласные утвердили без всякого рассмотрения. Благодаря этой быстроте действий мы и сидим теперь без гроша денег, да прибавок с порядочной ношей общественного долга.

В заключение настоящей моей корреспонденции я сообщу вам два курьезных обстоятельства, характеризующие деятельность нашего общественного управления. Попечителю городской больницы для обмундирования больных доставлено больничное белье, построенное хозяйственным образом членом управы, получающим от общества тысячу рублей в год жалованья. Цифра стоимости вещей обозначена в общем количестве. Попечитель, не довольствуясь этим веским аргументом, потребовал от управы точного разъяснения и получил оное в следующем виде: верхняя наволока (из холста) на подушку стоит $51\frac{3}{4}$ к., то же нижняя — $29\frac{1}{2}$ к., пара холщовых чулок — 33 к., фельдшерский фартук — 1 руб., рубашка мужская холщовая — 1 р. $2\frac{1}{2}$ к., порты — $34\frac{1}{2}$ к., полотенце — $29\frac{1}{2}$ к., простыня — 1 р. $2\frac{1}{2}$ к., чехол на тюфяк — 1 р. 64 к. и туфли 70 к. за пару. В верхней наволоке холста 10-коп. достоинства 2 ар. 10 верш. и за работу 3 коп.; по прежним заготовкам она стоит вместо $51\frac{3}{4}$ к. только 29 к., в нижней наволоке холста в 7 к., за арш. 3 ар. и работа 3 коп.; вместо $29\frac{1}{2}$ к. она стоит 24 к. 1 пара чулок из холста в 8 к. арш. 2 ар., работа 2 к., вместо 33 коп. стоит 18 коп., рубашка холщовая — холст в 8 к. ар. $6\frac{1}{2}$ ар., работа 5 к. вместо 1 р. $2\frac{1}{2}$ к., подштанники холщовые по 8 коп. ар. 3 арш., работа 5 к., вместо $34\frac{1}{2}$ стоит 29 к. и т.д. Конечно, все это пустяки: «казанский процентик» и больше ничего, но если принять во внимание, что поставка простирается до 400 руб., то и выйдет излишнего расхода до 150 рублей. Другой факт. В минувшем году городской голова, уезжая лечиться на воды, поручил члену управы купить до

1 т. штук леса. По приезде он узнает, что лес покупал другой член. Лес оказался не той толщины и меры, как показано в покупке, и далеко не стоит выданной за него цены. О чем голова приказал написать доклад, который хранится до сих пор под спудом.

Сибирь. 1876. № 27.

Тюменский театрал

Иногородние известия

Тюмень, 13 сентября. Наш сонный город в последние месяцы лета несколько ожил благодаря случайно прибывшим к нам гостям. Проездом чрез наш город остановились сразу две драматические труппы: одна из Сибири, другая чуть не из Петербурга проездом в Омск. Эти труппы доставили нам громадное удовольствие, особенно вторая, но при этом и навели нас на грустное размышление. Все города Сибири, до самых маленьких, даже многие заводы считают театр потребностью; это доказывается тем, что сравнительно маленькая Тюмень дала до 2000 рублей театрального сбора в месяц, и мы уверены, что будь в городе театр с дешевыми местами, цифра эта могла бы возрасти и до 3000 рублей и не на один месяц, а на целый театральный сезон. Несмотря на такую любовь публики к театру, даже в лучших городах Сибири не бывает порядочных трупп. Труппы содержатся людьми без средств, без понимания дела, а потому не могут иметь в своем составе порядочных артистов, что и было у нас в Тюмени. Труппа г. Егорова, за исключением двух артистов, состояла из людей, совершенно не способных к сцене, разумеется, антрепренер, убивши все, что у него было, не в состоянии был продолжать дело и буквально пустил несчастных артистов по миру. Но спектакли и этой плохой труппы посещались публикой. Но вот приехала труппа, приглашенная, как гласила афиша, омской театральной дирекцией, под управлением г. Надлера, и мы смотрели и не могли насмотреться. Такие артисты, как г-жа Руднева и Зверева, актеры гг. Холмский и Мартынов, могут

служить украшением всякого театра. Скромные тюменцы в первый раз увидели на нашей, едва сколоченной для любительских спектаклей сцене летнего помещения клуба отлично разыгрываемые серьезные пьесы. Мы подумали, что, значит, и в Сибири может быть хорошая труппа, и мы начинали было завидовать омской публике, но... увы и ах!... труппа эта совсем расстроилась. Лучшие персонажи труппы бросили г. Надлера, он остался с актерами на вторые и третьи роли, за исключением г-жи Зверевой и, пожалуй, его самого. Нам многое рассказывали не только те артисты, которые покинули его, но и те, которые поехали с ним в Омск. Трудно было бы верить рассказам артистов, если бы мы сами не увидели, что г. Надлер действительно человек вполне неспособный вести такое серьезное дело, как театральное.

Вот один из его поступков. Был назначен бенефис г-жи Морвиль. Не привыкши к театральным обыкновениям, публика и не думала составлять подписку на поднесение подарка этой, далеко не любимой, актрисе. Накануне бенефиса является в клуб г. Надлер с подписным листом и, подходя к каждому, упрощивает подписать и при этом назначает цифру 3 руб., чтоб отвязаться, многие давали деньги, но при этом вслух раздавались по клубу самые неблагоприятные отзывы. Накануне последнего спектакля он начал составлять и себе подписку, но уже желающих жертвовать не нашлось. Нам пришлось видеть контракты артистов; эти контракты составлены у него так, что он может вовсе не платить актерам жалованье или платить, сколько вздумается, уволить во всякое время от службы, заставить играть их даже в самом Пекине или где-нибудь еще подальше. Многие скажут, что сами артисты виноваты, что подписали подобные условия. Но их можно оправдать тем, что они подписывают контракты, как пустую формальность. Многие артисты труппы хотели по приезде в Омск просить тамошнее начальство и театральную дирекцию оберегать их от несправедливых действий антрепренера. Даже родная сестра г. Надлера оставила его.

—ВСВ—

Из записной книжки сибиряка

II

Тюмень

Первая деревня административной Сибири — Тугулымская. Первый сибиряк, приветствовавший мое возвращение на родину, был старик, сторож у поскотины, так называемый «воротник». У каждой сибирской деревни есть два «воротника» — при въезде и выезде из деревни; они живут в землянках у ворот поскотины, куда переселяются на целое лето; часто «воротниками» были калеки безногие, которые при нашем приближении спешили ползком к воротам, чтоб отворить их. Такие сторожа нанимаются здесь (в южной части Тобольской губернии) по 10 рублей в лето; они все старожилы, поселыщиков крестьяне избегают нанимать на эти должности: «посельщик может всякого плута пропустить; есть тоже, что коней воруют». Временные жилища этих почтенных охранителей общественных интересов замечательны по своей бедности; это не что иное, как просторные собачьи конуры; они спят на голой земле, единственная утварь, замечаемая внутри этих логовищ, —

Если изъять из псевдонима Г.Н. Потанина *Авесов* гласные буквы, то мы получим подпись под заметками «Из записной книжки сибиряка» «—ВСВ—». В пользу такого предположения говорит рассказ об Александрове, авторе «Воздушного тарантаса» (С. 70 данной публикации). Эта же история рассказана Г.Н. Потаниным в письме к Н.М. Ядринцеву от 3–5 июня 1876 г., писанного им из Тюмени—Омска.

туесок с квасом. Помещения для этих бедняков должны бы устраиваться на общественный счет — не особенно бы дорого стоило устроить деревенскому обществу приличное для человека убежище тому, кто стережет имущество целого общества.

На последних двух станциях к Тюмени, Тугулымской и Успенской, мы встретили первые тюменские ковры; все женское население окрестных деревень занято тканьем ковров из коровьей и конской шерсти, соскабливаемой со шкур и покупаемой на кожевенных заводах города Тюмени. Пуд шерсти стоит 1 р. 20 к. В день мастерица успевает соткать 1 арш. густого ковра. Трехаршинный ковер (т.е. 2 арш. длины и 3 арш. ширины) стоит 2 рубля. Есть ковры и в 25 рублей. Тканьем занимаются исключительно женщины. Вообще нужно заметить, что в Тобольской губернии много развилось женских кустарных промыслов: ковровое в Тюмени, скорняжное в Тобольске и то же в Тюмени (здесь женщины выделяют зайчину), шитье обуви в Тюмени, тканье холстов и браней в Курганском округе. Вероятно, это объясняется женским досугом, который здесь велик благодаря плодородию почвы, отчего значительная доля времени у земледельца сберегается. Здешняя земля обрабатывается руками одних мужчин, вывоза назьма на пашню, которым бывают заняты девицы и женщины в России, а также пахоты женскими руками здесь не встречается; женщина в южной (земледельческой) части Тобольской губернии в полевых работах участвует только в сенокосении и жатве, а остальное время употребляет на кустарное производство.

В Тюмени меня интересовал вопрос о новых производствах в крае. Мне сообщили, что в последнее время было основано два пшенично-крахмальных завода — Котовщикова и Загорского; последний теперь не работает. У Загорского была паровая машина и аппараты были более совершенны, чем у других, но производство прекратилось вследствие несочувствия к нему компаньонов Загорского. Притом крахмальное производство выгодно было в Тюмени только во время самарского голода, когда в Самаре вздорожала пшеница; теперь же, когда пшеница в Самаре снова понизилась в цене, тюменский крахмал не может соперничать с самарским на московском

рынке (куда был единственный сбыт из Тюмени) вследствие дорогого провоза и низкого качества; последнее обуславливается, главным образом, свойствами сибирской пшеницы. Заводы были поставлены на широкую ногу, могли бы вырабатывать до 100000 пудов, но работали гораздо менее. Во время самарского голода крахмал стоил в Москве 3 р. 80 к., ныне — от 2 р. 50 к. до 2 р. 70 к. В настоящее время в Тюменском округе на р. Тавде основывается новая суконная фабрика Ушкова, одного из тех известных суконных фабрикантов в Екатеринбургe, которые основали едва ли не первую суконную фабрику на восточной стороне Урала и сукна которых расходятся по всей Сибири до Камчатки. На новую фабрику на Тавде затрчено до 100000 рублей, предполагается пустить ее в июле и августе. Сукно будет делаться грубое, известное под названием верблюжьего (из верблюжьей шерсти и джабоги, привозимой с июльской ярмарки в Петропавловск). Сукно Ушаковых далеко лучше сукна Ядрышниковых: 1 арш. ядрышниковского сукна стоит 90 коп., ушковское — 1 р. 10 к. и 1 р. 25 к.. Третье, новое производство, основанное недавно в Тюмени, — производство фаянсовой посуды. Завод был основан Тороповым и Колесниковым и пал от технического неумения; много было боя вследствие незнания технической части самими хозяевами. Выписав мастера, хозяева вверили ему производство, а сами не стеснялись в самое первое время оставлять Тюмень надолго. Завод этот был преобразован из гончарного завода купца Данченкова и существовал при новых хозяевах три года. На этом заводе делались и банки под помаду по 25 р. за тысячу, тогда как в Москве гжельская банка из худшего материала стоит 16 р. за тысячу. В Тюмени мастер с мальчиком делали в день 150 банок с крышками, в Гжели — до 400 штук. Много в Тюмени портили товара, не умея пригнать крышку к банке, не умели делать «заточку» и ровное дно, вследствие чего и крышка плотно не пригонялась. Кроме упомянутых производств, можно еще назвать помадное, начатое Шешуковым при его мыловаренном заводе и брошенное вследствие дороговизны банок, и ковровое, основанное было купцом Глазуновым. Почему ковровое производство в виде фабрики не пошло

в Тюмени, я не мог узнать. Отбросы от кожевенных заводов обрабатываются: 1) стружка на клееваренных заводах Загорского, Глазкова, Решетникова, Спициной, на двух заведениях Рогожниковых, всего на шести заводах; 2) шерсть, соскабливаемая со шкур, продается коверницам. Ножки мало идут на клей, переработка ножек производится в дер. Шатровой в Ялуторовском округе, где бывает значительная забойка баранов (у Ботова, например, в дер. Шатровой). Попытки основания калевых заводов делались Шешуковым в Тюмени, Уньжаковым на границе Ирбитского и Тюменского округов, Решетниковым в Тюмени и Загорским в Тюмени же; из них остался теперь только один последний, но и тот не работает. Калевое производство остановилось от того, что поташу мало, нет поташных заведений в крае.

Из этих фактов видно, что помехой основанию новых производств в Сибири служат частью отсутствие технических знаний, частью отсутствие вспомогательных производств (гончарного при помадном производстве, поташного при калевом), частью недобросовестное отношение главных компаньонов, становящихся в положение неумолимых эксплуататоров к своим товарищам, вклад которых состоит не столько в деньгах, сколько в знании, личном труде и предприимчивости. Страннее всего неудача гончарного производства; глина, говорят, тюменская лучше гжельской; горшечное производство Тюмени давно на славе в Сибири; корчага давно сделалась гербовым знаком Тюмени и фигурирует постоянно в карикатурах Калганова и Знаменского, направленных против тюменского общества; поговорка «тюменцы семеро в одной корчаге крестились» известна по всей Сибири. Тюменские горшки сплавляются в Тобольск, отвозятся в Курган и Ялуторовский округ. Заводов, собственно, нет, работают по промысловым свидетельствам по 3–4 человека вместе, всего около 5–6 заведений в городе. Глину берут близ деревни Кулаковой (16 верст) и Каменки (27 верст).

В Тюмени я встретил Ив. Вас. Каноникова, долго служившего на золотых промыслах, человека начитанного и в настоящее время очень интересующегося проложением торговых путей в

западный застенный Китай через Зайсанскую котловину. Г. Каноников на свой счет ходил с поисковой партией в окрестности озера Зайсана, по Черному Иртышу, поднимался до устья р. Кабы и обогнул горы Тарбагатай и Мустау с востока. Г. Каноников оказался родственником Александрова, произведение которого «Воздушный тарантас» было напечатано недавно в сборнике, издаваемом г. Миллютиным. Я успел записать от г. Каноникова только следующие биографические сведения об Александрове. Александров кончил курс в духовной академии (вероятно, Петербургской), поступил секретарем к князю Голицыну в Камчатку, потом служил в Якутске стряпчим и в Канске исправником. Умер в отставке от чахотки в Иркутске в 50-х годах лет за 60 от роду. После него остались жена и воспитанница, вышедшая замуж за якутского чиновника. После Александрова осталось два тома стихотворений, отосланных г. Канониковым в Якутск. У г. Каноникова находится несколько произведений Александрова в рукописях: «Якут Мандчара», поэма в стихах «Два солнца», где описываются жизнь и обычаи инородцев, и «Очерки Сибири», где есть сведения о введении земледелия у инородцев и другие интересные сведения.

III

Ишимская степь

В Тюмени едущий из России расстается не без удовольствия с учреждением вольных почт. Прощальный поцелуй, который г. Михайлов дарит путешественнику в Тюмени, заключается в безобразном счете, который подается ему в гостинице, принадлежащей этому откупцу. Цены в этой гостинице вдвое дороже против базарных, пять порций сливок, т.е. один маленький сливочник, стоят 25 копеек, за эти деньги можно иметь три крынки молока, с которых можно наснимать три таких молочника, какие подаются в гостинице. Номер, дурно меблированный, стоит 75 копеек, порция котлет стоит 30 коп., белый хлеб, на рынке стоящий 5 коп., в гостинице ставится в 10 коп. Об этих ценах путешественник узнает только тогда, когда увидит себя уже попавшим в сети искусного ловца г. Михайлова: на объявлениях, вывешенных на почтовых станциях, путешественник

читает, подъезжая к Тюмени, что в гостинице вольных почт ждут его цены «умеренные», при этом г. Михайлов отклоняет путешественника ехать в другие гостиницы — это отклонение имеет вид предостережения путешественника ни более ни менее, как от эксплуатации перевозчиками тяжестей на пристань. Когда путешественник приезжает в Тюмень, тут только узнает о существовании в городе другой, лучшей гостиницы Соловьева, последняя гостиница также разослала свои объявления по почтовым станциям, находящимся на откупу у г. Михайлова, но кто снял их со стен и были ли они когда-либо вывешены, никому, кроме Бога, неизвестно; одно только всякий путешественник ясно сознает, что это молчание станционных стен об одной гостинице и громкая реклама о другой очень выгодны для кармана самого ловкого из русских почтосодержателей. Точно так же, подъезжая к Тюмени, вплоть до города путешественник ничего не узнает о том, когда и какие пароходы отходят из Тюмени в Томск или Омск.

От Тюмени до Омска я ехал трое суток. Дорога здесь ровная и хорошая, но только в сухую погоду, в ненастье она превращается в вязкую кашу; ежегодно ее исправляют, но исправление ограничивается поправкой мостов, прокапыванием канавок и сглаживанием поверхности полотна; только близ реки Ишима на дорогу посыпается немного песку. Далее от реки и песку негде взять.

Ишимская степь была еще не совсем в цвету, когда мы по ней проезжали. Старая трава еще образовала седую ость над зеленым мехом земли. Превосходная зелень полей изредка прерывалась высоким, в рост человека, лесом сухой польни — это были брошенные пашни. Степь казалась исчерканною по зеленому полю белыми, желтыми и голубыми полосами; белые — это анемоны, желтые — ранункуль, голубые — незабудка. Ветрянка, первое весеннее украшение ишимских степей, уже отцвела и стояла в плодах, напоминавших медузину голову. Еще более разнообразия, чем полосы цветов, придают степи бесчисленные березовые «колки», каких только форм не принимают они: то разрастутся в большую дубраву, которая зеленой стеной стоит на горизонте, то тянутся низеньким

курчавым кустарником, то стоят отдельные березы. Отдельные деревья тоже разнообразны; одни развесисты и густы, другие на длинных и голых стволах несут только вверху обдерганную ветром листву и похожи скорее на траву с длинным стеблем или на те карикатурные человеческие фигуры на длинных, как у комара, ногах, которые должны изображать англичан. Нет ничего величественного, ужасающего — картина выходит мирная, ласкающая, какою и должны выходить крестьянские степи, крестьянские потому, что здесь нет земель помещичьих (за исключением немногих клочков, распроданных одно время из видов, которые впоследствии не оправдались). Около Тюмени и Ялуторовска пашни встречаются чаще, но около Тюкалы едешь целые станции, не видя их. А где и попадают они, то в виде отдельных клочков, правда, всегда крупных, затерявшихся посреди колков и полей. Пашут, кто где хочет, на сенокос выезжают целой волостью в один день, и кто где скажет, тот там и косит. На мой вопрос, бывают ли при этом ссоры, мне отвечали: «Бывают. Другой вздорный и заведет ссору». «Что ж тогда делает его противник?» — «Уедет подальше в степь. Место широко».

Вследствие этой широты места здесь нет тех обычаев скрупулезного деления пахотных полей, какие встречаются в России, даже в Вологодской губернии. Исследователи общины должны искать следов ее в обычаях при наемке «воротника», пастуха, где он есть, при устройстве поскотины и т.п. Здешняя община скорее артель, занимающаяся земледелием. Проявление артельного начала, по всей вероятности, здесь так же широко, как и в северной России. Артели зверовщиков, собирателей кедровых орехов, птицеловов, артели в Алтае, устраивающие так называемые «сады», в которых держат ручных маралов, — все это ждет еще усердного исследователя. Широта места не остается, вероятно, без влияния на нравственный характер сибирского крестьянина; вероятно, есть особенности в нем, созданные этим условием. Мне говорили, что одна из экономических особенностей последнего времени заключается в появлении по деревням мелочных торговцев вроде того, который описан в превосходном очерке Ник. И. Наумова «Сельский торгош», и что

эти торговцы высасывают из народа его трудовые деньги; с другой стороны, мне говорили, что в Тобольской губернии мироеды менее заметны, чем в Европейской России. Меня уверяли, между прочим, что здесь часто бывают случаи, когда полицейская власть не может никого найти, кто бы из крестьян согласился взять недоимщика в работу; также бывает, что никто не хочет покупать коров, назначенных к продаже за недоимку. Недавно, говорят, был случай, что одного чиновника, собиравшего подати, выручил из затруднительного положения какой-то чиновник контрольной палаты, но получил за это строжайший выговор от своего начальства. Несмотря на этот простор, крестьяне недружелюбно встречают мысль обрезать у них лишние земли; около Тюмени они мне говорили, что губернское начальство хотело что-то сделать в этом роде, но «общество не подписалось», сказали — будем вдвое, втрое платить против старого, а перемены не желаем и хотим, чтобы вся земля осталась за нами. Очевидно, на сибирской почве жизнь ставит важный вопрос: кому вести народное хозяйство? Предоставить ли всю природу в руки крестьян и все административные нужды края покрывать посредством налога с них или изъять из их власти значительную часть земель и образовать государственное хозяйство? Крестьяне на этот вопрос как будто отвечают: «Вы хотите строить школы, больницы, богадельни, требуйте с нас на это деньги и устраивайте, а землю всю, с ее полями, лесами и водами, предоставьте нам, придумывать системы полевого хозяйства, охранение лесов и проч. пусть будет наше дело». На это, конечно, можно им возразить, что, во-первых, они бедны деньгами, что и без того уже на них есть большие недоимки, что, во-вторых, они же сами жалуются, что выгубили лес, подражаясь доставлять дрова на винокуренные заводы Паклевского; но со своей стороны и крестьяне могут сказать, что деньги у них были бы, если б вместо нынешнего низшего административного строя, дорого стоящего краю, дан был ему другой, более дешевый, и что лес не в крестьянских руках исчезает не лучше, как и в их собственных. Стоит только посмотреть, что случилось с лесом, который отведен Паклевскому около Уковского завода. Что касается до меня, то я склоняюсь более на сторо-

ну оставления всех угодий в руках крестьян, пусть они хозяйствуют с сибирской землей, как им Бог на душу положит. Правда, они невежественны, способы их обработки несовершенны, а все-таки они ни с кем несравнимые знатоки сибирской почвы и сибирского климата; невежество исчезнет с развитием школьного дела, а деньги на школы можно бы найти в экономике трех громадных сумм, которые теперь идут на содержание волостных правлений и тех сборов, которые называются «темными». Нужно также знать, какие особенности имеет класс сибирских интеллигентных людей, в руки которых в некоторых видах желательно бы передать общий надзор над эксплуатацией сибирского богатства. В Европейской России существует класс помещиков, из которых хоть часть да занимается сельским хозяйством, потому в крае есть всегда люди более или менее способные критически относиться к мерам, относящимся до народного хозяйства. Часто какой-нибудь профессор поедет в свою усадьбу, иногда даже государственный человек, а то так и сам Энгельгардт поселится и начнет заниматься сельским хозяйством. Не то интеллигентные люди в Сибири — это просто чиновники, редко когда с университетским образованием. Хотя и говорят, что сибирский чиновник отличается от русского тем, что принимает участие в производстве, торгует, заводит заводы, как это всегда бывает в колониях, но это участие в экономической жизни в крае ограничивается, кажется, торговлей и подрядами; относительно же сельского хозяйства сибирский чиновник никак не выше сибирского крестьянина. Можно предвидеть, что выходит, если этой интеллигенции предоставляется наложить на что-нибудь экономическое свою властную руку. Я знаю такой пример. Заговорили о необходимости поднять в Сибири ремесла; в центральном городе устраивается ремесленная школа, и вместо производств продуктов на крестьянскую руку: каких-нибудь сох, колес, горшков, оконных рам и т.п. — в этой школе, основанной на суммы министерства государственных имуществ, учили делать шкатулки, туалеты и т.д. Проезжая мимо деревни Уковский завод, я слышал, что г. Калмакову отведена в пользование местная дача в 600 десятин, а Паклевскому тут же вдвое более; крестьяне же соседних дере-

вень остались без леса и должны за строевыми деревьями ездить за эти дачи, 20 верст севернее. Вероятно, такое пожертвование сделано в виде субсидии заводской промышленности, но вопрос: подобное видоизменение протекционизма не создает ли в крае искусственных производств и действительно ли край нуждается в развитии, например, винокуренного дела в ущерб сельскому хозяйству?

IV

Город Акакиев Акакиевичей

Наконец я в Омске, где не был десять лет. Вот город: все строится да перестраивается, а все лучше не становится — все та же этапная архитектура, которая господствовала и прежде. Два гласных фактора строят этот город — казна и мелкий чиновник. Первая наполняет его каменными домами вроде сундуков с квадратными окнами, с железными решетками, цены внушительные: какое-нибудь амбарообразное здание стоило двенадцать тысяч, конюшнеобразное — восемнадцать, и все в этом роде. Омский архитектор дешево не умеет строить, а что если б он еще решился не держаться правила, что казенное здание должно быть построено без лишних трат на украшения! Внутри тоже что-то тяжелое сразу ложится на сердце — лестницы без пролетов, вроде винтообразно поднимающихся звериных нор, высыпающиеся кирпичи изпод перил, махорка, которую курит канцелярский сторож... Остальную, большую часть города, исключительно деревянную, достраивает правленский писец или военный писарь, достраивает так медленно, что пока успеет в одном месте довести работу до конца, в другом месте старые постройки доживают свой век, и из них образуются уже развалины. Этот, другой, строитель строит свои дома дешево, на свои скудные доходы, обделяя себя в еде и удовольствиях, ограничивая себя луковицей с квасом да изредка рыбой, которую сам наловит, отправляясь на ловлю в халате, опоясанном полотенцем. Такой строитель возводит свое жилище частями: нынешний год пристроит комнатку, на будущий собьется на крышу, на третий год перестелет полы или выстроит какую-нибудь службу,

иногда десять лет пройдет, прежде чем терпеливый Акакий Акакиевич закончит свой труд.

Само собой разумеется, что при этих условиях не может быть той бросающейся разницы, которую можно было бы ожидать в наружности города, не выдав его около десяти лет. Омск не только мне показался тем же мизерным, пустынным и глухим городишкой, но в нем было нечто регрессивное. Те сады, которые, я помню, были прежде густыми, тенистыми и даже серыми, теперь или обредели, или совсем исчезли, городская роща теперь не более, как десятка два деревьев с сухими вершинами, а когда-то тут было тенисто и хорошо. Куда ни взглянешь, всюду, и в общественных, и частных садах, виднеются суховерхие березы, точно над Омском во все прошлое десятилетие продул горячий самум. Любина роща была насажена при генерал-губернаторе Гасфорде в очень недавнее время, и когда-то о ней немало заботились, теперь в этом решетке более пыли, чем тени. Нет уж, видно,

Не отрастить дерева суховерхого,

Не бывать плешатому кудреватому,

Не бывать тароватому богатому.

Мне всегда Омск казался, а теперь еще более кажется похожим на старую шинель Акакия Акакиевича с грязной ватой, вылезавшей из прорех, с обтрепанным подолом, с плешинами на воротнике и с тем равновесием смерти и жизни, которое обнаруживается в периодическом появлении заплат и мест, где старая ткань начинает вновь мучительно расплзаться в стороны.

Кто видел Тюмень и Омск, тому не может не броситься в глаза контраст между этими двумя городами. Тюмень не любит Омска и язвительно говорит, что он существует на свете только для подрядов; Омск, в свою очередь, честит Тюмень необразованным мужичиной, Кит Китычем, вахлаком. Омск справедливо называют «гостиницей» и «почтовой станцией», только Акакий Акакиевич сидит крепко на месте, да и то только пока дети его не сделали карьеру, не выбрались в Россию, куда вслед за ними тянутся потом и их родители. Все, что выше Акакия Акакиевича, подвижно и сидит в Омске не подо-

лгу. Или человек получит место где-нибудь внутри края, или надумается совсем оставить его. Говорят, в Омске очень выгодно торговать мебелью, то, что сегодня очень сходно куплено у какого-нибудь отъезжающего, через неделю с барышом можно продать приехавшему на его место. В Тюмени и не думай сделать такой аферы на этом товаре: там что ни человек, то и домовладелец, плотно сидящий на своем стуле, он, если захочет иметь мебель, закажет ее хоть в Москве и станет дожидаться несколько месяцев. Что два, три месяца в его жизни, когда он векует в Тюмени? От этой подвижности омского населения в нем невозможно устроить что-нибудь прочное из общественных учреждений, хоть взять филармоническое общество. Ныне в нем душою и организатором было одно лицо, назавтра оно умчалось на должность куда-нибудь в Зайсанский пост за тысячу верст, и нужно ждать, скоро ли появится на омской почве другой меломан. Сегодня вы видите в общем собрании его один состав, через неделю в нем уже другие лица. Конечно, такое учреждение не может пустить корни в крае, оставить какие-нибудь следы в местной общественной жизни. Никогда оно не может задаться искренне идеей служить местному обществу и убить свои силы на содействие последнему получить музыкальное образование. Вовек этому филармоническому обществу не только не создать на сибирской почве композиторов, но и не отучить сибиряков «реветь песни». Или представьте человека, читающего перед омской публикой лекцию. Если он будет говорить в ней о местных нуждах, будет обращаться к слушателям, как к представителям местного общества, он будет смешон; впечатления от его слов будут исчезать в текучей среде как те золотистые отпечатки от солнечных лучей, которые падают на бегущие волны реки. Сделать призыв к пожертвованию на пользу местного населения у него и рука не поднимется. Указывают на то, как тюменцы относятся к делу своей гимназии. Действительно, тюменцы ведут себя неладно: впутывать в народное дело какие-то личные расчеты с главным жертвователем и в пику ему ограничивать пожертвование, конечно, не следовало бы, но, тем не менее, я предпочитаю Тюмень; я знаю, что если здесь кто-

нибудь был раз ошельмован, этот эпизод уж не вычеркнется из тюменской летописи, и свидетели, и сам ошельмованный останутся тут же. Здесь от всякого действия и слова образуются традиции, этого в Омске нет. Тюменские нравы дикие, грубые, жить здесь не очень-то привлекательно, но, сознавая это, в то же время чувствуешь, что это самая арена твоей деятельности и есть, тут ты должен работать, хотя и беспрестанно ссорясь с окружающими и проклиная их, тогда как в среде Акакиев Акакиевичей чувствуешь, что все, что ни создается твоими руками, со временем уйдет от тебя куда-нибудь далеко. Правда, в Тюмени только кажущаяся близость к народу: тюменские купцы еще не народ, правда также, что люди, интересующиеся благом сибирского простонародья, выходят преимущественно из детей Акакиев Акакиевичей (и сибирского духовенства), а купец нередко, разбогатеv, абсентеирует из края, особенно купец, торгующий московскими фабрикатами, или золотопромышленник: и тот и другой по свойству своих занятий не делаются оседлыми в крае. Однако Акакий Акакиевич в этом отношении также не надежен, он тоже не абсентеирует только до тех пор, пока не вырастит сына и не выведет его в люди; сынок, поднявшись на ноги, рвется в Россию, в этот интересный для сибиряка край, и уводит за собой отца и мать. Я встречал матерей-чиновниц, сколотивших вместе с мужем дом и хозяйство, но одному из сыновей удалось вырваться в Россию и получить там место, и мать-старуха собирается туда же. Я видел и стариков с седой головой, проживших век в Омске, а тоже говоривших об отъезде к сыну в Россию. Один мой приятель предлагал в виде меры, удерживающей детей чиновников в Сибири, раздачу им земель в потомственную собственность, но мера эта антинародна и на нее не хочется соглашаться. Один выход — просвещение сибирского земледельческого населения. Только этот класс дает Сибири прочную в крае интеллигенцию.

Сибирь. 1876. № 31, 36, 44.

Федор Корандей

Тюмень, заклепки, втулки

Про втулку, выскочившую из его любви, спел Дмитрий Колоколов, лидер тюменской группы «Мертвый Ты», который довел до логического конца — и эстетически, и биографически — тему перманентной войны всех со всеми и такого, что ли... *отчаяния* — хотя *отчаяние* слишком книжное слово — которое порождает эта ситуация, если тебе некуда податься, обстановка *ожидания войны*. Когда в 1998 году, поздно, да, я впервые оказался в тюменском рок-клубе, там еще стоял дым, как после сражения под Прохоровкой, эхо войны, сюда же — история о том, что Ник Рок-н-ролл, им тогда заправлявший, переименовал заведение из «Black Dog» в «Белый Кот», с тем, чтобы избавиться от злой ауры и тяжелых воспоминаний, связанных с периодом *пика творчества*. Сам тогдашний Николай Францевич тоже запомнился зрителю из задних рядов как человек исключительно приличный, ни на какого Игги Попа ничуть не похожий, конферансье, стрижекча-пинджачок, как вроде *имидж хотел сменить*, отпинаться от *адских псов, идущих по следу*.

Все я думал про эту втулку... Вообще, на тюменском материале тема про «конструирование идентичности» (словосочетание, уже пахнущее машинным маслом) рано или поздно сводится к противопоставлению двух начал, идеологий, мировоззренческих принципов. Первое — всего лишь в самой своей актуальной недавней форме превратившееся в лозунг «Тюмень — столица нефти и газа», тотальная технократическая экспансия, именно тот процесс, через который и любит представлять (присваивать), использовать эту территорию то, что называется остальной Рос-

сией, федеральным Центром, Москвой, государством, обществом, пр. Логически совершенную форму этого мифа синтезировал в своей недавней книжке (обсуждая которую, мы ко всему этому и пришли) поэт-профессор Владимир Богомяков: «Земля радуется, что из нее качают нефть и газ» (с. 107).

Второе начало — нечто несанкционированное на уровне метрополии и, как бы сказал доктор Фрейд, *отклоненное цензурой*, находящееся в состоянии вытеснения, в том числе и из финансовых и медиапотоков, в бессознательном, потому неизвестное широкой публике, как за пределами Тюмени, так и в ней самой. Рокеры придумали использовать для этого нечто термин «андерграунд», хоть, конечно, это имеет отношение не только к музыке, но и к прочим составляющим древнего перечня *artes liberales* — прежде всего к местной филологии, истории — чему еще? — гуманитарным наукам, книжной учености, *поззии*. Сюда же интересный вопрос о взаимоотношениях и роли двух крупнейших вузов города: университета просто и университета нефтегазового, один из которых — работает на поддержание статуса культурного центра, второй — ориентирован на удовлетворение запросов и ожиданий метрополии, и, как кажется, ей *только одно* и нужно.

В 1980-е годы «Инструкция по выживанию» сформулировала свое понимание ситуации настолько убедительно, что породила поэтическую традицию, и всем стало казаться, что такой способ метафоры имеет отношение только к рок-н-роллу: «Структура капвложений мне запрещает любить». Имеется в виду, например, фирменная манера называния групп, строившаяся на столкновении официального новояза и чего-нибудь человеческого, слишком человеческого: «Инструкция по *Выживанию*», «Кооператив *Ништяк*», «*Культурная революция*» и пр. Так и в методических пособиях в нашем университете пишут — дайте, студенты, определение «культуры», дайте «цивилизации», как будто возможно эти два понятия друг от друга отделить, Тайлор же не отделял.

Самое главное, что диалектическая борьба между, грубо говоря, «культурой» и, неточно замечая, «цивилизацией», происходящая в Тюмени и по сей день, оказывается настоящей

войной, причем партизанской, герильей, очень верно сказано, страшно далеки от народа интеллигенты и узок их круг. Ландшафтом этой войны являются дымящиеся руины купеческих особняков XIX в. и пустые проемы многочисленных высоток, возводящихся на их месте, а героем — Терминатор в его амбивалентном облике, с обгоревшим лицом белого человека, из развороченной глазницы которого смотрит круглая стеклянная линза в сложном металлическом держателе и бьет луч ослепительного красного света. Арни любим на нашей родине, которая, помимо того, что столица российского дизайна, так еще и столица туризма (sic!). Первый раз кино о знаменитом киборге я посмотрел, когда был подростком, в перерывах между трансляциями мирового чемпионата по бодибилдингу, проходившего в Тюмени.

Тюмень как Терминатор — структурная оппозиция, которая содержит в себе и всю местную повседневность, и непроявленный тюменский миф: «Теперь мы супермены, / По баксу тратим в день, / Одеты современно, / И город наш — как тень» (Дм. Колоколов). Именно на сломе машинной рациональности, в анимистическом преображении монстра рождаются образы, которые можно назвать специфически тюменскими: железные свалки крапивинских времен, все эти танцующие на бочках ржавые ведьмы, робот Ерема, сбежавший из кружка юных техников, чтобы курить и ругаться, и наоборот, БИРИГИТЕС ИХ ОНИ НЕ ЛЮДИ, скрытая опасность, исходящая от машин, неизбежность восстановления механического порядка, манекены и клоуны, по Гофману, превращение человека в часть специального устройства, вне которого его просто не остается, он развоплощается, газ-трубы, тот, кто ездил в одном вагоне с вахтовиками, меня поймет, собирай шмотье, убирайся прочь. Луддитская поэтика новой волны, постпанк, мрачной психоделики, вроде «Добро пожаловать в машину, сынок», хорошо легла на тюменскую экзистенцию: «А троллейбус катится / колесо отвалится, / а шофер приделает, / нечего печалиться» («Центральный Гастроном»).

При этом, как и положено настоящей структурной оппозиции, миф оказывается гораздо древнее своего современного

проявления. Например, постколониалистская постановка вопроса предполагает, что «образная геоморфология» нашего города должна рассматриваться с точки зрения его положения в системе отношений «метрополия—колония». Это всего лишь гипотеза, допущение, метод, который, однако, как надрез на руке Терминатора, позволяет обнажить некоторые беспощадные железные стержни власти, соединяющие наш город и прилегающие территории с остальной Россией, империей навсегда.

Когда с помощью этого метода мы сравнивали описания Тюмени, оставленные путешественниками второй половины XIX в., коллективный «колониальный тюменский текст» с «идеальным» описанием колонии, которое было дано Джозефом Конрадом в романе «Сердце Тьмы» (1899), то обнаружили множество буквальных совпадений, имеющих характер стереотипа, применявшегося к любому поселению белого человека в дикой местности, не важно, в Африке или в Сибири.

Вот еще одно. Герой Конрада, Марлоу, отправившийся на реку Конго, у самых ее ворот, на Центральной станции, оказывается в ситуации тягостного ожидания, связанного с тем, что пароход, капитаном которого он нанялся, нужно сначала еще починить, но на самой станции для этого нет заклепок. Он коротает время, несколько месяцев, в бесплодных разговорах с злословящими торговыми агентами, «пилигримами», как он их называет, которые все чего-то ждут, но никак не дождутся:

«Клянись небом, мне нужны были заклепки! Заклепки. Чтобы продолжать работу... заткнуть дыру. В заклепках я нуждался. На побережье я видел ящики с заклепками, ящики открытые, разбитые... Вам стоило только наклониться, чтобы набить себе карманы заклепками, — а здесь, где они были так нужны, вы не могли найти ни одной заклепки».

Тюменская параллель: город в конце XIX в., с 1885 (1886) по 1911 (1913) г. был местом, где заканчивалась железная дорога и начиналось передвижение по рекам. Это был самый пик так называемой народной колонизации Сибири, тысячи людей ежегодно ожидали на тюменской переселенческой станции парохода, и ожидание это было ничуть не менее мучительно,

чем ожидание Марлоу. Беллетризованное описание такого ожидания содержится в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб». Главный герой романа, Галактион Колобов, молодой сибирский капиталист, ожидает в Тюмени навигации, строит пароход, на который возлагает большие, самые главные в жизни надежды. Так же как у Конрада, в повествование вводится некий наученный жизнью, неспособный к действию персонаж, Ечкин, прохвост, болтун и зануда, также появляются заклепки, в которых суть:

«Ах, уж эта мне сибирская работа! — возмущался он, разглядывая каждую щель. — Не умеют сделать заклепку как следует... Разве это машина? Она у вас будет хрипеть, как удавленник, стучать, ломаться... Тьфу! Посадка велика, ход тяжелый, на поворотах будет сваливать на один бок, против речной струи поползет черепахой, — одним словом, горе луковое».

По большому счету, именно в этом сюжете об «ожидании парохода» — как представляется, отнюдь не в первый и не в последний раз — была описана ситуация, в которой и поныне оказывается множество молодых жителей «уездного» (из которого все уезжают) городка Тюмени. Город сам по себе ничего не значит, он «середина пустоты» и слишком пуст для того, чтобы в нем оставаться, он лишь начальная станция для плавания по большим рекам. «Все уезжают к черту / А я остаюсь в Тюмени» («Кооператив Ништяк»).

Колониальные, механические отношения, смоделированные в «ожидании парохода», не подразумевают собственной ценности маленькой точки на карте, существования ее собственного текста, истории, литературы и пр. Ладно, большинству местных этого, может, и не нужно. Но здесь речь о «когнитивном диссонансе» в головах тех людей, которые вздумают его (этот город) полюбить и всячески изучить, о людях, которые не могут уехать не только потому, что у них, скажем, нет ног, но и потому, что уезжать не хотят, а хотят оставаться дома. Их, в общем, ждет ничего, полное отсутствие бонусов, недостаток заклепок, интеллигентные развлечения.

Юрий Мандрика

О покойниках из Юркиного кондуита и других живых людях

Юрий Зотин, автор журнала «Лукич», еще до кончины последнего, активно работал над электронной версией картотеки «Тюменские фамилии». Мало того, что он коллекционирует их, выбирая из различных источников, включая архивные, Юрий Сергеевич пытается атрибутировать предметы своей коллекции. Но делает это весьма своеобразно. Из обилия краеведческих изданий выбирает все имеющиеся сведения о том или ином покойнике, пытаясь оживить его для сегодняшнего читателя. После любой информации ставит номер источника из длиннющего списка — более ста наименований — таковых.

Его коллекция — его право, что с ней делать. Но мне хочется иногда ею пользоваться. Более того, уже сегодня эта картотека востребована. К ней обращаются краеведы. Я это знаю, но все-равно пытаюсь усомниться в правильности подхода Юры. Ибо степень достоверности каждого из авторов, попавших в его кондуит источников, разная. Скажем, краеведы Коновалова, Копылов и Кубочкин по-разному подходят к историческому прошлому нашего города. Какой коэффициент корреляции надо использовать при работе с Юркиным каталогом? Какая экспертная группа выставит рейтинговые оценки этой троице¹? Насущный вопрос, ибо сегодняшние наши знания о людях, живших сто и более лет назад, недостаточны. К тому же если и есть динамика в их количестве, то зачастую

¹ Фамилии взяты наугад, по алфавитному принципу: три [ка]. И не исключено, что рейтинговая экспертиза не захочет оставить всех в списке...

отрицательная, ведущая в силу своей доступности к популяризации тривиальных ошибок.

Передо мной очередной выпуск «научно-практических трудов»². Утверждение аспиранта, что «М. Костюрина, корреспондент и редактор-издатель “Сибирского листка” с 1900 г.» достоин кондуита, но скорее другого Юрия, но никак не Зотина. Ибо свои первые корреспонденции в тобольской частной газете Мария Емельяновна начала помещать еще в 1892 г., подписывая инициалами *М.К.*, а чуть позднее и *М. К-на*. Об этом писал в предисловии к избранному из «Сибирского листка» В.К. Белобородов, на которого ссылается в своей статье и Е. Маслова³. Создавая источник знаний для других, аспирантке не грешно было бы также сослаться на автора смелого по сегодняшним дням утверждения, что «в конце XIX в. Тобольская губерния занимала одно из первых мест в России по развитию народно-библиотечного дела»⁴. Согласно переписи 28 января 1897 года⁵ уровень грамотности в Тобольской губернии составлял 11,3 процента, уступая первенство Кавказу и обгоняя лишь Среднюю Азию. В Европейской России этот процент был равен 22,5.

Диссертационный треп. Хотя миф о становлении библиотечной системы в губернии заслуживает особого разговора. И экзотических примеров для этого достаточно.

Начнем с одного из них. Местный историк утверждает, что «инициатива организации общественной библиотеки в Тюмени принадлежит Николаю Мартемьяновичу Чукмалдину»⁶.

² Маслова Е.А. Творчество А. Чехова в контексте региональной газеты : на материале тобольской газеты «Сибирский листок» // Сб. науч.-практ. трудов / Тюм. гос. ун-т ; автор-сост. Г.М. Ниязова. Тюмень, 2007. Вып. 5. С. 66.

³ Судя по выходным сведениям у статьи есть еще и соавтор, автор-составитель Г.М. Ниязова. Ибо по-другому сложно трактовать применительно к данному сборнику такую абракадабру как «автор-составитель».

⁴ Маслова Е.А. Творчество А. Чехова... С. 65.

⁵ Серебренников В. Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 года // Сибирские вопросы. 1907. №27. С. 15–22.

⁶ Лукьянова Л.С. Становление библиотечного дела в Тюмени (начало 60-х — середина 90-х гг. XIX в.) // Книжное дело в Сибири. Новосибирск, 1991. С. 89.

Л.С. Лукьянова в этой же статье констатирует, что «о составе читателей, деятельности библиотеки сведений не обнаружено». Начинается формирование доказательной базы. Исследователь смело бросает перчатку неизвестности: «Библиотеку А.В. Эркичева ценили современники, о ней упоминается в переписке Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина».

Найти письма Григория Николаевича 1977 г. издания, на которое ссылается Л.С. Лукьянова, в Тюмени не удалось. Но в пятитомном переиздании писем имя Эркичева упоминается один раз, действительно в послании к Н.М. Ядринцеву: «Где Зерчанинов и Эркичев, не знаю». И ни слова о библиотеке. Правда, в комментариях сказано: «Еркачев — офицер, сосланный в Сибирь за участие в дуэли. Вместе с Зерчаниновым, вышедшим в отставку, открыл публичную библиотеку в Тюмени» (Иркутск, 1987. Т. 1. С. 250).

При формировании доказательной базы происходит подмена, слова комментаторов приписываются более «авторитетным людям», которые, по мнению «истинных ученых», не имеют права на ошибку. Но в таком случае, надо верить безоговорочно тому же самому Г.Н. Потанину, который в воспоминаниях писал, что Эркичев занимался якобы контрабандой и созданная им библиотека служила прикрытием преступным целям. А раз так, то и каталог, выпущенный в Казани (кстати, автор данных строк специально ездил в Государственный архив Республики Татарстан — ГАРТ — в поисках цензурного дела, касающегося общественной библиотеки в Тюмени, но, увы...) ... Т.е. вывод можно сделать в зависимости от желания исследователя. Ведь диссертация — жанр, написанный по определенным законам: идея, умение оперировать приводимыми фактами (достоверность которых не сильно интересует даже облаченных государственным креслом читателей), да и список литературы (не обязательно прочитанной) по теме...

Вот и получается, раз Н.М. Чукмалдин стоял у основания библиотеки, а последняя существовала только на страницах отдельно изданного в Казани (Казани ли?) каталога, а также правил пользования ею, напечатанных в «Тобольских губернских ведомостях», то можно смело выдвигать гипотезу о ис-

точнике капиталов тюменского мальчика, еще зарабатывающего в чужой лавке, но уверенно, говоря сегодняшним языком, пиарящего библиотеку контрабандиста, чтобы стать купцом и меценатом, своевременно перебирающимся в Москву.

И озвученная в предыдущем абзаце гипотеза, и предположение Л.С. Лукьяновой нуждаются в фактаже, которых пока нет. К тому же автор этих строк уже писал, что мемуары Н.М. Чукмалдина волей издателя, опытного журналиста и автора почти сотни книжек, в т.ч. и беллетристики, иногда настолько «усовершенствованы», что весьма отдаленно похожи на реальность. Миф, созданный руками С. Шарапова и удобно упакованный совковой идеологизированной наукой для создания идола (божества для поклонения), не всегда может служить для прояснения действительности.

А между тем кондуит Ю. Зотина фиксирует, по данным ГАТО, что Александр Васильевич Эркичев — тюменский чиновник (1870). В электронной картотеке есть запись и о кавалеристе, и об общественной библиотеке. Но для меня важнее, чиновничье положение этого Эркичева (Еркачева?). Только благодаря ему наши знания об общественной библиотеке могут еще выкристаллизоваться... И классификация отделов, и содержание фондов, так хорошо описанные Л.П. Рощевской, имеют возможность преодолеть барьер ирреальности. Только вот какой окажется реальность?..

Еще один свежий пример...

Уважаемая, и не только мной, региональная газета «Вслух о главном» публикует отчет о круглом столе «Тюменская культура: объединение или раеединение?» (2008. №17. С. 19). «Умная не по годам девушка» Наталья Дворцова заявляет (не исключая, что это произошло благодаря изложению журналиста): «в Тюмени нет традиции книгоиздательства». Позвольте спросить: а «Иртыш...» у Корнильевых, один из первых журналов провинциальной России? А альбомы М. Знаменского в типографии К.Н. Высоцкого? А знаем ли мы по большому счету, что издавалось на территории, занимаемой ныне Тюменской областью, в двадцатые—пятидесятые годы двадцатого столетия? А о репертуаре Тюменского книжного издательства

50–60-х годов многие ли из нас слышали? Коллега Н. Дворцовой охарактеризовала выражение, вложенное изданием в уста профессора, как воинствующее невежество.

И опять-таки во имя чего? Ведь посыл был в стиле Е. Евтушенко, едущего босиком на велосипеде по Москве (ради популярности) и утверждающего в интервью одной из западных газет, что ему предстоит продолжить традиции русской поэзии, к.т. Пушкина, Тютчева и др.: «...пришлось создавать кафедру издательского дела и редактирования почти с нуля...». Вывод напрашивается сам собой: о, время, никому не нужного долга; опять надо создавать традиции. Пожалеем бедную женщину, согласившуюся возглавить кафедру почти что геометрии ради спасения традиций Тюмени.

Но, предположив такое, мы, безусловно, ошибемся. Ибо посыл не соответствовал тому, что оказалось в магазине. За витриной прятался «Г. Вершинин с коллегами, — прекраснейшая модель формирования серьезнейшей научной, профессиональной традиции». Очень современно. Девушка, стремящаяся своей грудью закрыть амбразуру терпящих фиаско в строительстве самостоятельного института дизайнера мужчин.

Логика не понятна. Если отсутствуют традиции книгоиздательства, то при чем здесь Вершинин с коллегами? Тем более что дизайн в классическом понимании — это художественное проектирование промышленно изготавливаемых предметов. И к науке он имеет такое же отношение, как и алхимия, журналистика, научный коммунизм... (Ряд можно продолжить, сделаем это попозже.) Разве что на фоне попавших в историю с объединением учебных заведений дизайнеров есть возможность еще раз пропиариться? Но ведь это, согласитесь, очень похоже на героя, попавшего под чеховскую лошадь. Не верите? Спросите у Сергея Анатольевича. Он об Антоне Павловиче все знает...

Конечно, Г. Вершинин — большой издатель. Спорить с этим сложно. Намедни, его устами (хотелось, чтобы это было именно так) Н. Дементьева артикулировала мнение о тюменской книге: «... часть изданий, представленных на конкурс, пожалуй, 95 %, продемонстрировала оформление, дизайн, вообще представление о книге ниже среднего уровня. Можно сказать, что

целые издательства, такие как «Кронос», «Мандр и К», специализируются на самодеятели. Она становится очевидной, когда видишь роскошно отделанную обложку и при этом огрехи в редактировании, в подаче текстового материала, фото, в понимании книги вообще» (Тюм. изв. 2008. 24 янв. С. 21).

Здесь, с моей точки зрения, тезисные формулировки о тюменской книге настолько неряшливы, что затрудняют понимание сути сказанного... Оформление как заключительная часть произведения любого промышленного предмета является составной частью дизайна. «Представление о книге ниже среднего уровня» вызывает возражение. Ну, видел я книги. И даже сборник «Дизайн», модель которого частично слизана с «Тычковки. Сараев. Потаскуя», у меня есть. Но до сетки этих книг был Херлберт. Ну и что? Это не мешает нам повториться. А самодеятели — это нечто вроде тюменского Пиросмани? Все-таки это комплимент? Как и в определении «тюменская школа графического дизайна»? Где определяющим является слово «тюменская»...

А вот насчет «понимания книги вообще» — это высокая оценка. Авторы публикации в «Тюменских известиях» ставят руководителей двух издательств в один ряд с ведущими учеными-книговедами России, высказывающимися в кулуарах, что книговедение такая же вымученная наука, как и алхимия, но дающая им кусок хлеба. И зачастую весьма неплохой.

Вот только «роскошно отделанные (слово-то какое? — Ю.М.) обложки» ставят в тупик: даже высокий профессионал, родитель опять-таки тюменской школы графического дизайна Г. Вершинин вроде бы признает Александра Кухтерина как художника, да вот только в Союз последнего никак не принимают. В прошлом году в третий раз отказали. Встретившийся недавно в столице тюменский художник Владимир Глухов утверждал, что на местном правлении вопрос об А. Кухтерине вообще никто и не рассматривал. Отказали, сославшись на Москву, да и все. Т.е. все тот же спор за раздел рынка заказов между творческими личностями. И здесь все приемы хороши, которые в конечном итоге дают прибавку в личный карман.

Помню, издавали бедновастенький альбом местного художника. Денег было немного. Сколько могла, столько и выбила по-

мощник сургутского депутата А. Сидорова Светлана Павлова. Большое ей спасибо от тюменской культуры за это. Ртов, желающих откусить хоть краюху от жалкого пирога, было много: дизайнер, небрежно сваливший на стол инструмента верстки репродукции картин; автор предисловия; каких-то еще два-три человека, выполнявших непонятную функцию при двадцатистраничном альбоме. И ни один из них не вспомнил об авторе, на творчестве которого они в сию минуту зарабатывали, что тот тоже имеет право пусть на небольшой, но авторский гонорар. Наверное, потому, что на это заседание художника-автора не пригласили. Но если бы он и присутствовал, за копейку в эту «могучую кучку» не бросился бы, а был бы счастлив уже самому изданию...

Так и Сашка Кухтерин по-прежнему держит в одной из комнат своей трешки-брежневки мастерскую. Был бы членом Союза, мог бы претендовать на просторное помещение по другой цене. А так... Сводил я его как-то с А. Новиком, от которого зависит решение проблемы... Но глава правления с этакой фанатерией изрекал: «Да, знаю. Да, могу помочь. Но пусть Кухтерин попросит...». Не попросил. На то он и Александр Сергеевич. Хотя и сидел перед равным себе, таким же Александром Сергеевичем. Только облаченным властью над творческими людьми. А возможна ли она?

Да, с традициями книгоиздательства у нас худо.

Помню истерику, которая случилась со мной во время презентации книги «Тюмень: слово, душа, образ». Задевала за живое сама ситуация. Потраченные, а не инвестированные деньги в промышленно изготавливаемый предмет. Роскошно, красиво, но непонятно зачем... На такое я не был способен, не позволяла хозяйственная деятельность издательства, где сальдо и бульдо всегда показывали друг другу бульдожьи морды. Инвестиции должны давать дивиденды. Это закон издательского бизнеса: у книги должен быть покупатель, а значит, и читатель. А выпустить книгу, которую и продавать-то запрещено? И при этом участник затратного процесса считает себя издателем, забывая истинную сущность профессии: сделать продукт интеллектуального труда товаром, инвестировать в него свои средства, которые должны обязательно вернуться с прибылью.

Понять происходящее в зале, где витийствовала презентация «слова, души и образа», было сложно. К тому же когда с высокой трибуны показывают в тебя пальцем и так же бесцеремонно спрашивают: «А это кто?». Мол, не приглашали.

Дизайн для избранных. Издание как предметная среда при полном отсутствии традиций книгораспространения: их не было и в Тобольской губернии. Последнее особенно тревожит. Монополизированный рынок не позволяет жить книгоиздательскому бизнесу в провинции. Здесь недостаточно половинчатого решения проблемы: мол, возьмем на кафедру на полставки начальника, и будет он реализовывать наши книги в своих киосках...

Удивительно ли, что авторы многих статей, зная участь своих творений, пишут их для счета, пользуясь методом крупноблочного монтажа, как при написании компьютерных программ. Тот написал то-то, этот — то-то, а в результате получилось то, что получилось. Вот только заработает ли оно?

«Филологический дискурс», пятый номер. Статья Екатерины Бережковой: «В 1953 г. в Салехарде на ненецком языке стала выходить газета “Нарьяна нгэрм”». Хочется поправить, что данное издание появилось еще в начале тридцатых годов, лет на двадцать раньше указанной даты. Отдельные номера появлялись в свет на трех языках: хантыйском, мансийском и русском.

Утверждение, что в начале 90-х на территории ХМАО действовали три крупных издательства, входящих в концерн «Северный дом», не соответствует действительности. Это мнение бывшего заведующего редакцией художественной литературы названного объекта изучения, т.е. мое мнение. Да, существовало Северо-Сибирское книжное издательство, которое предполагало государственное финансирование. И «Северный дом» — с более свободным отношением к чужим деньгам. Люди в них работали одни и те же. А получали зарплату лишь в одной конторе. Это наяву. А как по документам? Но ведь живы еще участники процесса. Зачем мифологизировать их деяния при жизни?

Да, живой еще и Юра Бродский, написавший первую шрифтовую программу для текстов на хантыйском языке. А потом, автор исследования исторического дискурса в книгоиздании малочисленных народов Тюменского Севера забыла упомянуть

(не думаю, что речь идет о научной недобросовестности) книгу М.К. Вагатовой-Волдиной «Маленький тундровый человек», выпущенную тюменским краеведческим издательством на двух языках. Мария Кузьминична, посмотрев на хантыйский алфавит, графика которого была создана на основе «Балтики» тюменским В.В. Дыбой-младшим, удивилась: «Зачем столько букв. Нам трех хватает». Она хотела сказать, что кириллицы с этими недостающими тремя графемами вполне достаточно для фиксации на письме всех хантыйских звуков.

«Маленький тундровый человек» с потрясающей графикой А. Кухтерина, полной фантазмагии, был удостоен премии им. А.М. Кастрена. Автор книги получила какое-то количество дензнаков в финских марках.

Неполнота сведений и неточность — вот черты вышеуказанной статьи из «Филологического дискурса».

Помню, как рядились мы с будущим формообразователем традиций книгоиздательского бизнеса в крае Н. Дворцовой по поводу этого сборника. Я готов был частично инвестировать в «Филологический дискурс», но не обещал не вмешиваться: я ведь деньги давал. Проповедуя редактирование книг, она не готова была подвергнуть такому испытанию свое детище. Двойной стандарт. Параллельные, которые никогда не пересекутся. Сплошная геометрия.

Все-таки мы совки, и должно вырасти не одно поколение, пока нашим внукам, а может, правнукам, удастся преодолеть пережитое нашими дедами и отцами, нами и отчасти, нашими детьми...

Мелочи жизни края. Их много. И, может, лет через сто какой-нибудь Юрий Сергеевич будет реконструировать прошлое, т.е. наше настоящее. Поможем ему сегодня...

МАНДРИКА Юрий Лукич. Родился 28 марта 1952 года в Сумской области (Украина). Окончил филологический факультет ТюмГУ, работал в редакциях районных, городских, областных газет. Несколько лет возглавлял «СофтДизайн» и «Издательство Юрия Мандрики». Кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РФ, автор книги «Провинциальная частная газета: спорные вопросы становления периодики Сибири» (2007), ряда статей по истории сибирской печати.

штудии

*Владимир Ефремов. Тюменские литейных дел
мастера Колокольниковы* 93

от Тобольска до самых до окраин...

*Владимир Темплинг. «Не мошенник, не вор,
не развратник...»* 106

энциклопедия

Евгений Панишев. Чудеса и тайны Тобольска 120

еврейские сюжеты

Стас Белов. Брандты 134

тюменские фамилии

Юрий Зотин. Унжаковы 146

Стас Белов. Альтшуллеры 154

самотек: встреча в журнале

Лев Боярский. Жертва искусства 158

Письмо от (сестры) Рыловой Анны.

Из архива Ольги Майоровой 161

сообщение

Е.А. Балюнова, И.В. Балюнов. Завальное кладбище 162

аХЕРтектура

Ю. Мандрика. Пристеночный Алябьев 167

Ю. Мандрика. Пигмалион по-тюменски 168

Владимир Ефремов

Тюменские литейных дел мастера Колокольниковы

История оружейного производства в Сибири освещалась рядом историков. Среди работ досоветского периода следует назвать статью Н. Абрамова и во многом повторяющую ее публикацию А. Сергеева¹. Из трудов более поздних авторов заслуживают внимания монографии Б.Б. Кафенгауза² и Д.И. Копылова. Все названные исследователи лишь частично отразили развитие оружейного производства в Сибири, освещая в основном историю развития казенного оружейного завода в Тобольске, который выпускал легкое огнестрельное и холодное оружие. О том же, что в Сибири отливались пушки, известно крайне мало. А.Н. Копылов в своей книге упоминает, что тобольские и енисейские мастера владели этим ремеслом еще в 70-х годах XVII столетия³. Известно также, что участник экспедиции Бухоль-

¹ Абрамов Н. О железных и оружейных заводах в Сибири в XVIII и первой половине XVIII столетий // Вестник императорского Русского географического общества. 1860. № 12. Тобольские губернские ведомости. 1860. № 35; Сергеев А. Материалы к истории оружейного производства в Сибири и о современной выделке охотничьего ружья в селениях около г. Тобольска // Оружейный сборник. 1889. № 2; Тобольские губернские ведомости. 1889. № 33.

² Кафенгауз. Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVII–XIX вв. М., Л., 1949. Т. 1; Копылов Д.И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVII — первой половине XIX в. Свердловск, 1972.

³ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVIII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965. С. 124–126, 131.

ца сержант шведской артиллерии Йохан Густав Ренат, захваченный калмыками под Ямышевым озером, помог наладить им малокалиберную артиллерию, отлив по заказу контайши 20 пушек⁴. Кафенгауз вскользь замечает, что когда в Москве обсуждался вопрос строительства железных заводов на Урале, а было это в 1699 г., «...тюменский мастер Елизар Колокольников заявил в Сибирском приказе, что он берется делать “образцы” (т.е. формы), во что пушки лить, но пушек делать не умеет»⁵. Этими сведениями ограничиваются знания о производстве пушек в Сибири.

Первые неизвестные историкам документы, свидетельствующие об участии тюменцев в производстве пушек не только в Сибири, но и на Урале, автору удалось обнаружить в Тюменском государственном архиве еще в 1981 году. В результате появилась статья в газете «Тюменская правда»⁶. Часть выявленных документов удалось поместить в сборник, посвященный 400-летию Тюмени⁷. Более подробный материал о литейных мастерах Тюмени был опубликован в еженедельнике «Сибирский тракт»⁸. Эти материалы были использованы сотрудницей Тюменского областного краеведческого музея Л.А. Типикиной без указания на авторство⁹.

Рукопись статьи «Тюменские литейных дел мастера Колокольниковы» (впоследствии опубликована в ежегоднике музея за 1995 год) была дана на просмотр историку-исследователю Д.И. Копылову с просьбой помощи в публикации, который дословно опубликовал ключевые моменты рукописи под своим именем, отметив при этом, что «...опыт литья пушек в Тюме-

⁴ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 81–82.

⁵ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых... С. 61.

⁶ Ефремов В.А. Литейных дел мастера // Тюменская правда. 1982. 6 июня.

⁷ 400 лет Тюмени: Сб. документов и материалов. Свердловск, 1985. С. 40, 325.

⁸ Ефремов В.А. И в Тюмени отливали пушки // Сибирский тракт. 1993. № 2.

⁹ Типикина Л.А. Жизненный путь купца И.П. Колокольникова // Ежегодник Тюменского областного музея. Тюмень, 1993. С. 48–49.

ни совершенно неизвестен»¹⁰. Удивительно, но факт! Разрекламированная работа по истории Тюмени известной ученой Н.А. Миненко также содержит материал о литейных мастерах Тюмени. Увы, вновь без указания на источник информации¹¹.

Время идет. Стали известны новые факты деятельности Колокольниковых, найденные другими исследователями. Самим автором выявлены новые документы. С учетом этого читателю предлагается новая, исправленная и дополненная, работа.

Крупным объектом литейного производства, кроме колоколов, были и пушки. Исследователи отмечают, что многие мастера XVII века умели лить и пушки, и колокола, что центры литейного производства, без всякого сомнения, существовали во всех более или менее крупных городах и монастырях¹². Располагал таким высококвалифицированным мастером и город Тюмень. Об этом стало известно благодаря следующим событиям.

При царе Алексее Михайловиче на Руси ощущалась нехватка серебра для чеканки монеты. В 1654 г. наряду с серебряными были выпущены и медные деньги с курсом, равным серебру, хотя стоимость меди была намного ниже стоимости серебра. Медной монеты было выпущено почти на 20 млн. рублей, что превышало общую стоимость рыночных товаров в стране. Поэтому разрыв в стоимости медного рубля по сравнению с серебряным стремительно увеличивался. Одновременно росли цены на рынке, особенно на хлеб. Падению курса медных денег способствовало и само правительство, предпочитавшее собирать налоги серебряной монетой. Неудивительно, что население с неохотой принимало медные деньги, а в некоторых местах совсем отказывалось их принимать. В 1662 г. в Москве вспыхнул так называемый «медный бунт». Правительство жестоко подавило его, но вынуждено было воз-

¹⁰ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 70.

¹¹ Миненко Н.А. Тюмень. Летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 168.

¹² Рубцов Н.Н. Очерки по развитию литейного производства // Литейное дело. 1936. № 12.

вернуться к выпуску серебряной монеты. Обмен меди на серебряную монету производился по курсу: один медный рубль за одну серебряную копейку. В г. Верхотурье таких медных монет собрали свыше десяти пудов и отправили в 1670 году в Тюмень, где колокольных дел мастер Иван Михайлов «ис таковой государевы меди вылил пушку», «которая была весом более десяти пудов»¹³. Таким образом, основание литейной мастерской в Тюмени произошло еще в третьей четверти XVII века. Высокая квалификация и, очевидно, знакомство с оружейным производством позволили атаману Михайлову отливать и такие сложные изделия, как пушки.

В первой половине XVII века спрос на железные изделия в Сибири большей частью удовлетворялся привозом их из европейской части России. Поэтому первые колокола, как и многое другое, были привозными. Так, в 1622 г. енисейский воевода писал в Москву: «Колоколов у церквей нет, а звонят в Енисейском остроге у твоего царского богомолья в якоря»¹⁴. В переписных книгах 1625 г. отмечается, что в Тюменском уезде в Усть-Ницынской слободе «колоколов у церквей нету, колоколов вместо деревянное клепало»¹⁵. В то же время в Тобольске, Тюмени, Таре и ряде других населенных мест колокола уже имелись, в основном они доставлялись из Москвы. Так, в тюменских церквях и монастыре по «Дозорной книге» в 1624 году находилось 15 колоколов, все «государева жалованья»¹⁶.

Когда в Сибири отлили первые колокола, установить трудно, однако, как уже отмечалось ранее, в 1670 году колокольный мастер имелся в Тюмени. Со второй половины XVII столетия колокола отливали и в Тобольске: «От пожара 1677 года расплавился литейный колокол, что лит в Тобольске, в 35 пуд»¹⁷.

¹³ Коньков Н.Л. Медные деньги Алексея Михайловича в Сибири // Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения». Тюмень, 1995. С. 56–58.

¹⁴ Русская старина. 1892. Т. 24. Июнь. С. 684.

¹⁵ Тобольский архиерейский дом в XVIII веке // Сибирский хронограф. Новосибирск, 1994. С. 75.

¹⁶ Головачев П.М. Тюмень в XVII столетии. Тюмень, 2004. С. 35–47.

¹⁷ Северный архив. 1826. № 2, ч. 19. С. 134.

Из исторической литературы известно, что со второй половины XVII столетия в Тюмени освоили отливку медных крестов с особым изображением Св. Духа в виде сидящего голубка. Отвечая на вопросы тюменцев, монахи из Далматовского монастыря среди прочего пишут: «Да аще вы, отцы святы и братия, пишете к нам грешным о том, еже нецыи у нас на Тюмени льют кресты новым переводом с голубками...»¹⁸.

На наш взгляд, можно предположить, что в это время в Тюмени отливкой медных крестов мог заниматься упомянутый Иван Михайлов, так как выявить пока других мастеров литейного дела, работавших в городе этого времени, до сих пор не удалось. Следующее упоминание, которое удалось разыскать о родоначальнике колокольного дела в Тюмени Иване Михайлове, относится уже к 1678 году. Из «книги окладной хлебного и денежного оброку» видно, что в это время Иван Михайлов числился тюменских пеших стрельцов атаманом, доставившим из Тобольска в Тюмень соляное жалованье¹⁹.

В 1697 году тюменские мастера вновь ведут подготовку к отливке орудий. «Да по тобольской отписке стольника и воеводы Андрея Федоровича Нарышкина к пушечному литью на покупку железа и воска и сала и кирпичу и дров дано денег 2 р. 32 алт. 2 деньги»²⁰.

В Дозорной книге г. Тюмени 1700 г. в графе о кузницах городских жителей разных чинов значится «кузница пеших казаков атамана Михайлова; платит за ту кузницу великого государя денежного оброку 5 алтын. У него, Ивана, дети: Андреян, Елизар, Федька, Гришка, Васька, Савка. Промышляет он, Иван, с детьми льет колокола и продает, которые разбитые переливает и оттого емлет себе наем и делает на продажу медную всякую мелочь и оловянную всякую посуду. И на него, Ивана, с детьми прибавлено великого денежного оброку к кузнечному прежнему оброку и за промыслы вновь положено 4 р. 28 алт. 2 деньги. Всего оброку 5 р.»²¹.

¹⁸ Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 81–86.

¹⁹ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 797. Л. 93.

²⁰ Тюмень в XVII столетии... С. 156.

²¹ Там же. С. 58.

О характере же литья «медной всякой мелочи» позволяет судить находка, сделанная в городе Пскове. На двухметровой глубине археологами была обнаружена овальная медная пластинка величиной с чайное блюдце. На лицевой стороне изображен старинный земельный герб Тюмени, на обратной — надпись «Град Тюмень, 1700 г.». Отливка попала в Псков, по-видимому, с одним из тюменских солдат. Известно, что начавшаяся в 1700 году война со Швецией выдвинула Псков на роль одного из центров сосредоточения русской армии, куда прибывали воинские формирования и из Тюмени. Очевидно, одному из этих солдат и принадлежала отливка²². На наш взгляд, эта пластинка вполне могла быть накладкой на одном из тюменских орудий, и вследствие каких-то причин была утеряна.

По другим источникам, начиная с XVIII столетия, в мастерской отливали на продажу церковные колокола, дорожные колокольчики, медную и оловянную посуду²³. Позднее историк-краевед И. Завалишин отмечал: «что Валдай для России, то Тюмень для Сибири — мать всех колокольников»²⁴.

Если в 70-х годах XVII столетия Иван Михайлов числился атаманом пеших стрельцов, то в 1700 году он назван уже атаманом пеших казаков (стрелецкое войско упразднено Петром I). В этом же году в разных документах он одновременно проходит как Иван Михайлов, так и Иван Колокольник²⁵.

Ряд авторов утверждает, что Иван Михайлов носил фамилию Кадмин. При этом Д.И. Копылов источник информации не указывает, а Л.А. Типикина ссылается на «Книгу окладную хлебного и денежного оброку» г. Тюмени за 1678 год, в которой фамилия Кадмин отсутствует²⁶. Среди просмотренных материалов этой фамилии автору обнаружить не удалось.

²² Тюменская правда. 1977. 8 февр.

²³ Тюмень. Путеводитель-справочник. Свердловск, 1974. С. 9.

²⁴ Завалишин И. Путевые заметки. Тобольская губерния // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 43.

²⁵ Головачев П.М. Тюмень в XVII столетии... С. 61.

²⁶ Копылов Д.Н. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVII — первой половине XIX вв. С. 222; Типикина Л.А. Жизненный путь купца И.П. Колокольникова. С. 48.

Одним из главных дел семьи было меднолитейное ремесло, в том числе и литье колоколов, благодаря чему за главой семьи закрепилось прозвище Колокольник, а за его детьми — Колокольниковы, впоследствии ставшее их фамилией.

В.И. Кочедамов утверждает, что Андреян и Елизар Колокольниковы были отправлены в Тюмень как изразцовые мастера. «В 1699 г. в Сибирь из приказа Большого дворца были посланы «ценинные мастера» для делания «ценинных и зеленых образцов» (изразцов): Семен Лузин, Влас Иванов, Андрей и Елизар Колокольниковы²⁷. Однако никаких следов деятельности Колокольниковых в этом качестве не сохранилось, а вот их знакомство с литейным производством не было оставлено без внимания Сибирским приказом. Когда в начале XVIII в. началось строительство первых железоделательных заводов на Урале, которые должны были давать в основном военную продукцию, Андреяна Колокольникова командируют в Верхотурский уезд на Каменские железные заводы (Каменск-Уральский) для изготовления пушечных болванов (форм). Дату отъезда в слободу обнаружить не удалось, но в ноябре 1701 г. он «своим самовольством незделав пушечных и мозжарных болванов и невзлив пушку бежал»²⁸. Тюменскому воеводе предписывалось найти беглеца и вновь отправить обратно. В декабре 1701 года на Каменском заводе уже было «отлито 3 пушки и 2 мортира»²⁹. Правда, все они вначале были плохого качества: «выливаютца кривороты, наздреваты и с раковинами»³⁰. Очевидно, учитывая это обстоятельство, в помощь Андреяну в январе 1702 года выезжает посланный тюменским воеводой Тухачевским Елизар Колокольников. «На тобольских железных заводах у пушечного дела быть в мочь у Андреяна Колокольникова в работе брату ево, который пушечному мастерству умеет»³¹.

²⁷ Кочедамов В.И. Строительство Тюмени в XVII–XVIII веках // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1963. С. 96.

²⁸ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁹ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых... С. 78.

³⁰ Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Т. 1. С. 206.

³¹ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556б. Л. 3.

Вскоре, выполнив необходимые работы, братья были отпущены с завода и вернулись в Тюмень. Но уже к июню 1702 года снова возникла необходимость в их помощи. На этот раз три брата — Андреян, Елизар и Савва — 23 июня 1702 года выезжают в Каменский завод; по подорожной выделялось «под них и под пушечные образцы шесть подвод»³². Пребывание братьев в Каменском заводе затянулось, что видно из тобольской отписки тюменскому воеводе: «на Тюмени велено тюменских детей боярских Елизарова, да Андреянова, да Савину жен и детей Колокольниковых сыскать... и выслать их с Тюмени на Каменские заводы»³³. Тот факт, что в июле 1703 г. жены и дети трех братьев были высланы в Каменский завод, свидетельствует о долговременности посылки. В 1704 г. Колокольниковы все еще продолжали оставаться в Каменском заводе. Их отец, остававшийся в Тюмени, был освобожден от уплаты оброчных денег, которые он платил за кузницу, «пока дети ево Ивановы будут на Каменских заводах у пушечного литья»³⁴.

По другим документам Колокольниковы в 1704 году налог в пять рублей все-таки уплатили³⁵. После 1704 года имя Ивана Михайлова в документах автору этих строк не встретилось. Очевидно, учитывая преклонный возраст литейщика, несмотря на его высокое мастерство и большой профессионализм, чем у своих детей, он не был послан на Каменские заводы для помощи в организации литья орудий.

В 1705 году один из братьев «...пятидесятник Василей Иванов сын Колокольников по выбору взят в солдаты». То ли погиб солдат, то ли остался после службы на новом месте, неизвестно. Его имя исчезает из документов. В 1711 году еще один сын Андреян Иванов сын Колокольников умер «января в шестой день»³⁶.

В 1712 г. Елизар Колокольников получил, кроме жалованья, «тобольской присылки 16 пуд с полуфунтом меди»³⁷. Его

³² ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556. Л. 6 об.

³³ Там же. Д. 3555а. Л. 7.

³⁴ Там же. Д. 839. Л. 15.

³⁵ Там же. Д. 2360а. Л. 9 об.

³⁶ Ефремов В.А. Тюмень восемнадцатого столетия. Материалы для истории оружейного производства: документы. Тюмень, 2005. С. 17, 23.

³⁷ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3393. Л. 40.

брат Федор, не ездивший на Каменский завод, в этом же году «за работу от литья колокола получил из казны два рубля»³⁸.

Следующее упоминание имен Колокольниковых в архивных документах относится к 1715 году. Этому предшествовали такие события.

В 1714 году в ответ на сообщение сибирского губернатора Гагарина о якобы имеющихся запасах песчаного золота вблизи калмыцкого городка «Еркети» Петр I издает указ, по которому подполковнику Бухольцу предписывалось возглавить экспедицию в Яркенд (Синьцзян), чтобы провести исследования. Поход был необходим и для защиты от набегов степняков-джунгар, а также для установления торговых связей с некоторыми азиатскими странами³⁹.

Высшее руководство экспедицией было поручено сибирскому губернатору Гагарину, непосредственным руководителем являлся сам Бухольц. Своеобразным промежуточным звеном между ними был назначенный на должность тобольского коменданта Дорофей Афанасьевич Траурнихт⁴⁰. Гагарин в своем указе тюменскому коменданту Эверлакову приказывал: «и велено ему отправить подполковника господина Букалга и ежели какие указы присланы будут от него Дорофея ко отправлению Букалга и по тем указам все отправлять в скорости»⁴¹. Большинство документов, относящихся к походу Бухольца, подписаны Траурнихтом. Так, в мае 1715 г. тюменским крестьянам поручалось изготовить к ружьям станки (ложи) в количестве более 3 тысяч и отправить их на Тобольский оружейный завод. «А те станки всеко нечно, надобны к военному походу»⁴², — подчеркивал Траурнихт. Пушки же было доверено отлить в Тюмени мастерам Колокольниковым, правда, при участии шведа Каландера⁴³.

³⁸ Там же. Д. 4130 а. Л. 11 об.

³⁹ Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1889. Т. 2. С. 35–37.

⁴⁰ Д.А. Траурнихт впоследствии якутский воевода. В Тобольске, очевидно, произошла встреча Бухольца и дочери Траурнихта Марии, которая вскоре стала его женой.

⁴¹ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1889а. Л. 20.

⁴² Там же. Д. 3556а. Л. 3.

⁴³ Большинство исследователей участника похода Бухольца капитана артиллерии Ивана Каландера называют шведским военноплен-

Траурнихт довел это поручение до сведения тюменского коменданта Эверлакова: «Велено на Тюмени пушечным мастерам Елизару Колокольникову с братьями вылить медных пудовых два мартира, двенадцатифунтовых два, осьмифунтовых два, стафунтовых два, трехфунтовых шесть пушек и для вышеозначенного литья послать из Тобольска на Тюмень артиллерии поручика Ивана Каландера...». Сибирский губернатор Гагарин предписывал тюменскому воеводе: «...поручику Ивану Каландеру, буде что понадобится, давать без удержания»⁴⁴. Изготовление орудий требовало наличия больших каменных печей, поэтому для их строительства велено было брать кирпич из тюменского Спасского монастыря. Вначале предполагалось обойтись 3 тыс. кирпичей, в действительности же было израсходовано более 5 тыс.: «на печи брано кирпичу с монастыря церковного тысяч с пять и больше»⁴⁵. К подготовительным работам по производству орудий кроме каменщиков были привлечены рабочие и мастера других специальностей. Кузнецов потребовалось — 12, плотников — 12, токарей — 6 чел. Нужны были «рещики», работные люди и т. д. Все это позволяет говорить о том, что к работам было привлечено не менее 50 человек. Тобольск в это время постоянно требовал привлечь «для нужд военного похода» тюменских мастеров различных специальностей, учитывая же важность порученного Колокольниковым заказа, напоминал тюменцам о неприкосновенности людей, кроме тех, «которые отданы к пушечному литью»⁴⁶.

Закончив строительство печей, Колокольниковы с помощью «артиллерии поручика» Каландера приступили к изготовлению болванов. Вскоре они были сделаны: «и те болваны у них в готовности, а на те пушки и мартира меди надобно триста пуд, да к той меди и олова». Необходимая медь и олово после интенсивной переписки были получены, и в июне 1715 года губернатор Гагарин сообщил тюменскому коменданту Зубо-

ным, хотя в просмотренных автором документах он значится только военнопленным без указания его национальности.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3165. Л. 88–89.

⁴⁵ Там же. Д. 3556а. Л. 2–4.

⁴⁶ Там же. Д. 3556б. Л. 5 об.–8.

ву о том, что в Тобольске приняты военные припасы с Каменных и Уктусских заводов «сто тридцать четыре бомбы, тысяча семьдесят гранат шестифунтовых, триста пятьдесят ядер шестифунтовых, триста ядер трехфунтовых», в то время как тюменские литейного дела мастера поставили для Бухольца «тюменского литья пушка трехфунтовая, два мартира шестифунтовые с ручками и з досками, десять мартиров шестифунтовых з досками без ручек»⁴⁷. Позднее Бухольц в своих донесениях в Петербург о подготовке к походу прямо говорил: «всякую амуницию делал и пушки лили»⁴⁸. Неизвестно, были ли тогда вылиты тюменскими мастерами еще какие-нибудь орудия для его экспедиции. Однако в одном из документов говорится, что кроме пушек Колокольниковы изготовили для Бухольца «на салдатский мундир 203 пуговицы медных»⁴⁹. За выполнение ответственного и крупного заказа «за литье и мартиру» из казны было выплачено в 1716 году «тюменскому сыну боярскому Елизару Колокольникову с товарищам сто двадцать рублей одиннадцать копеек и четверть копейки»⁵⁰.

Поход Бухольца не был удачным. Но, не удержав от наседавших джунгар Ямышевскую крепость, он при отходе в 1716 году в устье Оми заложил другую, Омскую. Именно с похода Бухольца начинается деятельное продвижение русских в район правобережья Иртыша, его освоение. Колокольниковы получают заказ на изготовление семи колоколов. Федору выделили двух человек работников из казачьих детей «в зачет службы». В феврале 1718 года колокола были готовы и отправлены в новопостроенную Омскую и восстановленную Ямышевскую крепости⁵¹.

В июне 1719 года Колокольниковым поручают вылить пудовую мортиру для Московского полка, расквартированного в Сибири. С этой целью из Тобольска с тридцатью пудами меди и пудом олова присылается в Тюмень канонир Михайло Салтанов. Тюменскому коменданту Воронцову предписывалось по его приби-

⁴⁷ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3165. Л. 87 об., 90.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Кн. 23. Л. 32.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3165. Л. 81.

⁵⁰ Там же. Д. 4130а. Л. 35об.

⁵¹ Там же. Д. 3556а. Л. 8.

тии «мартир вылить тюменским жителям Федору да Елизару Колокольниковым немедленно»⁵². Интересно, что только для литья одного орудия Колокольниковым потребовалось «проволоки полпуда железной, полпуда укладу, два пуда железа на всякую мелкую издержку, двадцать колец железных, десять полоз железных длиною по аршину с четвертью, сверло укладное, пятнадцать пил укладных. Две сажни дров сосновых полененых, полпуда сала говяжья, уголья короб, десять фунтов сажки, десять фунтов конопля, десять ведер сусла». Кроме того, необходимы были работники: «плотник один человек, рещик один человек, токарь один, трое человек кузнецов, трое человек работных людей».

Получив все необходимое, Колокольниковы приступили к отливке орудия. Дважды Елизар пытался отлить мортиру, и обе попытки закончились неудачей, «и повелел ему камендант Ларион Гаврилович Воронцов в третий раз балваны делать и мартир лить»⁵³. Очевидно, орудие было все-таки отлито, кроме того, мастера изготовили «в соборную церковь водоосвещенную чашу»⁵⁴.

Составленные в 1720 году «Ведомости о заводах и ремесленных заведениях в г. Тюмени и уезде» указывают, что колоколенным делом в городе занимались «Атаман Федор Колокольников» и «Атамановский сын Савва Колокольников»⁵⁵. Отсутствие Елизара Колокольникова в ведомости объясняется тем, что в это время он был назначен комиссаром в Беляковскую слободу. В 1722 году Елизар по приказу тюменского воеводы Александра Дементьевича Юсупова отдан на расписку брату Федору Колокольникову за постоянное пьянство, притеснение старосты и выборных, вымогательство подношений⁵⁶.

Сам Федор в 1714 году числился атаманом пеших казаков, в 1724 году значился как таможенный голова, затем в связи с реорганизацией, таможенным бурмистром, в 1726 году являлся фискалом⁵⁷.

⁵² ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 439. Л. 75 об.

⁵³ Там же. Д. 3556а. ЛЛ. 11, 20 об.

⁵⁴ Там же. Д. 212. Л. 24.

⁵⁵ Там же. Д. 1697. Л. 16.

⁵⁶ Там же. Д. 3556а. Л. 17.

⁵⁷ ГАТО. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 118. Л. 1; Д. 119. Л. 5–7.

Дальнейшая деятельность литейных мастеров Колокольниковых прослеживается фрагментарно. В мае 1725 года из тобольского надворного суда в Тюменскую канцелярию судебных дел пришел указ о доставке фальшивомонетчиков в Тобольск. Это были тюменские жители отставной солдат Осип Шишкин, конные казаки Осип Орлов и Алексей Колокольников, отмеченные «...в деле воровских мелочных денег»⁵⁸.

Сын Алексея Петр Колокольников в 1764 году значится в ведомости тюменских цеховых по кузнечному ремеслу как находящийся в бегах⁵⁹.

Таким образом, Колокольниковы в первой четверти XVIII века являлись владельцами относительно крупной мастерской, применяли в ней свой семейный труд, но с преобладанием чужого наемного труда. Работа в мастерской велась как на заказ, так и на рынок. Сколотив капиталы, Колокольниковы отошли от литейного дела, став позднее одними из главных торговых воротил Тюмени конца XIX — начала XX столетий. Но их ремесло не заглохло: известно, что после них в Тюмени существовали в разное время колокольные заводы династий Шмотиных, Гилевых, Котельниковых, Кондакова. Правда, никто из них отливкой орудий больше не занимался.

ЕФРЕМОВ Владимир Алексеевич. Родился 8 декабря 1947 года в Тюмени. Окончил Тюменский госпединститут (исторический факультет). Работал в школе, милиции. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Сельская молодежь», «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова», местных газетах. Автор книг «Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска» (2000), «Тобольское серебряное дело в XVII–XIX вв.» (1997) и «Тюмень восемнадцатого столетия. Материалы для истории оружейного производства: документы» (2005).

⁵⁸ Ефремов В.А. Тюмень восемнадцатого столетия... С. 56–57.

⁵⁹ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5275. Л. 12 об.

Владимир Темплинг

«Не мошенник, не вор, не развратник...»

(П.В. Веригин в обдорской ссылке)

10 декабря 1894 г. из московской Бутырской тюрьмы в далекую Сибирь отправился один из выдающихся религиозных оппозиционеров второй половины XIX — начала XX в., прекрасный организатор, дипломат и гибкий политик, друг и корреспондент Льва Николаевича Толстого — Петр Васильевич Веригин. Обдорский период в жизни П. Веригина и всего духоборчества примечателен двумя очень важными и значимыми событиями. Во-первых, к этому периоду относится заочное знакомство и начало переписки между Веригиным и Толстым, которая продолжается почти до смерти писателя в 1910 г.¹ Во-вторых, акцией 1895 г. было положено начало миграции в 1899 г. нескольких тысяч духоборов России в Канаду². Переселение осуществлялось при активном содействии и материальной помощи Льва Николаевича.

Несомненно, значим этот период и с точки зрения эволюции взглядов Веригина. В письме от 1 августа 1896 г. он сам отмечает важность пребывания в непривычных условиях изоляции на севере, где «от нечего делать», он «присмотрелся к самому себе»³. Однако при всем интересе, проявляемом к этой неординарной личности и духоборческому движению в целом,

¹ Громова-Опульская Л.Д. Диалог учителей жизни // Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 6.

² Малахова И.А. Духовные христиане. М.: Политиздат, 1970. С. 67–68.

³ Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 21.

сведения о нем исчерпываются набором стандартных фактов, связанных, в основном, с его знакомством и перепиской с Л.Н. Толстым, пребыванием в Канаде и трагической смертью. Эпизод почти пятнадцатилетней ссылки до сих пор остается за рамками внимания исследователей. Эта диспропорция понятна и вполне объяснима, что вовсе не означает, что с нею следует мириться. Цель настоящей работы и заключается в том, чтобы охарактеризовать почти восьмилетнее пребывание П.В. Веригина в Обдорске. Чем и как жил человек со специфическим мировоззрением, волею судеб оторванный от своих единомышленников, семьи, ближайших друзей и соратников, на самом краю цивилизации? Как выстраивались отношения с местным, весьма своеобразным, сообществом, с особым укладом жизни?

Исследование основывается на документах, сохранившихся в Государственном архиве в г. Тобольске. Несколько слов о них. В свое время в фонде Тобольского губернского правления находилось два объемистых дела с материалами о пребывании Веригина в Обдорске. Однако в настоящее время в наличии имеется только одно. Оно охватывает период с весны 1895 по начало 1898 г.⁴ Второе дело, в котором, очевидно, имелись документы с перепиской Веригина с Толстым, значится выбывшим. Несмотря на то, что в одной из довоенных публикаций в местной газете есть сведения о переводе переписки Толстого с Веригиным в центр по «распоряжению Совнаркома»⁵, по-видимому, до архивохранилища оно так и не дошло и осе-

⁴ ГУТО ГАТ. Ф.-152. Оп. 15. Д. 25. (Далее все ссылки на это дело будут указываться в тексте в круглых скобках).

⁵ Щерба А. Лев Толстой и духоборы: По материалам Тобольского музея // Тоб. правда. 1940. № 67 (22 марта). — Впрочем, здесь следует уточнить один момент. Как видно из названия статьи, в ней были использованы документы, хранившиеся в местном музее. В письме от 28 ноября 1934 г. Абрамов описывает содержание конверта из музея: «Дело 313/10, № 10714. Документы о Л.Н. Толстом, возвращенные Н.Л. Скалозубовым». В этом конверте было два подлинника писем Л.Н. Толстого П.В. Веригину и Н.Т. Изюмченко (один из соратников Веригина, отбывал ссылку в соседнем Березове), а также материалы по духоборам письма и заметки

ло в какой-нибудь частной коллекции, поскольку до сих пор неизвестен ни один подлинник писем Толстого Веригину, а все публикации осуществляются по копиям⁶.

Есть основания полагать, что владельцем этой коллекции был небезызвестный И.С. Абрамов. Именно он, находясь в ссылке в Тобольске с 1933 по 1937 г., действовал здесь в интересах директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича и своих, безусловно⁷. Благодаря его усилиям Тобольск покинули подлинники произведений П. Ершова, М.С. Знаменского, редкие издания, рукописи, огромное количество фотографий⁸. Один факт в доказательство того, что не все, найденное Абрамовым в Тобольске, отправлялось в Москву. Он касается дневника М.С. Знаменского, который впервые упоминается в письмах за 1934 г. Но и в 1946 г., когда Абрамов уже проживал на Украине, дневник все еще находился у него⁹.

Сохранившиеся документы, как указывалось выше, отражают пребывание Веригина в Обдорске с весны 1895 до 1898 года. Тематически они освещают организационные вопросы

Чертковых, копии писем Веригина и Веригину, копии статей о дуборах и т.п. См.: Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем // Лукич. 2003. № 3. С. 168–169.

⁶ Громова-Опульская Л.Д. Диалог учителей жизни // Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка... С. 5.

⁷ Мандрика Ю.Л. Из жизни коллекционеров. Метрополия против колонии // Лукич. 2003. № 3. С. 207–212.

⁸ Некоторое представление о масштабах работы Абрамова можно почерпнуть из его переписки с Бонч-Бруевичем, недавно опубликованной Ю.Л. Мандрикой. См.: Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем // Лукич. 2003. №3. С. 145–206. — Впрочем, есть надежда, что архивы, вывезенные Абрамовым, сохранились, когда-нибудь будут обнаружены и станут доступными. В этом чаянии нас поддерживает недавняя публикация снимков из коллекции негативов, некогда принадлежавших семье тюменских фотографов начала XX в. Родионовых. В 2005 г. вместе с негативами А.Г. Елфимова была передана папка с документами, на которых имелась пометка «Из архива И. Абрамова». См.: Вся Тюмень: Портреты горожан начала XX века в фотографиях Л.И. и К.Л. Родионовых из коллекции А.Г. Елфимова. Тобольск, 2006. С. 8–9.

⁹ Переписка И.С. Абрамова с В.Д. Бонч-Бруевичем... С. 162, 170, 201.

содержания ссыльного, контроля его контактов с единоверцами и родственниками, общественными деятелями. Этот круг вопросов обсуждался в переписке между березовским окружным исправником, тобольским губернатором, начальником Омского почтово-телеграфного округа и департаментом полиции МВД.

* * *

Возникновение духоборчества относится ко второй половине XVIII в. По преданию, наименование «духоборцы» им дано в 1785 году екатеринославским архиепископом Амвросием, считавшим их борцами против духа. Приняв это наименование, духоборы вложили в него противоположный смысл («борьбы за дух») и стали называть себя «именными духоборцами». В основе вероучения духоборов — служение и поклонение богу «духом и истиной». Они считают себя поборниками «царства божия на земле», сторонниками «не буквы, а духа», ибо «буква убивает, а дух животворит». Первые очаги духоборчества образовались в середине XVIII в. в Екатеринославской и Тамбовской губерниях. За короткое время духоборчество распространилось во многих местах империи. Духоборцы подвергались преследованиям со стороны властей при императрице Екатерине II и Павле I. В первой четверти XIX в. им разрешают переселиться на плодородные земли, расположенные по течению р. Молочная Мелитопольского уезда Таврической губернии, с надеждением их земель, освобождением на 5 лет от податей, с беспроцентной ссудой и дарованием им самоуправления. В 1804–1816 гг. около 4 тысяч духоборов переселились на Молочные Воды. Но благоденствие было недо-

ТЕМПЛИНГ Владимир Яковлевич. Родился в 1963 г. в п. Богандинском. Окончил исторический факультет ТюмГУ, аспирантуру в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН. Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ТюмГУ. Ответственный редактор серии книг «Сибирский раритет» (8 выпусков). Интересы: культура русского населения Западной Сибири, этнография, народная медицина.

лгим. Уже в 1817 г. духовный руководитель был арестован, начались репрессии. В 1830 г. духоборы были признаны «особо вредной сектой». И в конце 30-х—начале 40-х гг. их выселяют в Закавказье — Ахалкалакский и Борчалинский уезды Тифлисской губернии, Елизаветпольский уезд Елизаветпольской губернии и Карскую область. В с. Горелое Карской области был основан «Сиротский дом» — главная резиденция руководителя, центр духовной и хозяйственной жизни Духобории. В конце 1886 г. умерла Л. Калмыкова — духовный лидер духоборов, и к началу 1887 г. борьба за власть, капиталы, выбор пути привела к разделению духоборов на «большую», во главе с П. Веригиным, и «малую», во главе со старшиной «Сиротского дома» А. Зубковым и братом Калмыковой М. Губановым, партии. Царская администрация поддержала юридических наследников Калмыковой — «малую партию», а Веригин и ряд его сторонников сразу после выборов нового духовного руководителя в январе 1887 г. были арестованы и сосланы сначала в Архангельскую губернию, затем в Тобольскую. Веригин прибывает на Север в начале 1895 г.

Переписка о переводе Веригина в Березовский округ начинается в конце августа 1894 г. Генеральный штаб Департамента полиции сообщал тобольскому губернатору о продлении срока ссылки Веригину и о его переводе из Архангельской губернии (лл. 1–1 об.). Причины и цели перевода излагались в отношении от 5 января 1895 г. В частности, в нем говорится о том, что Веригин, находясь в Архангельской губернии, продолжал оказывать «крайне вредное влияние на своих единомышленников, духоборов Закавказья, главари коих посещали ... поднадзорного и, возвращаясь затем на родину, распространяли новые лжеучения Веригина и вносили новые раздоры в среду сектантов, следствием чего является в последнее время крайняя распущенность закавказских духоборов в нравственном отношении и сильное обеднение, еще недавно богатых сектантов». Именно поэтому срок ссылки неоднократно продлевался. Первый закончился 29 июля 1892 г., второй в 1895 г., и новый был установлен до июля 1897 г. В целях изоляции от единоверцев и затруднения переписки было решено удалить Веригина

в Сибирь (лл. 12, 3–4 об.). Здесь срок ссылки ему еще раз продлят, теперь уже на пять лет до июля 1902 г. (л. 141).

Из Шенкурска Веригин был отправлен 30 октября, в Тобольск прибыл в начале февраля, 17-го — в Березов и сразу отправлен в Обдорск (лл. 8, 9, 10). Но прибыл на Север он не один. Березовский исправник сообщал, что 18 февраля в Обдорск отбыл двоюродный брат ссыльного В.И. Объедков (л. 11). Вероятно, Объедков сопровождал Веригина от Москвы. Зимой 1894 г. он, вместе с В.В. Веригиным и единоверцем В.Г. Верещагиным, встречался с Петром Васильевичем во время этапирования из Шенкурска. Тогда же было положено начало и заочному знакомству, переросшему в дружбу, Веригина с Л.Н. Толстым. 9 декабря группа духоборов, в которой был и Объедков, посетила Л.Н. Толстого в Ясной Поляне¹⁰. Очевидно, затем дороги единоверцев разделились. В.И. Объедков отправился на восток, в Сибирь, а В. Веригин с В. Верещагиным — на Кавказ, там назревали серьезные события. В Обдорске Объедков пробыл до апреля 1895 г., затем уехал в Архангельск, но об этом местным властям стало известно только в конце лета (лл. 23–23 об., 24 об., 26–26 об.).

Итак, в конце февраля 1895 года П.В. Веригин обосновался в Обдорске. Здесь он провел почти восемь лет до сентября 1902 г. Как же он здесь устроился? К сожалению, в деле очень мало документов, которые касаются собственно пребывания Веригина в Обдорске, которые свидетельствовали бы о его связях, повседневных занятиях, о взаимоотношениях с местным населением. Тем не менее, несколько ярких и характерных свидетельств имеется.

Уже за два первых месяца своего пребывания Веригин пожертвовал по 85 рублей обдорскому отделению березовской инородческой больницы и обдорскому сельскому училищу, оказал помощь деньгами и мукой (100 пудов!) бедным жителям (лл. 19, 21). Двум бедным девушкам, выходявшим замуж, подарил по новому медному самовару, по шесть серебряных

¹⁰ Громова-Опульская Л.Д. Диалог... С. 3. — П.В. Веригин в это время был в Бутырской тюрьме, а 10 числа отправлялся по этапу дальше в Сибирь.

чайных ложек и другие предметы. В первый же день он познакомился с местным учителем И.Г. Киселевым и И.П. Росляковым, с которыми, по мысли местного заседателя Нагибина, видимо, «состоит в тесной дружбе и обоюдно друг друга посещают» (л. 56–57). Настоятель миссии священник М. Попов сообщал, что весной Веригин устраивал парники для огурцов, за околицей села построил маленький дом, где хотел поселиться, но «та и другая затея не удалась благодаря климату и мошенническим проделкам зырян» (л. 58–60). Он немного работал в кузнице, помогал косить сено, зарабатывал кладкой печей, собирал ягоды, обзавелся столярным верстаком, токарным станком, а вообще стремился к работе на земле и тосковал по крестьянскому труду¹¹. В силу своих убеждений он не мог заниматься охотой и рыбной ловлей. Именно поэтому, в конце 1896 г. Веригин начинает переписку о переводе его в другое место жительства, где можно было бы заниматься сельским хозяйством, хотя бы на лето и в Березове (лл. 97, 119). Но просьбы его останутся неуслышанными. В частном мнении тобольский губернатор Л. Князев высказался против перевода Веригина в другое место, полагая, что наблюдение за ним еще более усложнится (лл. 98, 99–100, 118, 123).

Несмотря на то, что игумен Иринарх (Шемановский) утверждает, что проповедь Веригина в Обдорске «вовсе не имела успеха»¹², на самом деле это было не совсем так. Сила мысли, образа жизни, безусловно, впечатляла и некоторых местных жителей. Несмотря на то, что в официальных реляциях и говорилось, что Веригин вербовкой сторонников не занимался, однако восприимчивые натуры нашлись даже в Обдорске. В частности, М. Попов говорит о том, что благодаря Веригину И.Г. Киселев и И.П. Росляков «из пьющих сделались трезвыми и основали маленькое общество трезвости», а Росляков даже решил продолжить образование и уехал в центр (лл. 56–60). В мае 1896 г. обдорский заседатель Нагибин привлек к ответственности двух жителей Обдорска — отставного унтер-офицера

¹¹ Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка... С.37–38.

¹² Шемановский И.С. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова. М.: Советский спорт, 2005. С. 254.

А.А.Черноногова и крестьянина А.А. Чупрова — за отрицание церкви, икон, богослужения и иных внешних проявлений религиозности. В их словах заседатель склонен был видеть влияние Веригина (лл. 64–67). Дело Черноногова было передано в суд (л. 68).

Замечательна забота, которую проявлял Веригин по отношению к Черноногову. Во время пребывания унтер-офицера в «обдорской каталажной камере» Петр Васильевич снабжал его пищей, чаем, сахаром, эмалированной посудой, а в день отправки арестованного в Березов устроил народное гулянье с музыкой, купил вина, коньяк, пряники, конфеты, чай, сахар, орехи. «Главными приятелями» Веригина при этом названы зыряне Филипп Конев и Семен Бабилов (лл. 72–72 об.). В декабре 1897 г. он отправил Черноногову письмо в тюрьму через ялutorовского крестьянина Семена Алхимова (тоже из ссыльных) (лл. 181–181 об.). В качестве последователей Веригина березовский окружной исправник называет также Филиппа Конева, инородца А.А. Собрина и обдорского крестьянина Егора Палтырева. Влияние духобора исправник усмотрел в том, что Ф. Конев вопреки приказу администрации, отказался от прохождения медицинского осмотра и уехал на рыбную ловлю (в то время в Обдорске распространялась скарлатина). А. Собрин и Е. Палтырев, возможно, впечатлившись идеями вегетаринства, вовсе на ловлю не поехали и остались в Обдорске на разгрузке дров (лл. 73–74 об.). Излагая эти факты, исправник выражал опасение, что Веригин «легко может большую часть обдорских обывателей совратить в свою секту» и предлагал либо перевести Веригина в более многолюдный Березов, либо усилить наблюдение за ним в Обдорске, командировав сюда двух жандармских офицеров из Березова (лл. 76–76 об.). Но это предложение не было принято губернским жандармским управлением (лл. 83–84 об.).

Особого внимания заслуживает записка тобольского губернатора Л. М. Князева от 1 апреля 1896 г., составленная по просьбе обер-прокурора К.П. Победоносцева (лл. 61–63). В ее основу положены как документы, которые находятся в этом же деле, рапорты Нагибина, М. Попова, письмо Веригина А.С. Дашкевичу, так отсутствующие и до сих пор неизвестные,

например, переписка с епископом Агафангелом. В записке относительно подробно характеризуются религиозные взгляды Веригина, его отношение к раздорам среди духовоборов на Кавказе, к мясной пище, институту брака, к оружию и пр. Заканчивается записка весьма примечательным отзывом местной полиции и священников о личности Веригина, который виделся им аккуратным, приличным, не мошенником, не вором, не развратником и «образ жизни ведет безукоризненный» (л. 63). В марте 1897 г. березовский окружной исправник В. Кондратович писал, «поведение Петра Веригина заслуживает самый похвальный отзыв, он безукоризненно честен, отзывчив на нужды ближнего, всегда готовый нести помощь нуждающемуся и личными услугами, и материальными средствами. Что же касается его религиозных убеждений, то в этом отношении он представляется закоренелым сектантом» и «наклонности» отстать от них не заметны (лл. 107–108).

Несомненный интерес представляют собой подлинники писем Веригина и его соратников. В деле сохранилось шесть писем, в том числе, одно собственной руки Веригина, предназначенное А.С. Дашкевичу, четыре от родных и соратников из разных мест в Обдорск Веригину (от Н. Изюмченко — л. 78а, духовных братьев, находившихся в тюрьме г. Зангезур Елизаветпольской губернии — лл. 154А–154А об., от братьев, направляемых в ссылку в Якутию, по пути из Тобольска — лл. 154–154 об.), и одно от В. Козлова к Ф.Ф. Ревягину — сопроводительное, с просьбой передать письма Веригину (лл. 78в–78в об.).

Первые сведения о задержанной почте относятся к началу января 1896 г. В Березовское полицейское управление из почтовой конторы поступило два письма из Мезени от В.В. Конкиной¹³ на имя небезызвестного И.П. Рослякова, тобольского мещанина, проживавшего в Обдорске. Как оказалось, оба письма были предназначены Веригину, а через Рослякова осуществлялась их передача (лл. 40–40 об.). С весны 1897 г. переписка Веригина с Толстым контролировалась лично губерна-

¹³ Варвара Васильевна Конкина, родная сестра П.В. Веригина, приехала вслед за своим мужем И.Е. Конкиным, сосланным в Мезень.

тором (лл. 113–113 об., 114). Затем и вовсе было предписано ограничить корреспонденцию Веригина письмами исключительно семейного содержания, а все остальное отсылать в департамент полиции (л. 121). В июне 1897 г. из Тобольска в департамент полиции было отправлено десять разновременных писем Веригина на имя Л.Толстого, А. Дашкевича, братьев, находящихся в тифлисской тюрьме, Марии Васильевны (с приложением стихов «Бессвязное виденье»), Дмитрия Хилкова, три на имя Н.Т. Изюмченко и одно неизвестной сестре, три письма Изюмченко к Веригину, копии послания братьям, Л.Н. Толстому и Е.И. Попову (лл. 139–140 об.).

Весьма показателен также характер переписки между ссыльным, органами полицейского надзора, местной администрацией и департаментом полиции. Одно из своих писем, направляемых в редакцию «Нового слова», Веригин сопроводил коротенькой записочкой на имя губернатора, в которой просил «дослать его и прислать почтовую квитанцию» (л. 180).

Авторитет Веригина среди духоборов был очень высок, и они пытались поддерживать постоянную связь с лидером не только посредством переписки, но и личных встреч, что сам Веригин считал излишним¹⁴. Презирая трудности невероятно далекого и трудного пути, препятствия, чинимые администрацией, используя разные способы и возможности, они пытались добраться до «божественного». Особенно настойчив был в этом М.С. Андросов. Первый раз он был остановлен в Березове в ноябре 1895 г. Несмотря на запрет, под покровом ночи он все же уехал в Обдорск и смог встретиться с Веригиным (лл. 28–29 об.). Второй раз он был остановлен в Собских юртах в начале 1897 г. и принудительно выслан по месту жительства (лл. 103–103 об., 101)¹⁵.

¹⁴ Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка... С. 37.

¹⁵ Воспоминания о путешествиях 1895, 1896 гг. были опубликованы В.Д. Бонч-Бруевичем. См.: Андросов М.С., П[ланиди]н П.В. Мое путешествие: рассказ члена христианской общины всемирного братства Михаила Андросова // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / под. ред. В.Д. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 74–146.

В конце 1896 г. департамент полиции информировал тобольскую администрацию о делегации духоборов, выехавших еще 20 мая с Кавказа в Сибирь, для свидания с Веригиным (лл. 87–87 об.). Но как оказалось, они были задержаны еще в июне 1896 г. в Самарово (лл. 88–88 об., 89–89 об.).

Соратники также снабжали Петра Васильевича и литературой. Особенно много посылал Л.Н. Толстой. Первые сведения о задержанной посылке с литературой относятся к весне 1896 г. 20 мая помощник березовского окружного исправника сообщал об изъятии сборника статьями Толстого «Ходите в свет, пока есть свет», «Хозяин и работник», «Религия и нравственность», «Письмо Мадзини о бессмертии», «Суратская кофейня», «Карта», «Франсуаза» и «Три притчи» (л. 54). В декабре задержали брошюру В. Черткова «Напрасная жестокость» (л. 79). За 1897 г. сведений о задержании литературы в деле нет.

К концу 1896 г. властям стало ясно, что контролировать переписку Веригина не удастся. Поэтому департамент полиции МВД предписывает местному руководству ужесточить наблюдение за ссыльным, его окружением и соратниками, которые находились в Березове (лл. 85, 86–86 об.). В последнем случае подразумевался Н.Т. Изюмченко, который тоже находился под гласным надзором, но его корреспонденция до начала 1897 г. не контролировалась и часть переписки Веригина с внешним миром велась через него (лл. 93–93 об., 94–95). К этому же времени относятся и первые тревожные сигналы местной полиции о вредном влиянии Изюмченко на жителей Березова (лл. 127–127 об.)¹⁶.

Пребывание в столь стесненных условиях было тяжким испытанием. Веригину было запрещено покидать пределы Об-

¹⁶ По свидетельству губернатора Изюмченко оказывал влияние на молодежь, которая часто собиралась у него дома для бесед. А одна из жительниц Березова — Н.П. Добровольская — так увлеклась учением (и, очевидно, самим духобором), что «бросила мужа и детей и перешла в его квартиру для совместной жизни», она также вернула властям свой аттестат об окончании Мариинской женской школы в Тобольске, мотивируя это тем, что принадлежит воле Бога и отрицает власть светскую и все, что от нее исходит (лл. 139 об. – 140). Позднее ее, очевидно, подвергают административной высылке в Сургут (л. 163 об.).

дорска. Попытка обустроить отдельный небольшой домик была безуспешной. По требованию полиции он вынужден был снимать квартиру за 6 рублей в месяц¹⁷. Любые попытки покинуть Обдорск пресекались. Близкие люди удалялись.

Истинным счастьем был приезд новых людей из центра, с которыми Веригин сразу заводил знакомство и даже переправлял через них письма. Летом 1897 г. в Обдорске работали студенты Санкт-Петербургского университета В.Ф. Држевецкий и К.М. Дерюгин. Кто-то из них передал Л.Н. Толстому письмо Веригина от 2 сентября 1897 г.¹⁸ Возможно, что это был Дерюгин, поскольку он поддерживал переписку с Веригиным. Так, в начале февраля 1898 г. березовский окружной исправник в очередном сообщении о задержке веригинской корреспонденции, упоминает письмо от Дерюгина из Петербурга (л. 187). В их компании Веригин неоднократно покидал пределы поселка, за что не раз выслушивал порицания и привлекался к ответственности (лл. 146–147 об.). Первый раз он отлучился с ними 4 августа до рыболовного песка И.А. Рочева, но был возвращен стражником Москвитиным 6 числа. Второй раз он отсутствовал с 22 по 24 августа. За эти отлучки окружной исправник просил губернатора привлечь ссыльного к административной ответственности (лл. 156–156 об., 148–148 об.). Дело рассматривалось в мировом суде дважды — 30 сентября 1897 и 28 февраля 1898 г. И дважды Веригин был оправдан за отсутствием состава преступления (лл. 173–174, 150–151).

Это событие побудило Веригина еще раз обратиться к тобольскому губернатору с просьбой перевести его в место, где можно было бы заниматься сельским хозяйством, и более дешевое по сравнению с Обдорском. В прошении Веригин указывал на известное противоречие, которое значительно затрудняло его пребывание в Обдорске. Хозяйственная жизнь маленького поселения на полярном круте и благополучие его населения базировались на добыче рыбы. Короткое северное лето почти все обдоряне проводили на рыбных песках вдалеке от поселка. Хотел ли Веригин это обстоятельство использовать для

¹⁷ Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка... С. 21.

¹⁸ Там же. С. 31.

того, чтобы просто иметь легальную возможность покидать Обдорск, или действительно его материальное положение к тому времени стало настолько затруднительным, что он стал рассматривать рыбную ловлю как возможный источник средств существования? Но он говорил о том, что, не отлучаясь на ловлю, жить в Обдорске может только человек с «даровым содержанием» (л. 168–169). И в случае, если перевод сочтется невозможным, то просил «дать распоряжение полицейскому правлению, чтобы не стесняло ... в выездах из села Обдорска для рыбных промыслов, которые необходимы как добывание хлеба». Обе версии имеют право на существование. Вспомоществования единоверцев, по-видимому, составляли важную часть бюджета ссыльного духобора. Так, у группы кавказских духоборов, задержанных в 1896 г. в Самарово, полиция обнаружила 1155 рублей, из которых 1140 были изъяты.

К сожалению, сохранившиеся документы не охватывают весь период пребывания Веригина в Обдорске. Но, по свидетельству игумена Иринарха, в последние годы ссылки образ жизни Петра Васильевича изменился. Как пишет игумен, он «опустился», стал пить вино и есть мясо, чего он не позволял себе прежде¹⁹. Так ли это на самом деле еще предстоит выяснить. Есть основания полагать, что Шемановский склонен был к умолчанию некоторых фактов. Например, он совсем ничего не пишет о диспуте, который состоялся у причта с Веригиным весной или летом 1898 г. Веригин сообщает о нем в письме Толстому от 16 августа этого же года²⁰.

Тем не менее, имеющиеся документы ясно свидетельствуют о том, что власть пыталась полностью изолировать Веригина от внешнего мира. Все попытки его соратников или родственников проникнуть в Обдорск пресекались немедленно, особо настойчивых наказывали. Постепенно ужесточались условия переписки и содержания. Но это ужесточение режима никогда не принимало вида разнузданности, пренебрежительности и полного игнорирования личного достоинства че-

¹⁹ Шемановский И.С. Указ. соч. С. 254.

²⁰ Л.Н. Толстой и П.В. Веригин: переписка... С. 36–37.

ловека. Более того, ссыльный мог обращаться лично к губернатору и требовать от него своего рода отчетность о пересылке почты по назначению. Едва ли и мыслимая форма общения осужденного и власти в XX столетии! И пока нет никаких веских доказательств того, что дух Веригина был сломлен, что он изменил своим взглядам. Именно к периоду обдорской ссылки относится создание Веригиным знаменитого псалма, который называют «декларацией братской жизни»²¹.

В сентябре 1902 г. П.В. Веригин наконец-то покинет Обдорск и отправится в долгое путешествие к своим братьям в Канаду. Духоборам и там пришлось очень нелегко. В короткие сроки, достигнув впечатляющих успехов, в 1924 они лишились своего лидера, который трагически погиб при невыясненных обстоятельствах, потом подвергались гонениям и преследованиям, но это уже совсем другая история.

²¹ Сомин Н.В. Духоборы // <http://chri-soc.narod.ru/duhobor.htm>

Евгений Панишев

Чудеса и тайны Тобольска

Много в России древних и славных городов, но существует город, притягательный своей суровой сибирской красотой и неведомой глубинной силой. Это Тобольск, древняя столица Сибири.

«Если хочешь, увидеть что-то чудесное, — поезжай в Тобольск», — говорили в старину. Многие поэты, писатели и ученые прошлого восторгались городом. Историк Г.Н. Потанин называл Тобольск «Сибирским Киевом».

Тобольск стоит на возвышенности, может, поэтому с древности и был прозван «Чудным», «Богоспасаемым градом». До сих пор на Среднем Урале можно услышать прозвище Тобольска — «город-царь». Подтверждение этому находится, если подъезжать к городу по современной трассе Тюмень — Ханты-Мансийск, — среди плоской равнины возникают высокие горы, на горах белый кремль и высокая колокольня.

В XVII—XVIII вв. Тобольск слыл одним из крупнейших городов Российского государства и значился во всех иноземных картах. Однако в дальнейшем превратности судьбы низвели его на положение уездного города. Лишь в последние десятилетия интерес к нему вновь ожил в связи с интенсивным освоением края. Тобольск всегда привлекал к себе внимание своим

местоположением, единственным в Сибири каменным кремлем, историческими памятниками и легендами о русских землепроходцах.

Богата и многогранна история Тобольска. Он дал России выдающегося ученого Менделеева, композитора Алябьева, живописца Перова, здесь родился автор проекта Останкинской телевыш-

Родился 23 августа 1976 года в Тобольске. Окончил ТюмНГУ и ТобГПИ (исторический факультет). Работал научным сотрудником ТГИАМЗ. В настоящее время — старший преподаватель кафедры философии ТобГПИ. Круг научных интересов: этнография русского населения Западной Сибири, фольклористика.

ки Н.В. Никитин, изобретатель электронного телевидения Б. Грабовский. В Тобольске жил и работал поэт-сказочник П.П. Ершов. Здесь в ссылке находились декабристы. Проживала царская семья.

Алафеевские горы

Тобольск стоит на пяти горах — это Троицкий мыс, Чувашский, Чукманский, Киселенская гора и Панин бугор. В окрестностях Тобольска есть еще Алемасовская сопка, Саусканский мыс, Сузгунская сопка.

Высокая прибрежная возвышенность, иначе — Тобольский материк, была образована в глубокой древности ледником, который спускался с севера и толкал впереди себя огромные массы земли и песка. 12 тыс. лет назад ледник отступил, освободилось много воды. Причем некоторые ученые считают, что эти горы — берега древней сибирской реки, потому как у самого кремля находили рыбью чешую, крючки и грузила.

Другие ученые считают, что ледник до современного Тобольска не доходил, а остановился на Нижней Оби, перекрыв сток сибирских рек. В результате этого образовалось гигантское озеро, затопившее большую часть Западной Сибири.

Сибирские татары называли горы *Алыгафлы*, что можно перевести как «коронные» (ханские) земли (от арабского «алагафа» — корона). До прихода русских на этих горах селились родственники сибирских ханов, татарские вельможи.

Гора, на которой стоит кремль, с древности считалась местом священным, окутанным тайной. Ее называли *Алтыр-агинак*, что значит «гора, выкидывающая золотые искры». В древней Кунгурской летописи есть упоминание о видениях, посещавших татар на этой горе в течение 30 лет (!): *«идеже ныне град тоболеск и соборная церковь до колокольни, видевшася христианский со светом град в воздух, и церкви и звон велий, яко ими дивитися и ужасно недоумевая, что будет. Сие ими видение начатся видетись, яко примером бусурманских историк, с 7060 году (1552 г.) во все зори и праздники им и до приходу Ермакова»*. Кроме этого видели местные жители на горе золотые и серебряные блестящие искры, огненный столб от земли до неба.

Первые русские поселенцы, пришедшие сюда, назвали гору **Троицким мысом**, по первой деревянной церкви во имя Пресвятой Троицы. (Эта церковь первоначально стояла недалеко от

здания Архиерейского дома, там, где сейчас растет одинокий тополь. В начале XVII в. она была вынесена за пределы кремлевских стен. В 1691 г. церковь возведена в камне, еще через сто лет из-за ветхости разобрана).

Первый архиепископ Киприан, прибывший сюда из Великого Новгорода, во вновь образованную Сибирскую епархию, заложил храм Софии Премудрости Божьей. Причем по обычаю православные храмы строились на месте древних языческих капищ. По этому правилу построены многие церкви на Руси. Мы можем с уверенностью сказать, что Тобольская София находится на месте древнего святилища. Подтверждение этому и сейчас можно увидеть в ее крестах. Если приглядеться, то можно заметить отходящие от перекрестия звезды, что связано с преданием об Апокалипсисе, когда Иоанну Богослову явилась женщина, сидящая на престоле, на голове ее был венец из двенадцати звезд. В нашем случае это означает Церковь Христову победоносную в землях язычников и магометан.

В районе старого переезда находится **Чувашский мыс** — место решающей битвы дружины Ермака с войском хана Кучума. Поджидая казаков, хан собрал огромные силы, почти 1,5 тыс. чел. В решающей битве были с Кучумом наемники, остяцкие и вогульские князьки с личными дружинами. Силы были не лучшие, так как самые боеспособные силы Кучума ушли в набег на Пермь. Местное население не горело особым желанием сложить головы за Кучума, поэтому в разгар битвы остяки и вогулы хана покинули. Кучум потерпел поражение и бежал в Ишимские степи. 26 октября (8 ноября) 1582 г. Ермак вступил в брошенную сибирскую столицу.

Название мыса многие авторы пытались связать с будто бы проживавшими на мысу чувашами. Однако еще историк П.А. Словцов указал, что «нет чувашей в сибирской истории», а само название следует переводить «селение прибрежное» (по-угорски «потче вож» или «потчеваш»). Художник-краевед М.С. Знаменский в своих очерках писал, что название *Потчеваш* можно перевести как «олений городок». В доказательство Знаменский приводил сведения, что еще в середине XIX в. на мысу валялось множество оленьих рогов.

В 1878–1979 гг. Знаменский произвел раскопки на Чувашском мысу в поисках городка царевича Махмед-Кулы (Маметкула). Он считал, что, поджидая казаков, Кучум укрепил мыс рвами, валами и частоколом, а у подножия устроил засеку из поваленных деревьев. Знаменский нашел металлические вещи и наконечники стрел. Вещи эти были чисто остяцкого быта. А вот городка Михаил Степанович не нашел (по ошибке приписав остатки древнего угорского городища татарам) и красочно описал, как за последние 50 лет две городские улицы ушли в Иртыш и если городок когда-либо существовал, то за прошедшее время его также разрушила река. Археологические экспедиции 1970 и 1994 гг. подтвердили, что в Средние века на Чувашском мысу находилось угорское городище, однако в 1582 г. оно уже давно было оставлено людьми и местность выглядела примерно так же, как и сейчас.

Чувашский мыс у тобольских старожилов считается местом таинственным. Еще в середине XX в. рассказывали, что там является «чудо» (призрак, фантом), которое может «утащить человека». Что это за «чудо», вряд ли можно определить точно.

На мысу находится 15 курганов, ограбленных еще в XVIII–XIX вв. Может, духи умерших угров пугают живых? Может, это призраки казаков Ермака, погибших в битве. По данным географа, архитектора и летописца С.У. Ремезова, их было аж 107 человек. А ведь в битве погибли не только казаки. Были потери среди татар, остяков и вогулов.

Может, являющееся «чудо» — это дух какого-нибудь преступника. Ведь во второй половине XIX в. у подножия Чувашского мыса проводили смертные казни военно-полевого суда. Так, 17 марта 1866 г. был расстрелян тобольский мещанин Алексей Сметанин, осужденный за убийство в Тюмени трех женщин. Его подельщики крестьянин Тюменского округа Устюжанин, туринский мещанин Слепушкин и ссыльнопоселенец Лукин были наказаны 100 ударами плетью на Базарной площади и отправлены на каторгу.

Другая возвышенность в районе Тобольска носит название **Паниного буера**. Существует несколько версий появления этого топонима:

1. В XIX в. на Панином бугре селились польские пленные — «паны», которые в Отечественной войне 1812 г. выступали на стороне Наполеона. Историк С.В. Максимов в своей книге «Сибирь и каторга» (1891 г.) приводит сведения, что в 1814 г. поляки взбунтовались и тобольский губернатор приказан казнить зачинщиков, сбрасывая с горы.

2. В советское время была придумана история, что беляки убили на мысу красивую девушку Пану (Прасковью), отчего мыс получил название Паниного бугра.

3. Версия о том, что на мысу погиб ермаковский есаул Никита Пан (Панин).

Третью версию можно считать наиболее достоверной, так как и во времена С.У. Ремезова гора называлась Паниным бугром.

Многие авторы приводят сведения, что на Панином бугре в XVI в. находился татарский городок Бицик-Тура (Девичий городок), в котором проживала вторая жена хана Кучума, дочь вельможи Девлет-бая. Однако кладоискатели срыли остатки крепости еще в XIX в.

Панин бугор — место очень опасное, его считали нечистым. На бугре на протяжении всей истории города совершались очень жестокие и кровавые преступления. Вряд ли кто по своей воле хотел здесь поселиться.

В 1861 г. тобольские власти сделали попытку переселить часть населения из сырых болотистых мест на Панин бугор, но это вызвало протест жителей. В 1864 г. Тобольская городская дума приняла решение об осушении болотистых мест, с помощью системы водоотвода.

Существует легенда, что если смотреть на Нижний посад с Панина бугра, то улицы города складываются в слово «Сталин».

Мыс, на котором стоит памятник Ермаку, носит название **Чукманского**. «Чукман» — это искаженное угорское слово «токман», что означает «внутри». Современными археологами было выдвинуто предположение о существовавшем на мысу в раннем средневековье угорского городка.

В 1839 г. на Чукманском мысе был сооружен памятник Ермаку. Причем первоначально монумент предлагали восстановить на Панином бугре, но специальная комиссия посчитала, что оп-

тимальное место для памятника на Чукманском мысе, и он будет виден тому, кто поднимается в гору по Никольскому взвозу.

Согласно одной из версий, идея поставить в Тобольске памятник легендарному атаману принадлежит ссыльным декабристам, по воле судьбы в разные годы проживавших в сибирской столице. Однако распоряжение о строительстве памятника было дано лично императором Николаем I. В течение нескольких лет на одном из уральских заводов изготавливали монумент по проекту архитектора Александра Брюллова (брата художника Карла Брюллова).

Пока на Урале изготавливали памятник, инженер Шмидт готовил площадку. Были разбиты аллеи, устроены дорожки. Позже был посажен сад — сад Ермака — любимое место отдыха тоболяков. Чтобы доставить в Тобольск памятник, потребовалось несколько пар лошадей, так как после сборки общий вес памятника (с гранитным постаментом) составил 11687,5 пуда (187 тонн), а высота 8 сажен (17 метров)*.

Для того чтобы собрать памятник, инженеру Биркину потребовался целый год. 23 августа 1839 г. состоялось торжественное открытие памятника «Покорителю Сибири Ермаку».

10 июля 1891 г. памятник осматривал наследник престола цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II). Он высказал пожелание сделать монумент более воинственным. После этого в землю были вкопаны пушки, между ними натянуты цепи. В начале XX в. вокруг памятника по кругу стояли столбики, между ними штакетник. В источниках упоминаются литые чугунные фигуры стрельцов, украшавшие монумент с северной стороны.

Во второй половине XIX — начале XX в. в саду Ермака находилось помещение Общественного собрания, в котором проводились многие торжественные мероприятия. До появления нового здания театра в помещении Общественного собрания проводились премьеры многих пьес.

К примеру, 6 февраля 1886 г. труппой заезжих артистов Орлова была представлена драма «Ермак, или Волга и Сибирь»

* В источниках встречаются различные данные о весе и высоте памятника. Например, вес — 40 и 87 тонн, высота 16 метров.

и водевиль «Чудо нашего столетия, или Дело мастера боится». Обозреватели газеты «Тобольские губернские ведомости» отмечали низкое качество спектаклей. По этому поводу Капитон Голодников писал следующее: «Ермак в шестнадцатом веке не мог говорить голосом генерала Скобелева...»

Наиболее тепло в помещении Общественного собрания встречали постановки местных артистов. В 1885 г. было создано театральное общество, ставившее своей целью возрождение театрального дела Тобольска. В 1899 г. было построено новое здание Тобольского театра — Народная аудитория.

11 октября 1919 г. в Тобольске побывал А.В. Колчак. Верховный правитель осмотрел Софийско-Успенский собор и могилу епископа Гермогена. Затем А.В. Колчак был в гостях у епископа Иринарха. Оттуда проехал в Тоболький губернский музей. После посещения музея Колчак осматривал памятник Ермаку.

В XX в. в саду Ермака появились две братские могилы. В одной из них покоятся красноармейцы, погибшие в 1919 г. В другой жертвы кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., который в настоящее время носит название «Третьей крестьянской войны».

Летом 1970 г. во время земляных работ по благоустройству сада Ермака, на западном склоне горы были найдены несколько погребений. Костяки лежали в ряд, завернутые в бересту. Было сделано предположение, что на Чукманском мысу находилось одно из городских кладбищ. По сведениям, М.С. Знаменский подарил итальянскому ботанику Стефану Соммье человеческий череп, найденный им недалеко от памятника Ермаку.

Киселевская гора, находящаяся между Чувашским мысом и Паниным бугром, место очень красивое. В XVII в. здесь находился двор служивого человека Тырковского, от которого предместье получило название *Тырковка*. В 1894 г. при рытье ямы для мусора на берегу речки Тырковки был найден бронзовый котел раннего железного века, из чего было сделано предположение, что в те времена на мысу находилось древнее святилище. Котел по какой-то причине был сброшен с горы и утонул в речке.

Сузгунская сопка у тоболяков в старину носила название «Лысая гора». В «Списке населенных мест Тобольской губернии 1868–1869 годов» на мысу отмечены останки городка Сузге-Тура.

Первым сопку обследовал в 1876 г. И.С. Поляков и обнаружил поселение, получившее впоследствии название Сузгун 2. Археологические исследования этого памятника позволили отнести его к бронзовому веку. В августе 1917 г. Сузгунскую сопку посетил свергнутый император Николай II, о чем имеется соответствующая запись в его дневнике.

По преданию, на мысу находился городок царевны Сузге, младшей жены хана Кучума. Образ царевны воспел в своей поэме П.П. Ершов.

Саусканский мыс находится в 12 км от Тобольска. До прихода русских на мысу находилось ханское кладбище, где были похоронены ханы из династии Тайбугинов, убитые Кучумом в 1563 г. Надгробная плита с Саусканского мыса находится в Тобольском музее-заповеднике.

Тайны Тобольского кремля

Тобольск немислим без кремля, единственного кремля Сибири. Здесь находится сердце города. Всякий путешественник, побывавший здесь, находит свое: тему для творчества, утешение, восторг и благодать. Были случаи, когда, слушая соборные колокола, больные получали исцеление, бесплодные женщины обретали долгожданное дитя. В центре кремля ныне растут два дерева — сосна и тополь. Тобольские школьники верят, что эти деревья исполняют желания, нужно только подойти в дереву с добром и, коснувшись коры ладонью, попросить о самом сокровенном.

Венчают кремль 9 башен, когда-то все они были боевыми. И хотя кремль строили как крепость, его никто никогда не штурмовал. Все войны, бунты и мятежи обошли его стороной. Недаром на старинной иконе свой покров простирает над городом Пресвятая Богородица.

Как немислим Тобольск без кремля, так немислим и кремль без Софийского собора. *Софийско-Успенский собор* в древней столице Сибири является старейшим каменным храмом Зауралья.

Предшественниками каменного были два деревянных собора. Первый храм заложил архиепископ Киприан, прибывший в Тобольск в 1622 г. из Великого Новгорода, в честь глав-

ного новгородского собора. Первая София была небольшая, высотой 40 венцов (около 12 метров). Рядом с храмом стояла высокая колокольня под шатровой крышей с семью колоколами. Самый большой из колоколов весил 28 пудов (448 кг), вес остальных колебался от 13 до 15 пудов (208–240 кг). В сухие морозные дни «малиновый звон» звучал над городом, пробуждая на многие версты дремлющую сибирскую тайгу. Храм простоял почти 20 лет и погиб в пожаре 14 августа 1643 г.

Вторая деревянная София имела 13 глав и 12 приделов. Современники называли ее «сибирским чудом». Городские пожары не пощадили ни венцов, ни резьбы, ни лемеха куполов — 29 мая 1677 г. храм сгорел.

Третью Софию строили уже из камня. В 1681 г. храм заложили, но строительство было начато только через два года, когда в Тобольск прибыли московские «каменных дел подмастерья» Герасим Шарыпин и Гаврила Тютин, с мастером Василием Харитоновым и Савелием Ларионовым и артелью каменщиков.

Строили собор довольно быстро, без учета требований к строительству, поэтому при возведении главного барабана в июле 1684 г. почти готовый храм рухнул. Несмотря на это через два года храм был завершен. Датой освящения собора является 27 октября 1686 г. Освящен храм был во имя Успения Пресвятой Богородицы, но прежнее название сохранилось.

Много пришлось претерпеть на веку этому символу сибирского православия. Большой пожар 1788 г., когда сгорела половина городских домов и сам наместник Алябьев остался без крова, переделки, надстройку луковичных глав декоративными фонариками и перехватами, громы, молнии, глубокий пруд на Софийском дворе, когда восточная стена дала трещину... Далее было время лихое, богоборческое. И был поставлен вопрос о взрыве собора, но благодаря тому, что некуда было размещать раскулаченных, храм остался стоять.

Под полом Софийской собора устроена усыпальница, где покоятся тобольские архипастыри. Здесь же погребен губернатор Сухарев и почетные граждане города.

В 2005 г. в связи с начавшейся реставрацией собора были проведены археологические раскопки. Прямо у входа в собор

на глубине менее 2 м археологи наткнулись на человеческие останки. Здесь были похоронены горожане, жившие в 20-х гг. XVII в. Прекрасно сохранилась кожаная обувь, на женских черепахах остались волосы, уложенные в сложные прически.

После завершения собора во второй половине XVII в. были построены **Святые ворота** (западные) с надвратной **церковью Сергия Радонежского**.

Со времени возведения церкви «не везло». Известно, что ко времени прибытия в Тобольск митрополита Филофея (Лещинского) они уже начали разрушаться. В 1705 г. буря разрушила на церкви «весь верх с маковицей и крестом».

В 1733 г. Святые ворота с церковью Сергия Радонежского сильно пострадали из-за взрыва пороха в архиерейском доме. Вечером 17 сентября один из певчих при архиерейском доме Анфим, по прозвищу Панша, разуваясь перед сном, заметил, что его башмаки сильно подпорчены мышами. Анфим окликнул своего товарища Савву. В это время из башмака выскочила мышь. Служители бросились за мышью, да уронили свечу под лавку, где хранилось более пуда пороха. Произошел сильный взрыв, оба служителя получили ожоги лица и рук. Начавшийся пожар попортил главы Софийского собора и церкви Сергия Радонежского.

В середине XVIII в. по проекту инженера Якова Укусникова начали реконструировать подъем на гору — Прямской, или Базарный, взвоз. Для этого требовалось выбрать тонны грунта. В результате покосилась колокольня, оказались близки к полному разрушению Святые ворота и надвратная церковь. В 1759 г. было принято решение разобрать Святые ворота и церковь Сергия Радонежского. Уже после сноса здания в сентябре того же года были обследованы его фундаменты. В акте обследования об этом записано так: «глубины два аршина шесть вершков, ширины три аршина, стена два аршина с половиной, а бут непрочной затем, что сыпан самый мелкой мусор и без заливки, а битые сваи под ним все сгнили...»

Сейчас в Тобольске ведутся работы над новой церковью Сергия Радонежского. Горожан заботит: не постигнет ли ее судьба предшественницы?

Духовная консистория

В центре Тобольского кремля находится здание *духовной консистории*, это был церковный орган, по делам раскольников, еретиков, чародеев... своего рода сибирская инквизиция.

Множество дел духовной консистории сохранились в Тобольском архиве. Например, в 1750 г. разбиралось дело солдата Тулубьева, обвинявшегося в колдовстве и блуде. Тулубьев жил на квартире у вдовы Екатерины Тверитиной. Здесь он лишил девственности ее молодую дочь Ирину и некоторое время блудно с ней жил. Через некоторое время Тулубьев выдал ее насильно замуж за дворового человека Дунаева. Но жить с мужем он ей не позволил, а требовал, чтобы она продолжала сожительствовать с ним. Для того, чтобы закрепить любовь Ирины, на третий день после венчания он позвал любовницу в баню. Там он взял два ломтя хлеба и этим хлебом обтирал испарину с себя и с Ирины. Потом он смял этот хлеб с воском, золой, солью и волосами, сделал из этого месива два колобка и что-то над ними читал из особой книги. После этого Тулубьев совершал еще и другие обряды. Так, например, он срезал стружки с углов дома и собирал грязь с тележного колеса. То и другое, он размешивал с теплой банною водой и, дав смеси постоять, поил этой водой свою любовницу. Затем он настаивал на вине порох и росный ладан и этим снадобьем тоже поил Ирину. Шептал что-то над воском и серой и велел Ирине налепить эту серу с воском на шейный крест и носить. Сам он всегда носил при себе волосы Ирины и на них тоже нашептывал что-то. Такими энергичными средствами Тулубьев так приворожил к себе любовницу, что она без него жить не могла. И когда он уходил со двора, то она бегала за ним и часто с тоски рвала на себе волосы и платье. Консистория вынесла постановление Тулубьева сослать на покаяние в монастырь, Ирину от всякой ответственности освободить...

В XIX — начале XX в. деятельность консистории изменилась. Колдунов активно не преследовали, но зорко следили за моральным обликом прихожан. Консистория рассматривала ссоры между крестьянами, прошения о разводах.

В 1992 г. в кремле были найдены подземные ходы, отходящие от северной части консистории по направлению к епар-

хиальной гостинице. Было пройдено 22 м хода, который представлял из себя длинный коридор, с двух сторон к которому примыкали небольшие ячейки-камеры, где мастера заплечных дел пытали еретиков и чародеев.

Тобольские предания относительно консистории очень разнообразны и живописны. Рассказывают о рассыпанных под полом монетах и находке пыточных инструментов, которые потом «забрали кагэбэшники».

Архиерейский дом

Архиерейский дом (правильнее — архиерейский дворец) являлся резиденцией тобольских епископов и архиепископов, в просторечии — «архиереев». Вот откуда его название — «архиерейский дом».

Здание архиерейского дома принято называть «блуждающим». Это здание уже пятое по счету. Четыре прежних строили и разбирали в разных частях Тобольского кремля. При раскопках три года назад были найдены фундаменты первого и четвертого архиерейских домов. Они стояли у бровки Троицкого мыса. Второй и третий дома находились в центре Софийского двора.

Здание пятого дворца было заложено в 1773 г. Причем при строительстве была разобрана на кирпич часть крепостной стены. В архиерейском дворце были устроены две домовые церкви — персонально для владыки и для прислуги и гостей.

Церковь во имя Сошествия Святого Духа на втором этаже была заложена в 1776 г., освящена в 1784 г. В 1833 г. храм был перестроен архиепископом Афанасием, был пристроен алтарь с красивым иконостасом работы художника Шелудкова. Резьбу для иконостаса выполнил крестьянин д. Почекуниной Бронниковской волости Иван Гиронкин. Среди церковной утвари этого храма замечателен напрестольный крест, пожертвованный 28 сентября 1675 г. тобольским воеводой Иваном Борисовичем Репниным, после исцеления его сына Аникиты от тяжелой болезни после моления перед иконой Абалакской Божьей Матери.

На втором этаже архиерейского дома находился большой зал для приемов. Здесь звучала музыка, велись беседы. Обыч-

но, после того как прошла встреча, гости поднимались в домовую церковь Всех Святых.

Храм на третьем этаже архиерейского дома был заложен во имя Всех Святых в 1790 г. и освящен в 1795 г. В 1844 г. преосвященным Владимиром этот храм был перестроен.

В 1894 г. храм был отремонтирован с устройством в архиерейском доме несгораемой каменной лестницы. В начале XX в. был проведен новый ремонт архиерейского дома.

Последним хозяином архиерейского дома был епископ Гермоген, сыгравший большую роль в судьбе Романовых. После отъезда царской семьи из Тобольска весной 1918 г. епископ Гермоген был арестован и отправлен в Екатеринбург. В Екатеринбурге владыка был посажен в тюрьму. Члены Уральского Совета потребовали за свободу епископа выкуп. Несмотря на его внесение, епископа отправили по железной дороге до Тюмени. В Тюмени Гермогена перевели на пароход «Петроград». Судно проследовало до Тобольска. На пути большевики узнали, что город занят силами белых, поэтому было принято решение о казни всех арестованных.

В районе с. Покровского епископа Гермогена вывели на палубу, избили и, привязав двухпудовый камень, бросили в Туру. В августе 1918 г., когда сошла вода, на берегу обнаружили множество трупов и среди них был опознан епископ Гермоген.

Тело епископа привезли в Тобольск, где после отпевания похоронили в Софийско-Успенском соборе, придела Св. Иоанна Златоуста.

После гибели епископа Гермогена во главе Тобольской епархии стал епископ Иринарх, сотрудничавший как с колчаковцами, так и с Советами. Когда Тобольск был занят силами белой армии, в газете «Тобольское народное слово» появилась статья епископа, где он писал об ужасах советского режима, однако после бегства колчаковцев из города он дал интервью для газеты «Тобольская коммуна», где писал, как белогвардейцы заводили лошадей в храм и устраивали попойки церковным вином.

Своей резиденцией Иринарх избрал Знаменский монастырь, видимо, там было безопасней.

В 1920 г. в архиерейском доме разместился детский приют. Однако дети вели себя беспокойно. Вскрикивали каждую ночь, плакали. Им казалось, что кто-то ходит по дому.

Было принято решение перевести детдом в другое здание, а в архиерейском доме разместить бывший Тобольский губернский музей, названный Музеем Тобольского Севера. Нервы музейщиков оказались крепче, правда, и они не раз сталкивались с необычными явлениями.

Призраки являются, чтобы предупредить о большой беде. Например, в июне 1941 г. в Тобольском краеведческом музее видели призраки двух монахинь, которые пришли рассказать живым о грядущей страшной войне.

В августе 2002 г. дежурный научный сотрудник стал свидетелем паранормальных явлений. Двигалась мебель, причем звук был очень четким, однако сами столы и стулья при этом оставались на месте, открывались и закрывались двери...

С 2004 г. в здании музея в ночное время постоянно дежурили либо вохровцы, либо сторожа. Многие из них слышали шаги, скрип половиц, звуки передвигаемой мебели. Ровно в полночь обязательно раздавался какой-то громкий звук, будто что-то тяжелое падало на пол, потом снова наступала тишина.

В январе 2005 г. женщина-сторож прилегла на диван в коридоре, как раз напротив старинного зеркала. Времени было около 4 ч. утра. Через некоторое время она почувствовала на себе взгляд. Из зеркала на нее смотрела женщина в черном монашеском одеянии...

В июне 2007 г. охранники слышали звуки флейты, доносящиеся со второго этажа архиерейского дома.

В это время в здании музея работала съемочная группа Первого канала. Снимали и по ночам. В одну из ночей заведующая Музеем духовной культуры Маргарита Юнина и режиссер проходили по залу декабристов. Внезапно их накрыла волна леденящего ужаса, словно что-то прошло сквозь них. Скоро оба почувствовали себя плохо. Кружилась голова, подташнивало.

Продолжение в следующем номере

Стас Белов

Брандты

Брандты — в Тюмени конца XIX—начала XX столетий хорошо знали это имя. Трехэтажный особняк этого влиятельного еврейского семейства и поныне возвышается на ул. Республики (быв. Царская), а на фронтоне еще недавно виднелись следы сбитой звезды Давида. Так кто же они, эти почти забытые магнаты ушедшей эпохи? Попробуем разобраться.

1. Дома каменные и торговые

Начнем наше расследование с вышеупомянутого дома. Что нам известно на данный момент? Мы знаем, что особняк принадлежал семейству Брандт, которое, по всей видимости, сдавало его помещения в наем. Так, в 1910 г. в доме размещался податной инспектор 2-го участка Л.С. Мондатов, а также канцелярия Иртышского участка Томского округа путей сообщения (телефон № 41)¹. В ноябре 1918 г. ежедневно, с 9 до 14 и с 18 до 20 часов здесь вели прием зубные врачи М.С. Моравицкая и Н.С. Гуревич². Осенью 1921 г. о доме говорится как о бывшем Гарнизонном клубе³. Примерно в это же время здесь разместился уездный отдел труда⁴.

О торговом доме братьев Брандт нам известно не намного больше. Он был основан в 1898 г. и в начале XX века занимался поставками тобольского сливочного масла за границу, глав-

¹ Вся Тюмень. Тюмень, 1910. С. 130–131.

² Рабочий день. 1918. 20 ноября. С. 1.

³ Трудовой набат. 1921. 11 сентября. С. 2.

⁴ Трудовой набат. 1921. 2 августа. С. 2.

ным образом в Великобританию, частично — в Данию и Германию. Отделения фирмы работали в Петропавловске, Ишиме⁵ и Кургане⁶ — крупнейших центрах маслоделия Тобольской губернии.

В газете «Ермак» в мае 1912 г. была опубликована критическая заметка об учреждении Иоселем Хаимовичем Брандтом торгового дома «Брандт и К^о». По мнению автора, главной целью данного мероприятия было уклонение от выполнения своих обязанностей перед кредиторами, что стало в то время довольно распространенной практикой. Из той же заметки следовало, что сразу после учреждения торгового дома была произведена «грандиозная распродажа» золотых и серебряных изделий в Кургане⁷. Позднее в газете звучали обвинения в сбыте Брандтами во время распродаж некачественного товара. При этом возмущенным покупателям указывали на вывеску «Купленный товар ни в каком случае обратно не принимается»⁸.

Следует отметить, что упомянутое издание регулярно публиковало негативные высказывания о еврейских предпринимателях и евреях вообще, обвиняя их во всевозможных кознях. В связи с этим Афромееву даже приходилось отвечать на публичные обвинения в юдофобии, которые он с гневом отверг⁹.

2. Люди

Брандт Хаим Лейбович

Отставной рядовой, причисленный в мещане г. Тюмени по указу Тобольской Казначейской палаты от 31 января 1874 г.¹⁰ С большой долей уверенности можно предположить, что пе-

⁵ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 г. Тобольск, 1904. С. 107.

⁶ Вольский В. Вся Сибирь. СПб., 1908. С. 551.

⁷ Из дневника обывателя // Ермак. 1912. 12 мая. С. 12.

⁸ Он. Зигзаги // Ермак. 1912. № 9. С. 17.

⁹ Афромеев. Провокационный выпад г. Крылова // Ермак. 1912. 2 июня. С. 18.

¹⁰ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 75.

ред нами — родоначальник клана тюменских Брандтов. В пользу этого говорит не только ранняя дата появления его в городе, но и солдатское происхождение. Как известно, отставные солдаты были одной из немногочисленных категорий еврейского населения, получавших право беспрепятственного выбора жительства на территории всей Российской империи. Вполне возможно, что солдат, вероятно, проходивший службу в этих местах, решил после выхода в отставку остаться на жительство в знакомой ему местности.

Брандт Иосель Хаимович (Иосиф Михайлович)

Мы не случайно приводим два варианта написания имени и отчества этого члена семейства. По-видимому, в повседневной жизни оба они широко использовались, так что даже в «Посемейном списке тюменских евреев о тюменских купцах за 1887 год» написано: Иосель Хаимов, по-русски Иосиф Михайлович»¹¹.

Владелец магазина в Тюмени, располагавшегося в собственном доме на углу улиц Царской, 34 и Садовой, 40, в своем салоне Иосель Хаимович торговал часами и ювелирными изделиями¹², а также велосипедами, швейными машинами, граммофонами, оптическими инструментами «в громаднейшем выборе». Магазин был открыт в будние дни, с 8 до 19 часов¹³. Помимо этого наш герой владел магазином в Кургане (ул. Троицкая, дом Толкачева), где помимо все тех же велосипедов, швейных машин, золота, серебра и часов продавался также и зерновой хлеб¹⁴. О широте коммерческих связей и интересов этого представителя семейства Брандт можно судить по наличию собственных агентств в Москве (ул. Варварка) и Берлине (Little-Strasse)¹⁵.

¹¹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 83а. Л. 191 об. – 3192.

¹² Вольский В. Цит. соч. С. 516.

¹³ Вся Тюмень. С. 88.

¹⁴ Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда, Тобольской губернии. 1909 г. С. 99, 104, 113, 116.

¹⁵ Вся Тюмень. С. 105.

В купеческое общество г. Тюмени Брандт был причислен из тюменских же мещан в начале 1890 года по отношению II Отделения Тобольской Казенной палаты от 16 февраля 1890 г. за № 1969. В «Посемейных списках евреев г. Тюмени» за 1907 и 1911 гг. он числится купцом 2-й гильдии¹⁶. Однако 20 апреля 1916 г. состоялось распоряжение Тобольской Казенной Палаты № 22227 об исключении Иоселя Хаимовича из купеческого звания по г. Тюмени «за невозобновлением документов»¹⁷. Что послужило тому причиной: расстроенное финансовое положение купца или же иные обстоятельства — этого мы пока не знаем.

Из вышеупомянутого «Посемейного списка...» мы узнаем, что на 1 января 1887 г. Иоселю Хаимовичу было 34 года (следовательно, родился он в 1852/53 г.). Был он человеком семейным и семья его состояла из жены по имени Рахиль-Лея Мордхо-Борухова 31 года (т.е. 1855/56 г.р.), а также трех сыновей: Ионея 11 лет (13.04.1878 г.р.), Давида 5 лет (14.01.1884 г.р.) и Шлиома 4 лет (22.09.1885 г.р.). 24 июня 1890 г. у супругов родилась дочь Хая Гитель. В 1905 г. один из сыновей — Давид — был призван на действительную службу¹⁸.

В числе занятий главы семейства в материалах обеих переписей упомянуты: торговля «золотыми и серебряными вещами и часовая мастерская»¹⁹. Известно также, что Иосель Хаимович принимал определенное участие в делах еврейской религиозной общины. Так, в 1900 г. он выступил в роли уполномоченного тюменских евреев в деле строительства миквы в Ляминском логу — здания, где еврейские женщины ежемессечно совершали ритуальные омовения²⁰.

В фондах ТОКМ хранится фотография, на которой изображено это здание (вид на торцовую часть с восточной стороны).

¹⁶ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87а. Л. 1 об.; Там же. Д. 87б. Л. 1 об.

¹⁷ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 83а. Л. 191 об.-192.

¹⁸ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 83а. Л. 191 об.-192.

¹⁹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87а. Л. 1 об.

²⁰ См. подробнее: Белов С.Л., Чупин В.А. Оверштейны // Земля Тюменская: ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2004. Вып. 18. Тюмень, 2004. С. 156–169.

На торце видна надпись большими буквами: «I. БРАНДТЪ». Над этой надписью — часы, показывающие время: «9-07». Просматривается звезда Давида на фронте фасада²¹. Существует также фотография, на которой отчетливо видна звезда Давида на фронте, ныне утраченные балконы на втором и третьем этажах, а также товары, выставленные в больших стеклянных витринах магазина на первом этаже здания. В 2006 г. фасад был спешно отреставрирован, на фронтон вернулась звезда Давида. Однако уже несколько дней спустя звезду убрали, стыдливо прикрыв оставшийся след гербом Тюмени. В 2006 г. здесь размещался Комитет по благоустройству г. Тюмени, после его ликвидации здание перешло к Управе Центрального административного округа Тюмени.

О том, как сложилась судьба хозяина дома в годы Гражданской войны судить сложно. Достоверно известно лишь, что здание на углу Царской и Садовой улиц было включено в 1918 г. в список национализированных домовладений по Тюмени под № 335. Здесь же была указана и сумма чистого дохода, приносимого этим объектом недвижимости: 2311,4 руб.²² В июне 1918 г. сообщалось о том, что несколько тюменских предпринимателей были арестованы красными в качестве заложников, среди них упоминался и некий Брандт²³.

Помимо этого мы располагаем отрывочными сведениями о судьбах двух сыновей Иоселя Хаимовича — Давыде и Ионее. Мы уже упоминали, что Давид родился 14.01.1884 г., а в 1905 г. (по достижении 22-летнего возраста) был призван в армию. Позднее он, по-видимому, некоторое время проживал в г. Петропавловске. Во всяком случае, именно оттуда 20 июля 1910 г. на запрос Тюменской городской управы от 13.07.1910 г. поступил ответ Г. Ходоса, исполняющего дела местного раввина. В письме сообщалось, что 28 декабря 1908 г. в местной синагоге был зарегистрирован брак тюменского купеческого сына Давыда Иосифова Брандта 24-х лет с

²¹ ТОКМ. ВФ 551/19.

²² ГАТО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–9.

²³ Городская хроника // Сибирский листок. 1918. 16 июня. С. 1. Сибирский листок: 1912–1919. Тюмень, 2003. С. 499.

дочь петропавловского мещанина Матлей Янкелевой Нахтигаловой 22-х лет²⁴.

Интересные сведения о судьбе Ионея Иоселевича приводит краевед А.А. Петрушин, ссылаясь на слова М.Л. Зуева, уполномоченного экономического отдела Тюменского оперсектора ОГПУ. Рассказывая о массовых операциях ОГПУ по поиску золота, спрятанного во время отступления белой армии, в качестве примера он приводит историю нашего героя. По словам М.Л. Зуева, этот представитель семейства Брандтов «имел с отцом магазин золотых вещей, часов, швейных машин, велосипедов и музыкальных инструментов». Покинув город при отступлении белых, он в итоге переехал в Харбин, забрав с собой наиболее ценные вещи.

В 1933 г. Ионею Иоселевичу «по его собственной просьбе» решили вернуться в Тюмень и выдать спрятанные здесь ценности. Оперативники и слесарь, отправившиеся вместе с ним на поиски, обнаружили ряд тайников. Один находился в здании бывшего магазина Брандтов в стене возле сейфа, другой — в конторе под подоконником. Пробыв в Тюмени 3–4 дня, Ионей Иоселевич вернулся в Харбин, где у него также был собственный магазин. При этом (как предположил М.Л. Зуев — «от расстройств») он также сообщил ОГПУ о других «бывших» в Тюмени и на севере края, которые в свое время припрятали золото²⁵.

Примечательный факт: Иосель Хаимович стал персонажем первой части романа Фомы Ефремова «Тюмень по-еврейски», опубликованного на интернет-портале Проза.ру в конце 2007 г.²⁶

Брандт Лейба Хаимович

Этот член семейства Брандтов также имел свое торговое дело и отличался не меньшим размахом в ведении коммерческих операций. Лейбе Хаимовичу принадлежали магазины готового платья в Тюмени (Царская ул., дом Деевой) и Тобольске (Захарьевская площадь, дом Ершовой). Использовались

²⁴ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 23.

²⁵ Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны: кн. вторая. Тюмень, 2004. С. 142–143.

²⁶ <http://www.proza.ru/texts/2007/11/30/256.html>

различные формы оплаты, в т.ч. ордера Общества потребителей служащих Пермской железной дороги. Примечательно, что в рекламе не только указывалась дата основания фирмы (1885 г.), но и подчеркивалось, что это — «самая старинная фирма в г. Тюмени»²⁷. «Суконные тройки и пары от Брандта» приводятся в тюменской газете 1914 г. в качестве атрибутов «мужской молодежи»²⁸.

В тюменские купцы 2-й гильдии Лейба Хаимович был причислен с начала 1894 г. из состоящих на причислении в мещанство г. Тюмени по указу I Отделения Тобольской Казенной палаты от 13 июня 1894 г. за № 14517²⁹. В «Посемейных списках евреев г. Тюмени» за 1907 и 1911 гг. он также числится купцом 2-й гильдии³⁰.

На 1 января 1894 г. Лейбе Хаимовичу исполнилось 30 лет (т.е. родился он в 1863/64 г.). Его большая семья состояла из жены Ханны Мордуховны 21 года (т.е. 1872/73 г.р.), а также многочисленных детей. Перечислим всех известных нам потомков Лейбы Хаимовича: Гирш (07.02.1890 г.р.), Вениамин (27.05.1893 г.р.), Иона (07.11.1896 г.р.), Илия (20.05.1898 г.р.), Израиль (15.02.1901 г.р.), Авраам (21–26.05.1902), Борух Мордахай (27.04–02.08.1892), Иосиф (28.05.1894–12.09.1896), Нохим (30.08.1895–07.06(07?).1896)³¹. Таким образом, из 9 детей 4 умерли еще в младенчестве, что было вполне нормальным явлением для того времени.

В «Посемейных списках евреев г. Тюмени» за 1907 и 1911 г. мы видим все тех же детей, скорее всего, новых прибавлений в семье Брандтов уже не было. Некоторая неясность сохраняется лишь в отношении Авраама, который, по данным списка о купцах, родился 21 и умер 26 мая 1902 г.³² В то же время мы

²⁷ Вся Тюмень. С. 12.

²⁸ Учитель П. Ив-ев. Неотложное дело //Сибирский листок. 1914. 2 янв. С. 2–3. Сибирский листок... С. 233.

²⁹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 83а. Л. 197 об.–198.

³⁰ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87а. Л. 2; Там же. Д. 87б. Л. 2.

³¹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 83а. Л. 197 об.–198. Список позднее дополнялся, поэтому в него вошли и дети, родившиеся после 1 января 1894 г.

³² Там же.

встречаем его в списке за 1907 г., где указано, что Авраам родился 21 мая 1901 г. и на момент составления документа ему исполнилось 7 лет³³. Однако в списке 1911 г. Авраам среди детей Лейбы Хаимовича уже не упоминается³⁴. Можно предположить, что все эти разночтения объясняются ошибкой переписчика, допущенной в 1907 г. и позднее исправленной. Мы более склонны доверять списку о купцах.

На 1907 и 1911 гг. все дети Лейбы Хаимовича проживали в г. Тюмени и находились «при отце». Как сложилась их дальнейшая судьба, сказать сложно. Достоверными сведениями мы располагаем лишь о жизненном пути Вениамина Лейбовича. Можно предположить, что он еще до революции проявлял политическую активность и некоторое время проживал в г. Перми. Во всяком случае, в феврале 1912 г. в Тюменскую городскую управу обратился пермский полицмейстер. Исполняя предписание пермского губернатора, он просил сообщить, «принадлежит ли сын тюменского 2-й гильдии купца Вениамин Лейбов Брандт по своему происхождению: 1) к коренным жителям, 2) к ссыльным и 3) к потомкам ссыльных»³⁵. Вероятно, во время Гражданской войны, Вениамин Лейбович покинул родные места с отступавшими частями белой армии и осел в Томске. Советская власть, как правило, не прощала столь «подозрительного» прошлого, что и предопределило трагический финал этой истории. В 1937 г. Вениамин был арестован, осужден и расстрелян. Накануне ареста он работал бухгалтером томской больницы водников и проживал в пер. Батенькова, 19³⁶.

Тем не менее, именно это ответвление родословного древа Брандтов живо сегодня — во всяком случае, это нам достоверно известно. В Томске в 1924 г. родился Леонтий Вениаминович Брандт, судя по всему, здравствующий и поныне. В начале Великой Отечественной войны он оказался в Белоруссии, два месяца добирался до дома, где затем работал на производстве. В январе 1942 г. в возрасте 17 лет отправился добро-

³³ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87а. Л. 2.

³⁴ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87б. Л. 2.

³⁵ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 74.

³⁶ Боль людская. Вып. 1. Томск, 1991. С. 127.

вольцем на фронт в составе 150-й Сибирской стрелковой добровольческой дивизии, продемонстрировав в военкомате в качестве доказательства своей зрелости значок ГТО.

Служил в разведке, неоднократно переходил линию фронта, дважды был ранен. Принимал участие в освобождении Освенцима, войну закончил в Праге. За фронтовые подвиги был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За освобождение Праги» и др. Федерация еврейских общин России наградила Леонтия Вениаминовича медалью Спасения — как одного из первых советских солдат, вошедших в Освенцим.

После войны окончил три вуза, а затем поступил на работу в НПО «Контур» (Томск), где и трудится до сих пор. Подобно своему отцу Леонтий Вениаминович принимает активное участие в жизни еврейской общины города, работе ветеранских организаций. В Израиле живут внучка и три правнука потомка еврейского купца. Недавно вместе с супругой филологом и преподавателем Софьей Исааковной (дев. Бернштейн), отметили золотую свадьбу³⁷.

Возвращаясь к Лейбе Хаимовичу отметим, что он похоже проявлял большую общественную активность, нежели его брат Иосель. Нам известно, что он был одним из членов Временного национального бюро, созданного 1 апреля 1917 г. Тюменской еврейской общиной³⁸. Также он фигурирует в списке, составленном по заданию ОГПУ от 4 августа 1921 г. и подшитом к делу тюменских сионистов, с примечанием «анк.». В задании было указано, что следует установить, проживают ли в Тюмени перечисленные в списке лица и представить информацию на них³⁹.

Сложно сказать, насколько высоко эта общественная деятельность была оценена советской властью. Во всяком случае, в списке национализированных домовладений по Тюмени (1918 г.) под № 553 числится и принадлежавший Лейбе Хаи-

³⁷ <http://www.lechaim.ru/ARHIV/190/region.htm>

³⁸ Сибирская торговая газета. 1917. 13 апреля.

³⁹ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. К сожалению, листы в этом деле не были пронумерованы.

мовичу дом по ул. Тобольской, 4 (сумма чистого дохода с имущества: 1099 руб. 44 коп.)⁴⁰. С большой долей уверенности можно предположить, что именно Лейба Хаимович был тем самым Брандтом (инициалы в документе не указаны), который присутствовал в 1922 г. в качестве одного из представителей еврейской религиозной общины Тюмени при изъятии ценностей из Тюменской синагоги⁴¹.

Еще одна примечательная деталь. 20 июня 1918 г. Лейбе Хаимовичу, равно как и двум другим жителям города (Михайлову А. Ив. и Некрасовой) было отправлено следующее послание: «Совет Городского Хозяйства просит Вас одолжить на время — дня на два на три — линейку, которая будет Вам возвращена. Председатель Совгорхоза. Чл[ены] Сов[ета]»⁴².

Брандт Л.Л.

Этот член семейства Брандтов, неизвестный нам по другим источникам, на 1908 г. был владельцем магазина готового платья в Тюмени⁴³. Впрочем, возможно, речь идет о банальной опечатке, приведшей к искажению инициалов уже известных нам представителей этого клана.

Брандт Альфред Георгиевич

Вероятно, самый загадочный персонаж нашей истории. По большому счету, мы не можем с полной уверенностью утверждать его принадлежность к семейству тюменских Брандтов, о которых шла речь выше. Возможно, это просто однофамилец, не обязательно еврейского происхождения. Тем не менее, мы полагаем необходимым привести имеющиеся о нем сведения.

Итак, нам известно, что в 1914 г. Альфред Георгиевич служил в должности счетного чиновника 1-го разряда в Тобольском отделении Госбанка⁴⁴. В сентябре 1921 г. некий А. Бранд

⁴⁰ ГАТО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 2-9.

⁴¹ ГАТО. Ф. 2. Оп.1. Д. 298. Л. 37.

⁴² ГАТО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 19. Л. 226.

⁴³ Вольский В. Цит. соч. С. 526.

⁴⁴ Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 34.

фигурирует в списке кандидатов, намеченных профсоюзами в Тюменский горсовет от 3, 6, 7 и 8 райуправлений в качестве представителя группы беспартийных (в нее вошло 4 кандидата)⁴⁵. Возможно, речь идет об одном и том же человеке.

В документах 1923 г. встречаются также упоминания о некой стенографистке Брандт, работавшей по найму на сессиях губисполкома. О ком именно идет речь, мы пока не знаем⁴⁶.

3. Наследие

В собрании ТОКМ хранится книга «Хае Адам, то есть человеческая жизнь. Сочинение Абрагама Данцига. Части 1 и 2. Вильно. В типографии Манеса Ромма, и Зимеля Типографа. 1843». 218 с. Это издание большого формата. Книга прожила долгую жизнь и, по-видимому, активно использовалась, что не лучшим образом сказалось на ее сохранности. Оригинальный переплет утрачен, его сменила обложка из старых газет, склеенных между собой. Надпись на внутренней стороне обложки гласит: «Книга принадлежит... Брандту». Инициалы разобрать сложно, но, вероятнее всего, речь идет о Лейбе Хаймовиче.

О чем говорит нам эта находка? Известно, что Абрам Данциг, автор данного сочинения, происходил из семьи еврейских ученых из Западной Пруссии. В 14 лет он отправился в иешибот (религиозное училище) в Прагу. Окончив в 18 лет талмудическое образование и получив диплом «хабера», будущий ученый переселился в Вильно, где занялся торговлей.

Данциг является автором ряда сборников религиозных постановлений, из которых наибольшую известность получил именно вышеупомянутый труд: «Chaje Adam: Nischmat Adam», написанный им в 1810 г. Этот кодекс рассчитан преимущественно на образованного светского еврея, а не раввина. Главная задача Д. — возможно более точное изложение закона. «Chaje Adam» пользовалась необычайным успехом, и во многих городах организовались кружки по изучению книги, существовавшие еще в нач. XX века.

⁴⁵ Трудовой набат. 1921. 1 сентября. С. 1.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 70, 133.

Высшая обязанность человека, по мнению Данцига, — служить с любовью богу. Богобоязнь же — средство достижения этой цели. Особое значение при этом уделялось молитве, которая не должна быть «бормотанием». Лучше уж молиться на знакомом немецком, чем на непонятном еврейском, утверждал талмудист. Высшими качествами человека Данциг называл любовь к истине и довольство своим положением. Касаясь межчеловеческих отношений, он отмечал, что «оскорбление ближнего заслуживает большего упрека, чем грех против бога. Все должны вести свои дела честно со всеми, кто бы то ни был — еврей или нееврей»⁴⁷.

Таким образом, по этому элементу круга чтения нашего героя мы можем составить некоторое представление о его мировоззрении. Судя по всему, это был образованный, в т.ч. в светском, европейском понимании человек, придерживавшийся достаточно прогрессивных религиозных устоев. В то же время он не был склонен поддерживать политику ассимиляции и стремился к сохранению традиций своего народа в условиях иноэтничного окружения.

Итак, мы собрали все осколки в единое целое. Что получилось? Мозаика, слабые, нечеткие контуры нескольких человеческих судеб. И все же первый шаг сделан.

БЕЛОВ Станислав Леонидович.

Родился 25 сентября 1974 года. В 1996 г. окончил ТюмГУ (исторический факультет). С 1995 г. — научный сотрудник ТОКМ. Участник и организатор ряда историко-бытовых экспедиций. Автор публикаций по истории еврейской общины, сталинских репрессий, театра, промышленности, краеведческого движения и массового сознания 1920-х гг., которые появлялись в местных журналах «Элита-регион», «Директор-Урал» и «Петрович».

⁴⁷ Данциг, Авраам бен-Иехиель // Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 7. Стб. 4–5. — Репринт.

Юрий Зотин

Унжаковы

Четыре поколения семьи Унжаковых, проживавшие в Тюмени XIX века, представляют пеструю картину взлета и падения чиновнического рода.

Из поколения в поколение они служили Российской империи. Унжаков Павел Елисеевич (род. около 1762 г.) числился в 1830–1835 годах отставным канцеляристом [1]. Канцеляристы были низшими должностными лицами в государственных учреждениях, занимались подготовкой и оформлением документов и не имели классного чина. Служил Павел Елисеевич не в Тюмени, во всяком случае, в документах тюменских учреждений и приходских книгах тех лет он до сего времени не найден.

Его сын, Михаил Павлович Унжаков (около 1801–1852), уже имел классный чин. В исповедальных росписях Михайло-Архангельской церкви он появляется в 1824 году в разделе «Чиновники» в чине коллежского регистратора (самый малый, XIV класс по петровской Табели о рангах). Затем, в 1830–1835 годах, он записан в той же книге, уже с семьей, в чине титулярного советника (IX класс). С ним проживают: отец Павел Елисеевич, мать Анна Федоровна (г.р. около 1764), сестры Анна Павловна (г.р. около 1800) и Анфиса Павловна (г.р. около 1810), жена Пелагея Варнавовна (г.р. около 1802) и сын Александр (г.р. около 1826) [1].

Учитывая год рождения сына Александра, а также записи его жены в девичестве, можно предположить, что бракосочетание Михаила Павловича состоялось в 1824 году. Пелагея

Варнавовна происходила из семьи священников Дурыгиных, служивших в тюменских церквях с XVIII века. Отец ее (ко времени брака почивший) был дьякон Вознесенской церкви, Варнава Васильевич Дурыгин (около 1769–1822) [2, 3]. У сыновей дьякона были разные жизненные стремления, хотя все они, пользуясь льготами детей священнослужителей, учились в Тобольской духовной семинарии. Петр Варнавович Дурыгин (г.р. около 1800), старший сын, в 1821–1836 годах числился священником Михайло-Архангельской церкви [1, 4]. Учтывая то, что семья Унжаковых проживала в ее приходе, скорее всего, именно он обвенчал свою сестру с Михаилом Павловичем. Второй сын, Алексей Варнавович (г.р. около 1805), окончив духовную семинарию [2], избрал стезю чиновника и в 1826–1828 гг. был записан в исповедальных росписях как канцелярист [1], возможно, здесь чувствовалась рука мужа сестры. Впрочем, отличным был и жизненный путь третьего сына, Луки Варнавовича Дурыгина (г.р. около 1812) [1, 3], после окончания Тобольского уездного училища он в сентябре 1833 года, числясь дьячком Воскресенской церкви, был переведен из духовной семинарии в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию [2]. И лишь четвертый сын, Марк Варнавович Дурыгин (г.р. около 1815), вновь избрал путь священнослужителя и в 1836–1845 годах числился священником уже можно сказать родовой Михайло-Архангельской церкви [1, 4], продолжая дело своего старшего брата Петра, который перешел в заштатные священники [1].

В 1852 году два события из жизни Унжаковых зарегистрированы в приходской книге Знаменской церкви (это также косвенно указывает, что к этому году семья еще не переселилась из центра города). 2 июля скончался от горячки коллежский советник Михаил Павлович Унжаков [5]. Михаил Павлович дослужился до чина VI класса Табели о рангах. Это означало, что его

ЗОТИН Юрий Сергеевич. Родился 24 ноября 1974 года. Окончил Тюменскую государственную медицинскую академию. По специальности — врач-иммунолог-аллерголог. Свободное время посвящает изучению истории Тюмени.

потомство было зачислено в потомственные дворяне. Во всех последующих документах его сын, Александр Михайлович, величается дворянином. Надо отметить, дослужился он, если так можно выразиться вовремя. Уже указом от 9 декабря 1856 года Александр II ограничил право получения потомственного дворянства получением чина IV класса по гражданскому ведомству.

Ко времени смерти отца Александр Михайлович был уже женат. 18 августа того же 1852 года, у Александра Михайловича и его жены, Евдокии Петровны родился сын Михаил [5]. В наследниках Александра Михайловича на 1881 год он не значится [6]. Младенческая и детская смертность в те времена была высока. Из записи в приходской книге выясняется, что Александр Михайлович в то время имел чин губернского секретаря (XII класс) и находился на достаточно высокой для такого чина должности — исполняющего дела секретаря окружного управления (на той же должности он пребывал и в 1856 году) [5, 7]. Может быть, это было место его умершего месяца назад отца?

Должность была хоть высокая, а хлопотная. Через год на округа Тобольской губернии коршуном обрушился новый гражданский губернатор Виктор Антонович Арцимович. Его отчеты по проверке Тюменского округа в 1854 году: непорядки в тюремном, судебном ведомствах, городской больнице, пожарной команде, заваленное делопроизводство [8]. Окружному начальнику (в 1850-х, 1860-х годах непосредственным начальником Унжакова был Василий Яковлевич Стефановский) было предписано в кратчайшие сроки принять меры к искоренению подобных упущений. И «кратчайшие» — слово не пустое. Через два месяца — новая проверка, новые найденные огрехи. Можно ярко представить будни окружной администрации в эти (1854–1858) года.

Интересен был взгляд губернатора на кадровый вопрос: *«...Вот этот чиновник хорошо нажился до моего управления, и я оставлю его по необходимости, зная, что он сыт, и я уверен, что он из боязни потерять все будет мне хорошим помощником»* (Из письма М.Н. Жемчужникову) [8]. Возможно, эта фраза и не имеет ни малейше-

го отношения к Александру Михайловичу Унжакову, однако, так или иначе, в 1861 году появилось то, что сохранилось в людской памяти — **«дом чиновника Унжакова»**.

В «Путевых записках» Ипполита Завалишина («Тобольские губернские ведомости» напечатали их в 1863 году), проезжавшего Тюмень осенью 1861 года, отмечено: «...из 21 дома частных лиц только 3 сносной архитектуры: купцов Шешукова и Трусова да недавно отстроенный чиновника Унжакова» [9]. Купцы 1-й гильдии Иван Васильевич Трусов да Кондратий Кузьмич Шешуков. Недурная компания для секретаря окружного управления.

Двухэтажный дом по адресу Луначарского №18 (на углу с Ирбитской) простоял до 1990-х годов. Своими высокими сводчатыми окнами он робко выглядывает из-за деревянного соседа на открытке, изданной А.А. Антипкиным в 1912 году.

Из трех каменных сараев, окружающих внутренний дворик дома, сохранился примыкавший к нему по улице Ирбитской. Это была настоящая усадьба потомственного дворянина!

Однако жизнь «на широкую ногу» требует соответственно дохода. В чем-то Александр Михайлович промахнулся. С 1864 года финансовые документы регистрируют его неуклонно возрастающие недоимки за недвижимую собственность, к 1873 году составившие 1102 рубля 75 копеек [10]. Опять же совпадение, нет ли, но практически совпало начало финансовых затруднений Унжакова с введением порядков нового Тобольского губернатора, Александра Ивановича Деспота-Зеновича. После Арцимовича Тобольскую губернию в 1859–1862 годах возглавлял Александр Васильевич Виноградский, который, по свидетельству председателя губернского правления Соколова, «...не вникал вовсе в недостатки и упущения по разным частям управления в губернии, в особенности нужды ее, обратил все внимание на отписку бумаг, сложивши с себя всякую ответственность по делам на других» [11]. Вероятно, высшим выражением результата такого подхода к делу можно считать голод среди крестьян Березовского края, заставивший нового губернатора открыть для населения казенные запасные магазины. После экстренных мер, направленных против катастрофы, Деспот-

Зенович начал свою «перестройку» административной системы. Основной удар ее был направлен на союз местных чиновников с купцами и заводчиками, как выразились бы сейчас, разгорелась «борьба с коррупцией». Сделки при заключении государственных подрядов предавались гласности и рубились на корню. *«Я вполне надеюсь, что в настоящее время кабинетные, очень темные и непохвальные сделки не будут иметь места, а без этого, я уверен, монополисты сами собою удалятся от «вступления в подряд» [Из циркулярного распоряжения А.И. Деспота-Зеновича]. И как тут выжить простому чиновнику? Не арцимовическое «оставляю по необходимости».* За приношения и поборы можно было попасть под суд, а уволенных взяточников запрещалось принимать на государственную службу в Тобольской губернии [8, 11].

Недоимки за усадьбу росли, а особых доходов по службе не предвиделось. Надо было искать выход. Александр Михайлович Унжаков был, по всей видимости, человеком с достаточно оригинальным складом ума. Возможно, выход он обнаружил из окна своего дома. А за окном, выходящим на улицу Никольскую (сейчас — ул. Луначарского), тянулись в обе стороны обозы, пульсировала артерия Великого Чайного пути. Тысячи пудов чая из Кяхты, с границ Китайской империи, ползли на «Ирбитъ» — Ирбитскую ярмарку. С ярмарки возвращались удачно заключившие сделку чайные бароны. Такие деньжищи! А если перейти к другому окну, выходящему на улицу Ирбитскую, то поверх крыш деревянных домишек и каменного окружного суда, всего в двух кварталах, возвышалась трехэтажная гостиница Вахрушева — эдакий караван-сарай Чайного пути. И были, наверняка были, слышны по ночам веселые песни и крики подгулявших «баронов». Вот все и сложилось...

Из воспоминаний Чукмалдина: *«Одно время славился и процветал в Тюмени отставной чиновник, некто Унжаков, составивший себе карточной игрою целое состояние. Дом его был устроен прекрасно и открыт для всех; здесь постоянно велась картежная игра, конечно, среди богатой обстановки, изысканных ужинов и с бесконечной выпивкой. Бывало, каждый праздник, каждый день рождения, именин как самого Унжакова, так и членов его семьи, был предлогом для «вечера», а отсюда*

— и карточной игры, затягивавшейся иногда до второго и третьего дня. На всяком вечере, званом и незваном, в кругу тюменского купечества героями его фигурировали всегда карточные игроки крупных ставок, для которых отводился почетный зеленый стол, пользовавшийся особенным вниманием самого хозяина дома. Всякие интересы и разговоры на подобных и о подобных вечерах вертелись только на том, кто кого обыграл, кто у кого какую карту убил и как проигравший посылал к себе домой с ключами конторки за новой пачкой денег.

Типичны были эти записные игроки и их жертвы во время боя на зеленом поле. Шустрый, бойкий, образованный Унжаков, как предводитель, с тактом и умением находил средства завлечь намеченную жертву и обыгрывать ее с помощью своих пособников — Семенова, грузного, циничного человека; Ежова, отставного майора, умевшего пить водку так, как никто другой, и изящного, салонного, сосланного в Сибирь адвоката Тутомира. Какие забавные, вызывавшие гомерический хохот присутствующих, умел рассказывать Унжаков анекдоты! Как плавно и непринужденно велась беседа об общественных делах и отношениях; с какой готовностью и умением устраивал он порою благотворительные вечера и концерты! Да, это положительно был артист в своем роде. И часто прорывалась в нем даже прекрасная черта помощи ближнему и благородные, великодушные поступки. Да ведь и нельзя было быть ему иным; нельзя было обыгрывать каждого, кто садился с ними за зеленый стол. Тогда никто не стал бы играть. Они вели свой промысел по всем правилам искусства, сегодня выигрывая, завтра проигрывая, и только к «крупной рыбе» применяли свои «особенные» приемы и таланты. Как о героисте каком-нибудь они рассказывали, как один купец поставил на карту 10 тысяч рублей, и пока банкومت бросал направо и налево, пошел к другому столу выпить рюмку водки. «Вот это человек, вот это сила воли!», — восклицали они хором» [12].

Стоит добавить, что все лица, упоминаемые Чукмалдиным, возможно, есть на картине художника Калганова «Шулера» (по словам того же Чукмалдина, изображено реальное событие — у проезжего полковника выиграли за один вечер 10 тысяч казенных денег). Уж очень узнаваемы. И только, какая жалость, «предводитель» Унжаков изображен со спины!

Игра — дело рисковое. Кто знает, сколько проигрывал и выигрывал Александр Михайлович в своем «казино», сколько он

тратил на антураж. Но известно, что недоимки в казну росли, может, не так быстро, как могли бы, но росли. И в декабре 1869 года Унжаков был вынужден сдать свою «усадьбу» в аренду для переезжающего из Тобольска Приказа о ссыльных. До этого в течение пяти лет шли переговоры с купцом И.А. Прасоловым об аренде его дома, но контракт заключили с Унжаковым, хотя по площади его дом подходил куда менее. Возможно, это было последней помощью товарищей по службе. Примечательно, что тюменский купец в 5-м поколении Иван Андреевич Прасолов после этого, в феврале 1870 года, объявляет свой капитал по Ялutorовску и исключается из купцов Тюмени [6].

Контракт был заключен на пять лет, с ежегодным доходом от аренды в 1000 рублей и обязанностью арендодателя погасить долги по налогам и отремонтировать дом. Но ни уплаты налогов, ни ремонта дома от Александра Михайловича не дождался. По воспоминаниям Чукмалдина, он просто не кончил играть. Такое бывает, выросшее дитя поглотило мать. Возможно, изначально выбранная как средство решить финансовые проблемы, игра превратилось в его страсть. Дом был заложен в банке и, вероятно, отошел казне. Последовала отставка (А.М. Унжаков дослужился до титулярного советника). В 1874 году умерла мать Александра Михайловича, оставив ему в наследство заимку в 9 верстах от Тюмени с земельным участком. А 2 ноября 1881 года скончался он сам [6]. Из воспоминаний Чукмалдина: *«Герой Тюмени былых времен Унжаков в одну из ярмарок в Ирбите нарвался на другого карточного игрока, более искусного в шулерской профессии, и был обыгран “до нитки”. После этого Унжаков получил апоплексический удар и умер, а семья его доживала век в нищете и горе»* [12].

О детях А.М. Унжакова, Сергее и Елизавете, известно лишь по его завещанию, где указано, что им достается та самая заимка в 9 верстах от Тюмени [6].

Источники:

1. ГАТО. Ф. И-100. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАТО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАТО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 3.

4. Курмачев В. А. Храмы города Тюмени. 2003.
5. ГАТО. Ф. И-254. Оп.1. Д.27в.
6. Бушаров Е. А. Страницы истории тюменского Приказа о ссыльных // Земля Тюменская : ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2004.
7. ГАТО. Ф. И-254. Оп.1. Д.1.
8. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские / сост. С. Пархимович и С. Туров. Тюмень, 2000.
9. Завалишин И.И. Путевые заметки (Тобольская губерния) // Лукич. 2000. Ч. 1.
10. ГАТО. Ф. И-1. Оп.1. Д. 8.
11. Сибирские и тобольские губернаторы : исторические портреты, документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2007.
12. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания : избранные произведения / сост. Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 1997.

Стас Белов

Альтшуллеры:

профессор и медработник

В «Последнем Лукиче» была опубликована статья «Альтшуллеры» из серии «Еврейские сюжеты». В ней я постарался изложить все, что мне было на тот момент известно об этом тюменском семействе. Прошли годы, появились новые сведения, пусть и не слишком существенные, но, на мой взгляд, заслуживающие внимания. Благодаря двум во многом случайным находкам отчасти прояснилась судьба двух наших героев — профессора Михаила-Мейндаля, сына старосты тюменской синагоги и Шифры Натановны, директора Тюменского медучилища.

Михаил-Мейндаль Израилевич

Этот представитель рода Альтшуллеров родился в Тюмени 21 марта 1894 г., а имя свое получил 11 мая того же года. Родителями его были Двора Соломоновна и Израиль Леонтьевич¹. Его перу принадлежит книга «Земство в Сибири» (Томск, Типо-Литография Сибирского Т-ва печатного дела, 1916. 404 с. с приложениями), один из экземпляров которой хранится в Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева. Об авторе в книге сообщается немного: это студент Томского университета, само сочинение удостоено золотой медали юридического факультета Императорского Томского Университета. Предисловие составлено деканом факультета профессором П.И.

¹ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 88.

Лященко. До октября 2004 г. в этих скупых строчках заключалось все, что я знал о Михаиле Израилевиче.

Затем в игру вступила техника, точнее, возможности, ею предоставляемые. На запрос «Альтшуллер Тюмень», отправленный мною без особой надежды в информационное море Интернета, поступило на удивление много ответов, один из которых заслуживал особого внимания. Речь идет о сайте Пермского государственного университета, на котором благодарные потомки поместили рассказ о наиболее ярких, известных профессорах вуза. Среди них — о, чудо! — встречаем знакомое имя: Михаил Израилевич Альтшуллер — экономист, специалист в области научной организации труда (НОТ), профессор Пермского университета (1923–1930). Более того, здесь мне впервые удалось увидеть моего героя — на сайте выложена его фотография.

Из краткой, но очень информативной статьи я узнал, что Михаил Израилевич окончил в 1911 г. Тюменское Александровское реальное училище, а позднее юридический факультет Томского университета. За свою студенческую работу «Экономические условия введения земств в Сибири», на основе которой была подготовлена вышеупомянутая книга, он действительно был удостоен золотой медали. Исследование получило высокую оценку известных русских ученых-экономистов П.И. Лященко и П.П. Маслова и было отмечено Общесибирской научной премией.

В 1918–1921 гг. наш герой преподавал в Томском и Иркутском университетах, в 1921–1922 гг. — в Высшем кооперативном институте в Петрограде. В 1921 г. он выдержал магистерские испытания по экономике на право занять профессорскую должность. С 1922 по 1930 г. работал в Пермском университете. При этом с 1923 г. заведовал межфакультетской кафедрой истории народного хозяйства и политэкономии, а также статистическим кабинетом при педагогическом факультете.

Под руководством Михаила Израилевича был собран большой статистический материал по народному хозяйству Урала и Коми-Пермяцкого национального округа, проводилась работа на Пермской опытной станции по НОТ (единственной на Ура-

ле), изучались условия производства на Мотовилихинском, Лысьвенском, Очерском заводах и других предприятиях края, обследовался бюджет времени пермского студенчества.

Основные результаты своих исследований ученый опубликовал в журналах «Экономика» и «Хозяйство Урала», научным редактором которых он являлся, а также в ряде книг, выпущенных Пермским книжным издательством. Среди последних названы: «Экономическое изучение Урала в связи с общими задачами науки, экономической политики» (Экономика. 1923. № 1), «О производительности труда на Урале» (Хозяйство Урала. 1925. № 1), «К вопросу о воспроизводстве рабочей силы на Урале» (Хозяйство Урала. 1925. № 2), «НОТ и наши перспективы» (Экономика. 1923. № 8), «Опыт местной работы по НОТ» (Экономика. 1925. № 5–6), «Пути и перспективы развития Пермского округа в системе Уральского хозяйства» (Пермь, 1929), «Бюджет времени пролетарского студента Пермского университета» (Пермь, 1924) и др.

Все это время Михаил Израилевич вел большую общественную работу, был членом Пермского окрисполкома и горсовета, Президиума Уралоблплоса и Президиума Ассоциации работников науки и техники (ВАРНТКСО), а также председателем ее пермского отделения. Участвовал в составлении пятилетнего плана округа. Выезжая в научные командировки в Германию, выполнял поручения Уралоблторга по изучению европейского рынка, с целью определения перспектив экспорта продукции промышленности Урала. В Государственном архиве Пермской области хранится дело М.И. Альтшуллера, охватывающее документы 1922–1923 гг.²

В 1930 г. Альтшуллер переехал в Москву на работу в Московский НИИ транспортной экономики и эксплуатации. С этого времени его следы вновь теряются.

Шифра Натановна

До недавнего времени я почти совершенно ничего не знал ни о самой Шифре, ни о ее родственниках. Опираясь на скудные актовые записи о смерти архива отдела ЗАГС комитета ЗАГС администрации г. Тюмени, я смог изложить лишь нижеследующее.

² ГАПО. Ф. 424. Оп. 2. Д. 22. Альтшуллер Михаил Израилевич. 1922–1923 гг.

Альтшуллер Бася³ Натановна (1881?–1943). Умерла 21 января 1943 г. в возрасте 62 лет от декомпенсации сердечной деятельности. Накануне смерти находилась на пенсии и проживала в г. Тюмени по ул. Красина, 16. Смерть зафиксирована Шифрой Альтшуллер, проживавшей по тому же адресу (актовая запись о смерти № 187).

Альтшуллер Евгения Натановна (1895?–1943) — по всей вероятности, сестра Баси Натановны. Умерла 3 февраля 1943 г. от атеросклероза в возрасте 48 лет. Накануне смерти работала регистратором в санпропускнике и проживала по тому же адресу — ул. Красина, 16. Смерть зафиксирована все той же Шифрой Альтшуллер (актовая запись о смерти № 337).

Альтшуллер Шифра (?–?) — о ней известно лишь то, что в 1940-х гг. она проживала в г. Тюмени по ул. Красина, 16 и зафиксировала смерть двух вышеназванных сестер.

В декабре 2006 г. сотрудник Тюменского областного краеведческого музея Юлия Соловьева сообщила о фотографиях некой Альтшуллер, обнаруженных ею в музее Тюменского медколледжа. В ходе повторного визита выяснилось, что Шифра Натановна Альтшуллер возглавляла Тюменское медучилище, а в экспозиции музея демонстрируется несколько групповых фотографий, на которых присутствует наша героиня. Более того, проведенная в свое время исследовательская работа позволила сотрудникам музея частично восстановить биографию Шифры Натановны.

Теперь мы знаем, что будущий медик родилась в 1903 г. в местечке Ляды (Белоруссия). Окончила Смоленский гос. университет и с 1926 г. работала в школах разных городов. С 1933 г. Шифра Натановна трудилась в фельдшерско-акушерской школе, в т. ч. в должности директора (1941–1944 гг.). Сотрудники музея, рассказывая учащимся о прошлом их колледжа, нередко приводят примеры, когда «строгая Альтшуллер» объявляла ученикам выговоры за «недисциплинированность» или «посторонние занятия на уроке» (приказы № 60 от 05.05.1941 г. и № 16 от 15.04.1942 г.).

³ В актовой записи о смерти фигурирует именно это имя, хотя в алфавитной книге смертей указано другое, возможно, более полное — Бася-Роза (Книга 2. Запись № 188).

Лев Боярский

Жертва искусства

«7 августа 1927 года после проведения митинга протеста тюменских трудящихся против казни Сакко и Ванцетти на реке Тура состоялась массовая инсценировка «Стеньки Разина». Весь сбор от спектакля был отправлен в фонд обороны Осоавиахима». Так гласило краткое сообщение в газете «Красное знамя».

Талантливый режиссер-массовик А. Камский затеял грандиозное по масштабам представление, невиданное дотоле в провинциальной Тюмени, не избалованной своими Станиславскими и Таировыми. В афише так и было написано — «Небывалое в истории Тюмени массовое народное гулянье и представление».

На Туре в месте бывшего летнего приказчичьего клуба (район между нынешними домом по Республики, 1 и мостом Влюбленных) на специально построенных стругах «времен Степана Разина» и декоративном утесе были разыграны картины из пьесы Каменского и Юрьина «Стенька Разин». В пьесе участвовало более 100 человек, одетых, как гласит афиша, в «стильные костюмы». На высоком берегу Туры был устроен амфитеатр, где расселись зрители. Были возжены костры. На реке Туре в стругах были устроены бои. Пел хор. Танцевал балет. В воздухе парили два огромных воздушных шара. На специальной площадке был устроен «бой конфетти и серпантин». Рядом работал «бу-

БОЯРСКИЙ Лев Владимирович.
В 1994 г. окончил филологический факультет ТюмГУ. Научный сотрудник ТОКМ.

фет с общедоступными напитками» (пиво), при нем работало «Пти кабаре» с танцовщицами в легких костюмах. В 12 часов ночи был сожжен фейерверк. «На берегу непрерывное веселье и танцы» — завлекает афиша. Но самое необычное, чем решил привлечь внимание публики тюменский Мейерхольд, было набрано крупным шрифтом: «В 3-й картине Стенька Разин бросает в реку княжну — натура, а не кукла!».

Половина Тюмени пришла посмотреть на авангардную — не только для маленькой Тюмени — постановку. По реке Туре поплыли Стеньки Разина челны... Все ждали момента — и вот, наконец! Специально подготовленная комсомолка бросалась за борт!

Все предусмотрел режиссер Камский — обученная плавать, девушка проводила под водой довольно много времени и всплывала в специально устроенном месте, где никто не мог ее увидеть. Но не учел он одного — к 7 августа установилась необычно холодная погода, и девушка в воде замерзла, заболела воспалением легких и через несколько дней умерла. Так сообщили нам старожилы города, очевидцы представления.

Символическая смерть на сцене обернулась реальной трагедией, которую уже не увидели алчные глаза зрителей. Но с тех пор больше никогда на Туре не устраивались массовые театральные эксперименты с жертвованием молодых женщин речному потоку.

Письмо от (сестры) Рыловой Анны

г. Тюмень
Разъезд 53 Пермской ж/дор.
Лагерь роты связи 57 див..
Красноармейцу Рылову Александру Алексеевичу

В воскресенье я была с Симой на «Стеньке Разине». Знаешь, недели две висела афиша, что у нас в Тюмени будут разыгрывать «Стеньку Разина» в саду, знаешь напротив белых казарм Приказчиный сад, рядом с собором, совершенно запущенный сад. Ну вот здесь и решили устроить, значит, так: река Тура представляла из себя Волгу, а там крутой берег, утес, на этом утесе должны драться два великана, но мы ничего не видали, пришли в пять часов, билетов продано 2 тысячи, и больше нет. Ну знаешь, Саня, вся Тюмень была, оба берега прямо усеяны были толпами народа, а в самый-то сад впускали только по билетам. Я видела только, как из-за мосту выплыли три лодки, да были два оркестра — на той стороне один и на нашей Зарекой у Пендевского сада оркестр. Ну вот на

МАЙОРОВА Ольга Александровна. Родилась 14 октября 1951 года в п. Гыда Тазовского района. Окончила исторический факультет Тюменского госпединститута. Работала учителем истории в г. Нижневартовске. Заслуженный учитель России. Автор нескольких книг, посвященных проблемам современной школы: «Под управлением любви», «Аистенок», «Город Нижневартовск основали мы» и др.

лодках, музыка и поют «Из-за острова на ...», и т.д. Пели ничего, сносно, и потом «Вниз по матушке, по Волге». С лодок наводили на берега бенгальский огонь, а потом были фейерверки немного. Ну а потом заиграли плясовую, княжна танцевала, но мы ничего не видали, танцевала она или нет, потому что было очень темно. Мама говорит, что ей, княжне, не до того, наверное, было, ее ведь должны кинуть в воду, чего народ и ждал. Потом, когда пришло время бросить княжну в воду, огни везде погасли, и говорят, что вместо княжны бросили бревно, но я не знаю, ничего не видала. Мы с мамой и Маней ушли домой в 10 часов, ну а часов в 12, говорят, впустили всю публику без билетов, но было темно и тесно, весь народ был возмущен, ну и сегодня, наверное, продернут в газетке.

Из архива Ольги Майоровой

*Е.А. Балюнова,
И.В. Балюнов*

Завальное кладбище

Традиционной чертой погребального обряда русского населения является устройство кладбищ возле культовых сооружений — часовен или церквей. В ходе археологических исследований, произведенных в городе Тобольске, выявлено уже около десятка православных некрополей, функционировавших в XVII–XVIII вв. при приходских церквях (Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. С. 64). Следует отметить, что в письменных или картографических источниках практически нет сведений о существовании этих кладбищ, и достаточно часто на их территории ведутся строительные работы, при проведении которых погребения разрушаются, а кости усопших просто выкидываются. В сознании местного населения уже укоренилась мысль о том, что в городе существует только одно кладбище — Завальное, при этом в краеведческой литературе нельзя даже найти указаний о точном времени, когда оно начало действовать.

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует обратиться первоначально к достаточно широко известным фактам русской истории. В 1771 г. в Москве вспыхнула чудовищная эпидемия чумы, пришедшая с юга из районов Украины. Болезнь быстро распространялась в огромном и скученном городе, количество пострадавших исчислялось несколькими десятками тысяч. Ища спасения от страшной заразы, москвичи устремились к иконе «чудотворной» Богородицы. Опасаясь распространения эпидемии, архиепископ Амвросий распорядился убрать икону. Горожане, обезумевшие от горя и

страха, подняли восстание, которое продолжалось три дня и было подавлено только после прибытия в Москву гвардейских частей под командованием Г. Орлова.

Эти события побудили светские власти принять ряд мер, предупреждающих возникновение и распространение эпидемий в стране. Одна из таких мер прописана в сенатском указе от 24 декабря 1771 г. (здесь и далее даты указаны в старом стиле). Согласно указу, отныне запрещалось хоронить умерших при городских церквях, и предписывалось создавать особые кладбища за городской чертой «на выгонных землях, где способнее». От губернаторов и воевод требовалось согласовать с местными духовными командами вопросы, касающиеся землеотвода и строительства новых церквей (ПСЗРИ. 1830. Т. XIX. 1770–1774. С.409).

Можно видеть, что такое изменение погребального обряда имело всероссийское значение. Однако в различных городах страны потребовались разные сроки для полного выполнения всех мер, прописанных в указе. Так, например, в г. Туле новое кладбище начало действовать уже с мая 1772 г. (Ковшарь И.Г. К вопросу о топографии исторических кладбищ г. Тулы // Труды Музея города Москвы. Вып. 10. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000 С. 127). В Томске же, в связи с получением сенатского указа, возник длительный спор о выборе места расположения нового кладбища. В результате территория, определенная для него, находилась на столь труднодоступном мысу, что местные жители вплоть до 1775 г. бойкотировали новое кладбище и хоронили умерших в местах, не предназначенных для погребений (ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 786, 823). Следует также добавить, что Тобольская консистория распространяла действие указа 1771 г. не только на города, но и на села и волости Тобольской епархии (Там же. Д. 840. Л.1).

О том, какие меры в сибирской столице были предприняты вслед за появлением сенатского указа 1771 г., можно узнать из документов, хранящихся в архиве г. Тобольска. Согласно им 21 августа 1772 г. от имени губернатора Д.И. Чичерина было объявлено об отводе места для погребения мертвых тел за городом «близ прежде стоящего убогого дома» (ГУТО ГАТ. Ф. 156.

Оп. 3. Д. 418. Л. 1). Этот участок расположен на высоком берегу р. Иртыш к северу от городского вала 1688 г. Последняя особенность и определила название нового кладбища — Завальное. Предписывалось также построить здесь «на первый случай» хотя бы небольшую деревянную церковь. Указания о точных сроках ее строительства в документах отсутствуют. Однако известно, что 11 октября 1774 г. епископ тобольский и сибирский Варлаам (Петров) благословил соборное обложение деревянной церкви Семи Отроков Эфесских. И несколько позднее, 22 октября, она была освящена. В это же время велелось готовиться к строительству одноименного каменного храма на территории кладбища, возведение которого было поручено сержанту геодезии Андрею Абарину (Там же. Л. 2).

Первоначально к деревянной церкви не было назначено определенного священника для несения службы. В связи с этим 29 октября 1774 г. появился приказ Тобольской консистории, в котором предписывалось шестнадцати городским священникам Троицкого собора, Богоявленской, Воскресенской, Благовещенской, Архангельской, Христорожественской, Сретенской, Крестовоздвиженской церковью нести литургии на кладбищенской церкви из расчета по четыре службы на каждого (Там же. Л. 3-4). Неизвестно, насколько долго выполнялся этот приказ, так как в реестре, где поименно названные священники должны были отмечать выполнение указанной нормы, такого рода пометки отсутствуют (Там же. Л. 4).

Каменная кладбищенская церковь была построена в достаточно короткие сроки. 4 августа 1775 г. она была заложена, и ровно через год — 4 августа 1776 г. — освящена. Выбор этих дат объясняется тем, что именно 4 августа (или 17 августа по новому стилю) отмечается день Святых Семи Отроков Эфесских. Следует отметить, что все остальные каменные храмы г. Тобольска, возведенные во второй половине XVIII в., строились гораздо более продолжительное время. Данный факт, вероятно, указывает на то, что созданию Завальной церкви придавалось особое значение. В архивных документах указывается, что уже к началу 1776 г. она была практически отстроена, но «в совершенстве еще не приведена, а потребно еще к тому оную во

всем по узаконению святыя восточныя нашея православныя церкви украсить еще благолепием церковным» (Там же. Л. 6). В связи с этим на всей территории Тобольской епархии 9 февраля 1776 г. был объявлен сбор средств, их прием предполагалось производить в течение трех лет. На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, сложно определить размеры и значение этого сбора, однако в клировых ведомостях 1907 г. указано, что каменный храм построен старанием губернатора Д.И. Чичерина «и усердием доброхотных жертвователей» (ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 19. Д. 325. Л. 136).

Церковь Семи Отроков Эфесских, согласно С.П. Заварихину, является последней приходской церковью г. Тобольска. (Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М., Искусство, 1987 С. 144). Данное утверждение следует признать не совсем точным. В клировых ведомостях 1907 г. при описи церковного имущества отмечается, что «копий с метрических книг, за неимением при сей церкви прихода, нет» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 325. Л. 137). Опираясь на эти данные, можно обоснованно утверждать, что церковь Семи Отроков создавалась именно как кладбищенская, и вплоть до начала XX в. не могла называться приходской.

Архивные материалы также содержат в себе сведения о количестве погребенных в первые годы функционирования Завального кладбища. В таблице приведены данные с 14 сентября 1772 г., вероятно, именно в этот день было совершено первое погребение.

**Количество погребенных на Завальном кладбище
с 1772 по 1780 г.**

Таблица

	1772	1773	1774	1775	1776	1777	1778	1779	1780	Всего
Муж.	77	236	291	315	334	237	241	292	341	2364
Жен.	87	237	268	290	370	203	239	297	354	2345
Всего	164	473	559	605	704	440	480	589	695	4709

Приведенные данные позволяют говорить о достаточно высокой смертности жителей г. Тобольска в указанные годы. В то же время они являются еще одним подтверждением того, что, начиная с осени 1772 г., хоронить при приходских церквях практически полностью перестали. Исключением из этого правила являются погребения лиц высокого духовного звания или погребения людей, имевших особые заслуги перед епархией. Подобные погребения неоднократно выявлялись при производстве археологических исследований в черте г. Тобольска. Наиболее ярким примером является Софийско-Успенский собор и его Северный придел, внутри которых было обнаружено несколько кирпичных склепов, где покоились останки высоких церковных иерархов XVIII — начала XX в.

Таким образом, совокупность всех данных позволяет утверждать, что сенатский указ 1771 г. имел большое значение для планировки сибирских городов XVIII в. Его выполнение привело к созданию новых загородных кладбищ и к строительству особых кладбищенских церквей. Эти обстоятельства формируют важный хронологический признак для датировки погребений, обнаруженных в городской черте. Однако следует учитывать, что в различных регионах потребовались разные сроки для полного выполнения всех мер, прописанных в указе.

Источники:

- Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 418.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156 Оп. 19. Д. 325.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 786, 823, 840.
- Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987. 192 с. ПСЗРИ. 1830. Т. XIX. 1770–1774.
- Ковшарь И. Г. К вопросу о топографии исторических кладбищ г. Тулы // Труды Музея города Москвы. М., 2000. Вып. 10. — Археологические памятники Москвы и Подмосковья.

Пристеночный Алябьев

Когда-то, лет двадцать пять назад, когда мы были молодыми, возле здания тюменской областной филармонии стоял бюст композитора, родившегося в Тобольске, Александра Александровича Алябьева, автора знаменитого романса «Соловей». Небольшого, согласно рангу — не Ленин же — размера бюст, покрашенный в черный цвет, однажды таинственно исчез с постамента. Событие городского масштаба не мусировалось прессой. Советский снобизм — бюсты даже из цветных металлов воровали редко.

Местная интеллигенция все-таки пыталась прояснить для себя тайну пропажи. Через какое-то определенное время, собравшись на кухне, какой-нибудь знаток местной богемы рассказывал по секрету только ему известную вещь.

Один из горкомовских работников во время планового посещения концерта очередных заезжих виртуозов, с окна второго этажа обнаружил похуже головы композитора, о ужас, на фалический предмет. Если не сказать проще...

И на очередном заседании бюро горкома партии сей предмет искусства, чтобы не навевал во время концертов ненужные ассоциации, был признан пристеночным.

Название этой рубрики появилось благодаря мальчику Егорке, который подобно Оське, герою «Кондуита и Швамбрании» Льва Кассиля, перевирал со страшной силой слова. Давно Егорки уже нет... Он вырос. И много лет приглашает не маму посмотреть тюменскую «ахертектуру», а молоденьких девушек. Пусть они разбираются, что и как называется...

Судя по тому, что бюст был водворен в холл второго этажа, анекдот о причине пристеночности А.А. Алябьева не вызывал ни у кого недоверия, а скорее приступ смеха: идеологические работники во всем пытались отыскать если не происки ЦРУ, то какой-нибудь подвох в работе художников.

Пигмалион по-тюменски

На Одесской между корпусами медицинского института еще при первом ректоре, ныне покойном, А.А. Моисеенко, был разбит сквер. Большой, просторный, в который и сегодня еще не решился ни один из строителей залезть со своим проектом. И вот в Ленинском райкоме партии в 80-е годы решили, что в центре зеленого массива должна стоять скульптура, символизирующая сегодняшний день. Дали соответствующее задание руководству института.

Не успели счет проплатить москвичам за это Нечто, а оно, упакованное, было доставлено железной дорогой, не осмотренное никем. Вскрыли ящик и ахнули. Голый юноша, стыдливо прикрывающий задницу одной рукой, вторую тянул к солнцу. Такая красивая простота стоила недешево. Несколько тысяч, машину хорошую можно было купить по тем временам.

Делать было нечего. Установили в центре сквера. По вечерам под этим Нечто собирались кучками студенты и играли в веселую игру. Задавали всем вопрос: пожалел скульптор глины или нет. А по утрам секретарю парткома вуза прибавилось дел. Рабочий день для него начинался у постамента. Взобравшись на лестницу или на какую-то другую возвышенность, секретарь снимал с юноши трусы, появлявшиеся каждой ночью.

С протянутой рукой дела обстояли гораздо хуже. Добраться до ее пальцев и избавиться их от тяжести очередного утюга было не так просто. А не снять было нельзя, дабы избежать травматизма: вдруг обломятся пальцы и упадет сей предмет на голову случайного пешехода...

Проблему решили кардинально: композиция была срезана сварочным аппаратом и много лет подряд возвышалась на крыше столовой, вызывая недоуменные вопросы у всех на нее взиравших: что она здесь делает?

Что, что? На балансе стоит...